

Е. В. Сторожакова

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО НА УРОКАХ ИСТОРИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВУЗОВ

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по педагогическим направлениям*

**Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2020

УДК
ББК

Автор:

Рецензенты:

Сторожакова, Е. В.

Методика обучения истории. Художественное слово на уроках истории : учебное пособие для вузов / Е. В. Сторожакова. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 305 с. — (Высшее образование). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-534-12440-8

УДК
ББК

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-12440-8

© Сторожакова Е. В.,
© Сторожакова Е. В., 2020
© ООО «Издательство Юрайт», 2020

Оглавление

Русь изначальная Древняя Русь...	9
Китеж.....	10
Скифы.....	12
Скифы.....	13
Комментарии.....	13
Обры.....	14
К славянам.....	15
Комментарии.....	16
Прокопий Кесарийский о славянах и антах.....	16
Песнь Ингелота.....	17
Комментарии.....	18
Песнь о вещем Олеге.....	19
Олег.....	21
Олегов щит.....	24
Комментарии.....	25
Княгиня Ольга.....	28
Святослав.....	35
Завет Святослава.....	42
Песнь Баяна.....	43
После битвы.....	43
Комментарии.....	44
Киев.....	46
Змей Тугарин.....	47
Вольга и Микула Селянович.....	52
Последний бой со Змеихой.....	57
Комментарии.....	60
Владимир.....	62
Комментарии.....	71
Храм богородицы в Киеве.....	72
Живая вода.....	73
Илья Муромец.....	74
Алеша Попович.....	76
Комментарии.....	79
Убийца Глеба и Бориса.....	79
Фрагмент жития Бориса и Глеба.....	81

Комментарии	84
Песня о Гаральде и Ярославне	85
Песнь Гаральда Смелого	88
Гакон Слепой	89
Ярослав Мудрый	90
Комментарии	97
Владимир Мономах	98
Комментарии	103
<i>Литература</i>	104
Раздробленность русских земель	106
Комментарии	106
Дикое поле	106
Роман Галицкий	108
Комментарии	109
Князь Ростислав	110
Владимирская Богоматерь	111
Андрей Рублев	113
<i>Литература</i>	123
Ледовое побоище	124
Комментарии	124
Юность полководца	125
Перед рассветом	125
Русские клещи сомкнулись	127
Конец Брудегама	130
После битвы	132
Ледовое побоище	133
Летопись	138
Комментарии	139
<i>Литература</i>	141
Монголо-татарское иго	142
Рубрук в Монголии	142
Чингиз-хан	145
«Хорошо в степях Керулена!»	145
Битва началась	147
«И бысть сеча зла и люта...»	148
Татарский пир на костях	152
Летопись	155
Разорение русской земли полчищами Батя.	
Восстание против завоевателей в 1262 г.	155
Евпраксия	156
Княгиня Евпраксеюшка	157
Комментарии	160
Батый	161

Народный сполох.....	161
Рязанское вече.....	163
Великий совет Чигизидов.....	163
Злая ночь.....	164
Последние дни Рязани.....	166
Прощание с павшими.....	169
Скорбные дни города Владимира.....	172
Живой костер.....	176
Ночная схватка.....	182
Берендеево болото.....	183
«А Русь-то снова строится!».....	186
К «Последнему морю».....	188
Последнее вече Киева.....	188
Последний час Киева.....	190
<i>Литература</i>	193
Куликовская битва.....	194
Из цикла «На поле Куликовом».....	194
Нашествие Мамай (Песнь Баяна).....	195
Баян к русскому воину при Дмитрие Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве.....	196
Там, за Непрядвою, за Доном.....	197
Комментарии.....	200
Дмитрий Донской.....	202
Дума.....	202
Затмение (из романа «Имя твое»).....	205
Задонщина (Стихотворное переложение Бориса Примерова).....	206
Монолог воина с поля Куликова.....	214
Баллада.....	215
В родительском доме (из книги «Дмитрий Донской»).....	216
Дмитрий Донской.....	219
Комментарии.....	221
<i>Литература</i>	222
Централизация.....	223
Святая Русь.....	223
Заклинание (От усобиц).....	224
Заклятье о русской земле.....	224
Комментарии.....	226
Время власти.....	227
Комментарии.....	232
Новгород.....	237
Из московского летописного свода конца XV века о борьбе Ивана III за Новгород.....	238
Комментарии.....	238

Иван III — государь всея Руси.....	240
Великий князь Московский.....	240
Дела московские	245
На походе	260
Рука Рима	261
Новые победы	267
Комментарии	270
<i>Литература</i>	270
Художественное слово на уроках истории	271
<i>Литература</i>	300
Новые издания по дисциплине «Методика обучения истории» и смежным дисциплинам.....	305

Дорогой учитель!

Идея выпустить книгу «Художественное слово на уроках истории» возникла у нас давно... Мы лелеяли ее в течение ряда лет и, наконец, пришли к выводу о необходимости и полезности такой книги для учителя и детей. Представленный материал тщательно подобран, соответствует школьной программе и был опробован на уроках авторов книги. Его использование, без сомнения, позволило добиться высоких показателей в учебе и имело большое воспитательное значение. Если еще раз указать на полезность книги, то прежде всего с ориентацией на современную концепцию в преподавании истории. В этом смысле в школе большое внимание уделяется государственным образовательным стандартам и контролирующим их соблюдение тестам... Мы не говорим, что это плохо, мы лишь подчеркиваем, что этого мало...

Школьник нового поколения, конечно, логик, рационалист, прагматик, и стандартизация для него благо, но он одновременно и человек ощущений, переживаний, настроений и чувств, способный не только отыскивать в звездном небе известные ему планеты, но и чувствовать величие вселенной, переживать таинство ночного неба, космоса... Помимо причин и следствий, ему присуще нести в себе настроение простой человеческой жизни, сопереживать, осмысливать, взаимодействовать с персонами культуры и истории... Более того, он готов переживать свое воображаемое участие в эпических, сословных, житейских событиях. Именно поэтому современный школьник нуждается в исторических художественных образах, они — другая, не менее важная сторона его эмоционального мира... Чтобы вместе с учителем чувствовать целые эпохи, а вместе с поэтом охватить одним взглядом, одним словом свою Родину:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

А произнося эти строки, ужаснуться далее убийству Бориса и Глеба, и опустить глаза после смерти Александра Пересвета. «Он мчался навстречу Чулубею и знал, что погибнет... И потому выходя из строя на поединок оглянулся, чтобы увидеть своих товарищей, попрощаться глазами и броситься не задумываясь, по-русски, навстречу смерти... А еще через мгновение душа Пересвета поднялась

над полем Куликовым, чистая прекрасная душа православного человека, глаза которого были полны слез и счастья...» И он, только он, через столетия мог воскликнуть

О Русь моя! Жена моя!
До боли нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской
Древней воли пронзил нам грудь.
Наш путь — степной,
Наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!..

Пробудить душу и сердце школьника, создать ему условия для полноценной счастливой жизни, где нет места лицемерию и ханжеству... В этом мы видим задачу нашей книги.

Дорогой учитель! В 6-м классе, ты ведь знаешь, это тем более необходимо и важно, и может быть важнее рационализма и логики. Чтобы ты вместе со своим классом торжествовал и печалился, ненавидел зло и восхищался героическим поступком. А главное, с помощью исторических художественных образов сумел бы привести детское сознание к пониманию того, что выше человеческой любви, творчества, желания служить Родине и человечеству нет никаких идеалов и ценностей.

Об этом наша книга, в этом суть нашего опыта.

Русь изначальная Древняя Русь...

Древняя Русь... Эти два простых слова вызывают в памяти белокаменные соборы, тяжелые, мерцающие темным золотом доски икон, суровые и просветленные лики фресок на стенах храмов, киноварные инициалы старого пергамента церковных книг. Тысячелетний фольклор сохранил нам былинные сказы о подвигах Ильи Муромца, Микулы Селяниновича, о многих богатырях, легендарных и реальных защитниках земли Русской.

Леса, пашни, бескрайние протяженности равнины, где простор мерили не метрами и верстами, а днями и неделями, проведенными в пути. Еще нечастые поселения пахарей-смердов, небольшие рубленые города. Все бытие и самая жизнь — от колосющейся нивы, щедрых рек, изобилия дремучих лесов-раменей... Случалось, и коней не запрягали в соху или деревянную борону. Коней седлали, шли воинством, щитами прикрывали Русь от звонких, изящно оперенных стрел, разом ударяли на хазар ли, печенегов ли, половцев. Бывало, скрывались в леса от лихого набега степных конников.

Князья ставили города, хаживали на соседей: мечом покоряли новые земли, тиуны¹ вершили суд, дружина собирала дани. Русь исподволь расширялась, укреплялась и устраивалась. Так, или почти так, большинству из нас, тем, кто специально не занимается историей средних веков или искусством, литературой той эпохи, представляется Киевская Русь. Прошлое — как бы идиллия, картины простой и понятной жизни, родниково чистых рек и густых дубрав, а если рисуется оно и не такой мирной картинкой, то, во всяком случае, как нечто, основанное на твердых устоях крестьянского — хрестьянского — христианского мира, на четком круге вечных представлений о Вселенной, Человеке, Боге, Добре и Зле.

Специалисты знают о прошлом намного больше и знают иначе. Жизнь и в Древней Руси была трудной и жесткой, часто жестокой и немилостивой. Она была столь же коротка, как и наша, и казалась нашим предкам столь же стремительно переменчивой и быстротекущей. Конечно, это были не молниеносные виражи нашего века, но и тогда, на памяти поколения другого, жизнь менялась до, каза-

¹ Тиун — чиновник в древней Руси.

лось бы, неузнаваемости. Не было простого и неспешного бытия-существования, не было навечно незыблемого, а порою и древним славянам, нашим праотцам, казалось, что вообще нет в мире ничего устойчивого и близится, близится Страшный Суд Божий.

Было так, было, не одна вода текла в руслах светлых рек, вскипали в ней кровавые струи, черными озерами разливалась кровь в полях, на которых давно уже стоят или еще встанут памятники героям и жертвам...

[10, 5]

Ш. А. Волошин

Китеж

1

Вся Русь — костер. Неугасимый пламень
Из края в край, из века в век
Гудит, ревет... И трескается камень.
И каждый факел — человек.
Не сами ль мы, подобно нашим предкам,
Пустили пал? А ураган
Раздул его и тонут в дыме едком
Леса и села огнищан¹.
Ни Сергиев, ни Оптиная, ни Саров
Народный не уймут костер:
Они уйдут, спасаясь от пожаров,
На дно серебряных озер.
Так отданная на поток татарам
Святая Киевская Русь
Ушла с земли, прикрывшись Светлоярмом...
Но от огня не отрекусь!
Я сам — огонь. Мятеж в моей природе,
Но цепь и грань нужны ему.
Не в первый раз, мечтая о свободе,
Мы строим новую тюрьму.
Да, вне Москвы — вне нашей душной плоти,
Вне воли медного Петра —
Нам нет дорог: нас водит на болоте
Огней бесовская игра.
Святая Русь покрыта Русью грешной,
И нет в тот град путей,
Куда зовет призывный и нездешний
Подводный благовест церквей.

¹ Огнищанин — богатый, знатный человек, владелец дома.

2

Усобицы кромсали Русь ножами.
Скупые дети Калиты
Неправдами, насильем, грабежами
Ее собирали лоскуты.
В тиши ночей звездяных и морозных,
Как лютый крестовик-паук,
Москва пряла при Темных и при Грозных
Свой тесный, безысходный круг.
Здесь правил всем изветчик и наушник,
И был свиреп и строг
Московский Князь — «постельничий и ключник
У Господа», — помилуй Бог!
Гнездо бояр, юродивых, смиренниц —
Дворец, тюрьма и монастырь,
Где двадцать лет зарезанный младенец
Чертил круги, как нетопырь¹.
Ломая кость, вытягивая жилы,
Московский строился престол,
Когда отродье Кошки и Кобылы
Пожарский царствовать привел.
Антихрист — Петр распаренную глыбу
Собрал, стянул и раскачал,
Остриг, обрил и, вздернувши на дыбу,
Наукам книжным обучал,
Империя, оставив нору кротью,
Высиживалась из яиц
Под жаркой коронованною плотью
Своих пяти императриц.
И стала Русь немецкой, чинной, мерзкой.
Штыков сияньем озарен,
В смеси кровей Голштинской с Вюртембергской
Отстаивался русский трон.
И вырвались со свитой из-под трона
Клубящиеся пламена —
На свет из тьмы, на волю из полона —
Стихии, страсти, племена.
Анафем церкви одолев оковы,
Повоскресали из гробов
Мазепы, Разины и Пугачевы —
Страшилища иных веков.
Но и теперь, как в дни былых падений,
Вся омраченная, в крови,
Осталась ты землю исступлений —
Землей взыскующей любви.

¹ Нетопыри — род млекопитающий подотряда летучих мышей.

3

Они пройдут — расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И отрезвлясь от крови и угара,
Цареву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
Затеplit яркую свечу.
Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи крест, на выю¹ трон.
На дне души гудит подводный Китеж —
Наш неосуществимый сон.

[6, 204—206]

*Коктебель 18 августа 1919 г.
Во время наступления Деникина на Москву*

К. Д. Бальмонт

Скифы

Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Бросив замок Ольвийский² с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.

Нет ни капищ³ у нас, ни богов, только зыбкие тучи
От востока на запад молитвенным светят лучом.
Только богу войны темный хворост слагаем мы в кучи
И вершину тех куч украшаем железным мечом.

Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагрязнем,
И бесстрашно насытим мы алчные души свои.
И всегда на врага тетиву без ошибки натянем,
Напитавши стрелу смертоносною желчью змеи.

Налетим, прошумим — и врага повлечем на аркане,
Без оглядки стремимся к другой непочатой стране.

¹ Выя — то же, что и шея (*стар.*).

² Ольвия — город скифов на берегу реки Буга.

³ Капище — языческий храм.

Наше счастье — война, наша верная сила — в колчане,
Наша гордость — в не знающем отдыха быстром коне.

[1, 40]

К. Д. Бальмонт

Скифы

Мерю степь единой мерою,
Бегом быстрого коня.
Прах взмету, как тучу серую.
Где мой враг? Лови меня.

Степь — моя. И если встретится
Скифу житель чуждых стран,
Кровью грудь его отметится,
Пал — и строй себе курган.

У меня — броня старинная,
Меч прямой и два копыя,
Тетива на луке длинная,
Стрел довольно. Степь — моя.

Лик коня, прикрытый бляхами,
Блеском грифов, птиц и змей,
Ослепит огнем и страхами
Всех врагов меты¹ моей.

А мета моя — высокая
Византийская княжна,
Черноокая, далекая,
Будет мне мечом дана.

Полетим как два мы сокола.
Звон бубенчиков, трезвонь.
Кто вдали там? Кто здесь около?
Прочь с пути! Огонь не тронь.

[2, 376—378]

1914

Комментарии

Наследие цивилизаций Древнего мира на южных окраинах нашей страны. В эпоху Древнего мира на территории нашей стра-

¹ Мета — метка, знак; цель.

ны не сложилось высокоразвитых цивилизаций. Для древних греков, римлян, персов и китайцев это была далекая северная окраина, заселенная разноразными племенами.

Лишь в Северном Причерноморье располагались *античные города-государства*. Там до сих пор стоят развалины некогда величественных храмов, цирков, правительственных зданий, роскошных бань, ремесленных мастерских, торговых складов, морских причалов. Здесь звучали древнегреческий и латинский языки, составлялись рукописи, в театрах ставили комедии и трагедии. В первые века новой эры здесь появились христианские церкви.

В степях к северу от колоний античной цивилизации долгое время господствовали ирано-язычные племена *скифов-кочевников*. Вооруженные железными мечами-акинаками, тугими луками и стрелами с бронзовыми наконечниками, они на 500 лет стали хозяевами Северного Причерноморья и создали свое государство — *Скифское царство*.

Скифы подчинили себе земледельческие племена, жившие на границе лесной и степной полосы. Земледельцы сделались подданными скифских «царей», выплачивали подати хлебом, рабами. Они торговали с кочевниками, перенимали многие обычаи: курганные захоронения, конскую упряжь, особый тип золотых и серебряных украшений. Часть земледельцев даже приняла имя завоевателей — «скифы-пахари». Так на юге Восточной Европы сложилась большая культурная общность разноразных племен, которую греки называли «Великая Скифия».

Через античные города-колонии между Средиземноморьем и югом Восточной Европы установились тесные торговые и культурные связи. Города Древней Греции покупали восточноевропейский хлеб, лес, скот, соленую рыбу, а к степным и лесным племенам попадали греческие амфоры с оливковым маслом, виноградным вином, изысканные ювелирные украшения, монеты античных городов-государств.

Благодаря греческим городам-колониям и Скифскому царству юг европейской части нашей страны испытал влияние античной греко-римской цивилизации.

[7, 21—22]

А. Н. Толстой

Обры

Лихо людям в эту осень:
Лес гудит от зыков рога —

Идут Обры¹, выше сосен,
Серый пепел — их дорога.
Дым лесной вползает к небу
Жалят тело злые стрелы;
Страшен смирному Дулебу²
Синий глаз и волос белый.
Дети северного снега
На оленях едут, наги;
Не удержат их набега
Волчьи ямы и овраги.
И Дулеб кричит по-птичьи;
Жены, взнузданы на вожжи,
Волокут повозки бычьи,
Зло смердят святые рощи.
Обры, кинув стан на Пселе,
Беленою трут колени;
За кострами, на приколе
Воют черные олени.
Так прошли. С землей сравнялись...
Море ль их укрыло рати?
Только в тех лесах остались
Рвы да брошенные гати.

[22, 25]

К. Д. Бальмонт

К славянам

Славяне, вам светлая слава —
За то, что вы сердцем открыты,
Веселым младенчеством нрава
С природой весеннею слиты.

К любому легко подойдете,
С любым вы смеетесь как с братом,
И все, что чужого возьмете,
Вы топите в море богатом.

Враждуя с врагом поневоле,
Сейчас помириться готовы,
Но если на бранном вы поле —
Вы тверды и молча суровы.

¹ Обры — древне-русское название аваров.

² Дулебы — союз восточно-славянских племен на территории Западной Волыни.

И снова мечтой расцветаясь,
Вы — где-то, забывши об узком,
И светят созвездья, качаясь,
В сознании польском и русском.

Звения, разбиваются цепи,
Шумит, зеленея, дубрава,
Славянские души — как степи,
Славяне, вам светлая слава!

[14, 192]

1904

Комментарии

Народы лесной полосы в начале Средних веков. Лесные просторы нашей страны были удалены от очагов древних цивилизаций, и распад первобытного строя здесь происходил медленнее, чем в степи.

Между Карпатскими горами и средним течением Днепра жили славяне-земледельцы. Их соседями были степняки-кочевники. С ними славянам приходилось вести постоянную борьбу за плодородные черноземы на границе леса и степи. В ходе этой борьбы они объединялись в союзы во главе с вождями, строили земляные валы на границе со степью. В начале Средневековья (середина I тыс. н. э.) славяне разделились на три ветви: *западную, южную, восточную* — и начали заселять соседние земли. Союзы племен восточных славян продвигались от берегов Днепра к Финскому заливу, Оке и Волге. Так они оказались на землях современной России.

[7, 23]

Прокопий Кесарийский о славянах и антах

Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают,

что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый.

[8, 14]

М. Ю. Лермонтов

Песнь Ингелота

1

Собралися люди мудрые
Вкруг постели Гостомысловой.
Смерть над ним летает коршуном!
Но, махнувши слабою рукой,
Говорит он речь друзьям своим:

2

«Ах вы, люди новгородские!
Между вас змея-раздор шипит.
Призовите князя чуждого,
Чтоб владел он краем родины!» —
Так сказал и умер Гостомысл.

3

Кривичи, славяне, весь и чудь
Шлют послов за море синее,
Чтобы звать князей варяжских стран.
«Край наш славен — но порядка нет!» —
Говорят послы князьям чужим.

4

Рурик, Трувор и Синав клялись
Не вести дружины за собой;
Но с зарей блеснуло множество
Острых копий, белых парусов
Сквозь синеющий туман морской!..

5

Обманулись вы, сыны славян!
Чей белеет стан под городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!..

6

Тридцать юношей собираются,
Мечь в душе, в глазах отчаянье,
Ночи мгла спустилась на холмы,
Полный месяц встал, и юноши
В спящий стан врагов являются!

7

На щиты склонясь, варяги спят,
Луч луны играет по кудрям.
Вот струею потекла их кровь,
Гибнет враг — но что за громкий звук?
Чье копьё ударилось о щит?

8

И вскочили пробужденные,
Злоба в крике и движениях!
Долго защищались юноши,
Много пало... только шесть осталось...
Мир костям убитых в поле том!

9

Княжит Рурик в Новегороде,
В диких дебрях бродят юноши;
С ними есть один старик седой —
Он поет о родине святой,
Он поет о милой вольности!

[13, 51—57]

Комментарии

На севере у Новгорода. Легенда о призвании варягов. Как вы помните, варяги принудили кривичей и ильменских словен платить дань. Терпения данников хватило на три года. В 862 году они прогнали варягов за море и стали «сами собой владеть». Но началась межплеменная усобица. «Встал род на род». Никто не мог одержать верх. Чтобы прекратить войну, словене и чудь решили пригласить в князья нейтрального иноземного владыку. Послы северных славянских племен, мери и чудь отправились к варягам с призы-

вом: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Три брата — Рюрик, Трувор и Синеус — поспешили на призыв. Рюрик сел в Ладоге, Синеус — на Белоозере, а Трувор — у кривичей в Изборске. Через два года умерли Трувор и Синеус. Рюрик княжил во всей земле один. «Те варяги назывались русью... И от тех варяг прозвалась Русская земля».

[23, 15—16]

А. С. Пушкин

Песнь о вещем Олеге

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хозарам,
Их селы и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещей язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачились думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевой поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? все так же ль легок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалеко,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия,
Шипя, между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

[15, 100—103]

1822

М. Ю. Лермонтов

Олег

1

Во мгле языческой дубравы
В года забытой старины
Когда-то жертвенник кровавый
Дымился божеству войны.

Там возносился дуб высокой,
Священный древностью глубокой.
Как неподвижный царь лесов,
Чело до самых облаков
Он подымал. На нем висели
Кольчуги, сабли и щиты,
Вокруг сожженные кусты
И черепа убитых тлели...
И песня Лады никогда
Не приносилась сюда!..

2

Поставлен веры теплым чувством,
Блестел кумир в тени ветвей,
И лик, расписанный искусством,
Был смыт усилием дождей.
Вдали лесистые равнины
И неприступные вершины
Гранитных скал туман одел,
И Волхов за лесом шумел.
Склонен невольно к удивленью,
Пришелец чуждый, в наши дни
Не презирай сих мест: они
Знакомы были вдохновенью!..
И скальдов северных не раз
Здесь раздавался смелый глас...

II

Утихло озеро. С стремниной
Молчат туманные скалы,
И вьются дикие орлы,
Крича над зеркальной пучиной.
Уж челнока с давнишних пор
Волна глухая не лелеет,
Кольцом вокруг угрюмый бор,
Подняв вершины, зеленеет,
Скрываясь за хребтами гор.
Давно ни пес, ни всадник смелый
Страны глухой и опустелой
Не посещал. Окрестный зверь
Забыл знакомый шум ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоит теперь?..
С какою здесь он мыслью странной?
С мечом, в кольчуге, за спиной
Колчан и лук. Шишак стальной
Блестит насечкой иностранной...
Он тихо красный плащ рукой
На землю бросил, не спуская

Недвижных с озера очей,
И кольца русые кудрей
Бегут, на плечи ниспадая.
В герое повести моей
Следы являлись кратких дней,
Но не приметно впечатлений:
Ни удовольствий, ни волнений,
Ни упоительных страстей.

И, став у пенистого берега,
Он к духу озера воззвал:
«Стрибог! я вновь к тебе предстал,
Не мог ты позабыть Олега.
Он приносил к тебе врагов,
Сверша опасные набеги.
Он в честь тебе их пролил кровь.
И тот опять среди сих лесов,
Пред кем дрожали печенеги.
Как в день разлуки роковой,
Явись опять передо мной!»

И шумно взволновались воды,
Растут свинцовые валы,
Как в час суровой непогоды,
Покрылись пеною скалы.
Восстал в середине столб туманный...
Тихонько вид меня странный,
Ясней, ясней, ясней... и вот
Стрибог по озеру идет.
Глаза открытые сияли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые волосы бежали
По голым персям старика.

III

Ах, было время, время боев
На милой нашей стороне.
Где ж те года? Прошли оне
С мгновенной славою героев.
Но тени сильных я видал
И громкий голос их слышал:
В часы суровой непогоды,
Когда, бушующая, плещут воды,
И вихрь, клубя седую пыль,
Волнует по полям ковыль,
Они на темно-сизых тучах
Разнообразною толпой Летят.
Щиты в руках могучих,
Их тешит бурь знакомый вой.

Сплетаясь цепию воздушной,
Они вступают в грозный бой.
Я зрел их смутною душой,
Я им внимал неравнодушно.
На мне была тоски печать,
Бездействием терзалась совесть,
И я решился начертать
Времен былых простую повесть.

Жил-был когда-то князь Олег,
Владелец русского народа,
Варяг, боец (тогда свобода
Не начинала свой побег).
Его рушительный набег
Почти от Пскова до Онеги
Поля и веси покорил...
Он всем соседям страшен был:
Пред ним дрожали печенеги,
С ним от Каспийских берегов
Казары дружества искали,
Его дружины побеждали
Свирепых жителей дубров.
И он искал на греков мести,
Презреньем гордых раздражен...
Царь Византии был смущен
Молвой ужасной этой вести...
Но что замедлил князь Олег
Свой разрушительный набег?..

[13, 78—79]

1829

А. С. Пушкин

Олегов щит

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой

К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

[15, 116]

1829

Комментарии

В Новгороде сидела варяжская династия. О княжении Рюрика мало что известно. После смерти Рюрика остался его малолетний сын Игорь, а князем стал его родич Олег.

Олег сидел в своей крепости в Ладоге, пировал и совещался с дружиной (в те времена совещания проходили во время пира). Рыжеволосые викинги, воины-русы с длинными усами и бритой головой, бородатые славянские дружинники и широкоскулые финны сидели на неструганных лавках. Пили из рогов мед и пиво, отрезали от жарившейся на огне в центре зала туши куски мяса. Не на одном ли из таких пиров у Олега возникла мысль отправиться в поход на соседние славянские земли и Византию? Весть о набеге, а следовательно, о славе и добыче быстро собрала под Олеговы стяги воинов. И вскоре дружина новгородского князя на ладьях потянулась на юг.

В 882 году Олег хитростью захватил Киев. Переодевшись варяжским купцом, он заманил Аскольда и Дира к ладьям, где оба нашли свою смерть. «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», — молвил при этом Олег, ведь были Аскольд и Дир когда-то дружинниками и отпросились у Рюрика идти служить византийскому императору.

Так, в лето 6390 от сотворения мира, в 882 году от рождества Христова, возникла единая Русь.

В 907 году Олег во главе 80-тысячного войска отправился в поход на Царьград (Константинополь).

Когда пришла «великая скифь» (так греки окрестили Олегово войско), императора не было в городе. Греки перекрыли вход в бухту Золотой Рог цепью, и варварские ладьи не смогли подплыть к столице. Олег начал грабить округу. «...И много греков убил в окрестностях города, и разбил множество палат, и церкви пожег».

Потом, по легенде, русы поставили корабли на колеса и посуху устремились на штурм Царьграда. Испугавшись, греки решили пойти на переговоры.

Между Русью и Византией был заключен договор. Греки целовали крест, Олег с варягами клялся не воевать «римские» земли

Г. И. Семирадский (1843—1902).

Похороны знатного русса у восточных славян в X веке.

оружием и Перуном, а славянские воины — «скотьим богом» Велесом.

По договору грекам пришлось платить дань: по двенадцать гривен серебра на воина, да еще «уклады» на города восточных славян — союзников Олега. С русских гостей отныне не взимались торговые пошлины. Византийцы обещали предоставлять гостям жилье у монастыря св. Мамы, давать бесплатное продовольствие, а также чинить за свой счет корабли.

Легенда сообщает, что на ворота города в ознаменование заключения мира Олег прибил свой щит.

[23, 17—79]

До конца X в. наши предки были язычниками. Особых языческих храмов у славян не было, молились они своим богам в лесной глуши, у озер и рек, на возвышенных местах, потом в городах. Делали идолов, то есть изображения своих богов в виде людей, обыкновенно из дерева или глины, которые ставились прямо под открытым небом. В жертву приносили им разных животных, молились, гадали о будущем по различным приметам. Жрецов у восточных славян не было: совершали жертвоприношение старцы, старшины родов. Было у славян-язычников верование и в загробную жизнь, которую они представляли себе, как продолжение жизни земной. Поэтому родственники покойного должны были снабдить его всем необхо-

димым для такой жизни — пищей и питьем, одеждой и украшениями, оружием и конем, разами и даже женой. По рассказам некоторых арабских писателей тех времен руссы очень любили своих жен и дарили им всевозможные дорогие украшения: ожерелья, золотые и серебряные шейные цепочками. Взамен этого и жены платили мужьям большой верностью и, по примеру древних скифских женщин, часто принимали смерть вместе с ними — непременно по своему доброму желанию.

Вот как подробно описывает арабский писатель-путешественник X в. Ибн Фадлан обряд сожжения знатного русса, которое ему удалось лично видеть в Волжской Булгарии в 922 году. «Торжество сожжения произошло через десять дней после смерти. До этого покойника держали в могиле в той одежде, в которой он умер, а вместе с ним был поставлен пьяный напиток и положены плоды и балалайка. В назначенный для сожжения вождя руссов день приготовили ладью, украсили ее коврами и парчой, положили в нее подушки из парчи. Затем на берегу реки, установив ладью на четыре столба-подпоры, натянули над ней палатку, посадили в ладью покойника (умершего русса), богато одетого в парчовые одежды с Соболевой опушкой и обложили его подушками. Туда же бросили благовонные растения, вино, плоды, хлеб, мясо, рассеченных на части животных: коня, собаку, быков, зарезанных птиц — петуха и курицу. Вечером к ладье привели любимую женщину умершего. Она сняла свои украшения с рук и ног и подала их ангелу-смерти — старой женщине. Потом ее подняли на ладью, но не ввели в палатку, где лежал мертвец. Пришли мужчины и женщины со щитами и палками, и подали ей кружку с вином. Она взяла ее, пела над ней песню и выпила ее. Это она прощалась со своими подругами. Старуха (ангел-смерти) взяла ее за голову, ввела в палатку и сама вошла за ней. Там несчастную стали душить веревкой, а затем старуха-ведьма прикончила ее большим ширококлинным ножом. А для того, чтобы не слышно было стонов и воплей, присутствующие стучали палками по щитам и вообще производили всякий шум.

После этого приступили к торжественному сожжению трупа. Под ладью подложили дров, ближайший родственник покойного, взяв кусок дерева, зажег его, подошел к ладье задом и поджег ее. За ним стали подходить остальные люди с лучинами и дровами; каждый бросал в костер зажженную лучину и дрова. По их представлению сжигаемый в тот же час входит в рай. После сожжения прах умершего славянина собирали в сосуд, ставили его на вершине столба на распутье, иногда оставляли на месте, насыпавши там высокий курган. После этого начиналась тризна (поминки). На могиле пировали в честь умершего, прославляя его подвиги, перечисляя достоинства. Трупы, однако, не всегда сжигались. Случалось, что по-

койника зарывали в землю вместе с одеждой, сосудами, монетами и даже с живой любимой женой».

Таких могильных курганов и сейчас много на Юге России. Многие из них были раскопаны. В одних нашли кости, военные доспехи, украшения, в других — только сосуды с пеплом на обугленной земле.

[16]

С. Д. Скляренко

Княгиня Ольга

(Отрывки из романа «Святослав»)

<...> Княгиня Ольга вошла в трапезную через другую дверь и остановилась на пороге. Она была одета, как полагалось, — в белое платье из тонкого шелка, с тканым серебряным узором и широкой темной каймой; поверх платья плечи ее облегалo красное, затканное золотом корзно¹, темные волосы, расчесанные на пробор, прикрыты были белой шелковой повязкой, концы которой спадали на грудь; единственный знак великокняжеского рода — золотая гривна² — сверкал на шее, на ногах у нее были красные сафьяновые сапожки.

Княгиня была немолодая уже женщина, с продолговатым лицом, тонкими темными бровями, четко очерченным носом, строгими устами, но бледность, несколько глубоких морщин на лбу, большие горящие глаза, которые, казалось, пронизывали каждого насквозь, говорили о ее беспокойном нраве, тревогах, а может быть, о длинных бессонных ночах.

Как только княгиня вошла, сыновья, воеводы и бояре низко ей поклонились.

— Здрава будь, княгиня! — промолвили они.

Княгиня ответила на их приветствие, прошла вперед и остановилась у стола.

Тогда в трапезную вошла пожилая, слегка сгорбленная женщина с седыми волосами — ключница Ярина. Она приблизилась к княгине, поклонилась ей и поцеловала руку.

— Дозволь, княгиня, подавать!

— Начинай, Ярина! — ответила княгиня.

Ярина вышла, вернулась и поставила на стол горнцы³ с дымящимся жареным мясом, котелок с похлебкой, от которой валил пар,

¹ Корзно — плащ знатных людей в древней Руси.

² Гривна — золотой обруч, ожерелье, монисто.

³ Горнец — горшок.

большую миску с сочивом¹. В светлице запахло лавром, чабрецом, перцем.

Но княгиня не подавала знака садиться за стол. Она обернулась к воеводе Свенельду, кивнула ему головой, и тот взял со стола одну из деревянных мисок, положил в нее понемногу от каждого кушанья, стоявшего на столе: хлеба, мяса, рыбы, сочива, — потом отошел к печи в углу и переложил из миски на огонь утреннюю жертву. Огонь притух, над углями поднялся и быстро пронесся по трапезной дымок, но тут же огненные языки, словно жадные, гибкие пальцы, схватили еду, в жертвеннике громко заревело пламя.

Только тогда все сели за стол и начали есть.

В углу, на почетном месте, села княгиня, по правую руку от нее — сын Святослав, по левую — Улеб, а дальше — воеводы, бояре.

Княгиня Ольга потеплевшими глазами смотрела на своих сыновей.

Вот сидит Святослав! Мускулистый, широкий в плечах, немного неуклюжий, с могучей грудью и сильными руками, он кажется старше своих лет. Русого, с длинными и жесткими волосами, ровно подстриженными надо лбом и спадающими прядями на шею, с серыми глазами, иногда неожиданно темнеющими, с тонким, слегка горбатым носом и жестковатыми губами, Святослава нельзя было назвать красивым. Порой же княгиню Ольгу поражало и то, что Святослав вдруг мог сказать резкое слово, поспешить высказать свои мысли прежде старших, сделать что-либо наперекор, по-своему.

Совсем не таков был младший сын княгини, Улеб. Белолицый, с румянцем на щеках, с темными волнистыми волосами и такими же темными прямыми бровями с карими ласковыми глазами, младший сын княгини был послушный, услужливый, тихий, и, если бы не мужская одежда, его можно было бы принять за красную девицу. <...>

<...> Терем киевских князей был выстроен в два яруса. Первый ярус, куда через высокое крыльцо входили прямо со двора, начинался с сеней — большой горницы, в которую сквозь два узких окна с решетками и мелкими стеклами вливался скудный свет. В сенях стояли день и ночь княжьи гридни², сюда ранним утром приходили тиуны, бояре, воеводы, мужи лучшие и нарочитые.

От сеней направо и налево тянулись длинные узкие переходы. Налево — переход в княжью трапезную, направо — еще один переход, по обе стороны которого шли двери множества светлиц: в одной из них ждали своей очереди и дремали по ночам гридни, в другой жил ларник³ Перенюг, хранивший княжеские хартии и печать,

¹ Сочиво — чечевица.

² Гридни — княжеские дружинники.

³ Ларник — княжеский писец и хранитель печати.

в самом углу ютился христианский священник Григорий, которого княгиня держала при себе на Горе¹.

Это был добротный ярус, стены его строились в давние времена, — может быть, первый камень положил сам Кий. Князя более поздних времен достраивали его и расширяли... Но все здесь было как в старину: в сенях и переходах стояли тяжелые подсвечники, под потолком висели светильники, каменный пол был до блеска вытерт тысячами ног; тут пахло землей и плесенью, звуки шагов раздавались глухо, чуть слышно.

Совсем иначе выглядел второй ярус терема, который обычно все называли «верхом». Туда вела широкая лестница, в конце которой находилась Людная палата, — тут обычно собирались те, кто ждал выхода княгини или же готовился войти в Золотую палату. Здесь иногда, сидя в кресле под окном, княгиня чинила суд и расправу.

По другую сторону лестницы начинался самый «верх». Тут были покои князей и Золотая палата, особенно поражавшая тех, кому выпадало счастье попасть на «верх». Золотая палата была по тем временам довольно велика — шагов тридцать в длину, десять — пятнадцать в ширину. Снаружи через узкие, но высокие окна, в оловянные рамы которых были вставлены круглые стекла, сюда вливалось много света; казалось, все в палате сияло и блестело; серебряные подсвечники по стенам, светильники под потолком, высокий помост в конце палаты, где стояло большое, украшенное золотом кресло, два золотых перекрещенных копьяд над ним — княжеские знамена — и еще два таких же кресла поменьше, без копей — по бокам.

Однако не все сверкало в этой палате. Вдоль стен стояли тяжелые, темные дубовые лавки, а над ними на стенах рядами висели покрытые прозеленью шлемы, кольчуги, щиты, копьяд.

Тому, кто никогда раньше не бывал в Золотой палате, сперва казалось, что это встали с лавок и стоят вдоль стен какие-то великаны, богатыри. Но на лавках обычно, когда входил князь, сидели воеводы и бояре, а оружие на стенах принадлежало покойным киевским князьям. Тут висели доспехи первых киевских воевод: железный, клепанный такими же гвоздями шлем без забрала, который когда-то носил Кий, его щит и топор и такие же шлемы и топоры воевод-князей Щека и Хорива. Среди всего остального выделялись шлем и броня князя Олега — каждый мог видеть, что покойный князь был необычайно высок, широк в груди и достиг великой славы, ибо и шлем и броня, как и меч и щит его, сверкали золотом и серебром и были усыпаны драгоценными камнями. Недалеко от этого оружия висели доспехи князя Игоря, его броня и щит были в нескольких местах пробиты мечом.

¹ Гора — центральная часть древнего Киева, где помещался княжеский двор.

И тому, кто проходил через Золотую палату, особенно в вечерние часы, когда лучи солнца изменчиво играли на стенах, казалось, что за этими шлемами сквозь щели забрал светятся глаза, что броня эта еще не остыла от тепла человеческих сердец.

В палате было несколько дверей — справа и слева, они вели в светлицы княгини и княжичей, а в стене за помостом — в опочивальню княгини и ее покои. Там, за ними, хотя не все знали об атом, находилась еще одна, черная лестница, по которой можно было пройти в трапезную, выйти во двор, спуститься в сени. Но по этой лестнице ходили только княгиня и ее сыновья. <...>

<...> Да нет, другое мучит, другое не дает уснуть княгине. Давно, когда мужа ее Игоря убили на земле Древлянской, долго не могла она спать по ночам, все ждала, что он придет. И даже когда убедилась, что не придет, все думала о нем, вспоминала, тосковала. Но все это было давно, уже сыновья ее подрастают, в них вся любовь и душа княгини.

Не нова для нее и весть про печенегов в поле. Сколько живет Киев, стоит он на этой высокой горе, как богатырь на страже земля. Много орд проходило мимо него, были и такие, что пытались взобраться на его стены, но все они рассыпались, как песок на днепровском берегу. Не страшны Киеву и печенеги, что бродят, как псы, со своими улусами в поле.

Думает княгиня и о крепости Саркел на Дону. Не впервые уже стыкаются на пути к Джурджанскому¹ морю ее купцы с грабителями и убийцами. Темен и грозен восток, страшны просторы за Итиль-рекою². Что же, теперь она пошлет послов к хозарскому кагану³, подрастут сыновья — пусть уж они поквитаются с каганами.

Понимает княгиня и то, какой урон наносит Руси Византия, понимает, что это она окружает Русь своими крепостями, насылает на нее то хозар, то печенегов. Был бы жив князь Игорь, он давно пошел бы на Византию, как ходил в давние времена, еще раз прибил бы свой щит на воротах Царьграда.

Но княгиня больше всего боится войны. Уж сколько лет мирно правит она своими землями, уж сколько лет не знает Русь брани. Зовут воеводы идти на печенегов, гнать их с поля, выступать на Саркел. Воевода Свенельд не раз говорил, что мир для Руси страшнее брани, что на окраинах своих и в поле проливает Русь больше крови, чем на брани, что подползает к Руси Византия.

Да разве княгиня сама не знает, сколько зла терпит Русская земля от печенегов и хозар, разве не видит, как день изо дня льется горячая кровь ее людей? И все же ей кажется, что даже самый тяжкий

¹ Джурджанское море — Каспийское море.

² Итиль-река — Волга.

³ Каган — правитель; хозарский хан.

мир ради покоя родной земли лучше, чем смерть на брани, что лучше платить дань хозарам, чем воевать с ними, что лучше с великим трудом торговать с греками, чем идти на них с оружием.

И не зря говорила сегодня княгиня, что сама поедет в Царьград. Труден, далек и опасен путь Днепром и морем до Константинополя, но она уже давно собирается туда поехать, хочет говорить с императорами.

Неужели же они не знают и не понимают, как велика, богата и сильна Русь, неужели им выгодно точить против нее оружие, вместо того чтобы жить в мире, любви и дружбе? Княгине Ольге кажется, что если она побывает в Константинополе, то обо всем договорится с императорами и добро и тишина придут на Русскую землю. <...>

<...> Княгиня Ольга вспоминает покойного своего мужа Игоря. Когда он творил суд и правду, она сидела рядом с ним, слушала и смотрела, как он правит землю.

Князь Игорь был мудр и смел. Княгиня Ольга помнит, как решительно и безжалостно судил он того дружинника, что показывал спину врагу; карал мужей, которые бесчестили друг друга мечом, топором или просто рукоприкладством; он судил и карал, если девицу умыкали не по любви, если сын не корился отцу, если муж из одного рода убивал мужа из другого рода. За смерть карал смертью. И когда княгиня Ольга брала на себя княжество, она хорошо знала суровый старый обычай и говорила себе: «Сел еси на стол, судяй правду.»

Но что есть правда и как творить суд, если все больше и больше волокут к князьему двору людей, если льется кровь на просторах Руси да и в самом стольном городе Киеве?!

Почему же льется кровь, что заставляет одного мужа поднимать меч на другого, брата — убивать брата, сына — поносить отца? Может, не умеют они поделить славу, добытую на поле брани, может, как и прежде бывало, каждый из них защищает честь свою, честь брата, сестры и рода, как это испокон веку бывало на Русской земле?

Нет, это вовсе не то, что бывало прежде на Руси, это не то, что водилось при прежних князьях, что установлено древним обычаем. Слава? О, тот, кто стяжал славу, знает, как ее сберечь! Честь? И ее русские люди, кто бы ни посягнул, сумеют защитить. Не из-за чести своей и не ради славы идут ныне на княжий суд люди. Один перепахал межу или перетесал в лесу знак, другой взломал житницу и уволок мех ржи, третий взял чужого коня, забрал оружие, порты, четвертый убил огнищанина, княжьего тиуна или посадника — всюду татьба¹ и разбой, везде кровь и смерть. Временами княгиня

¹ Татьба — грабеж, воровство.

Ольга ужасается: что же это случилось ныне на Руси? Спорят между собою земли, города, села, все люди! Куда, куда идет Русь?

Впрочем, княгиня Ольга понимает, что это не так. Не земли ссорятся между собою, а князья этих земель, не города с городами, а воеводы с воеводами и бояре с боярами. И это вовсе не татьба и не разбой. Каждый из них сумеет взять свое, каждый из них сумеет получить, что ему нужно, и от князя.

Нет, татьбу и разбой чинят иные люди — рядовичи¹, закупы², смерды³, холопы и всякий черный рабочий люд; это они залезают в житницы воевод и бояр, это они перепахивают межи, жгут и перетесывают знаки на деревьях в лесах.

А разве не слышит княгиня Ольга непрестанно, что черные люди чинят татьбу и разбой уже и на ее дворах, перепахивают межи ее земель, уничтожают знаки в ее лесах, снимают птицу на княжьих перевесищах⁴, тайком бьют бобра на ее гонах, зверя в лесах, ловят рыбу в княжьих реках?

Княгиня понимает, что на Руси случилось то, чего раньше не бывало. Была когда-то у воевод и бояр честь — теперь борются за землю, леса и реки; берегли когда-то славу, а теперь берегут свою казну и межевые знаки; имели дружины — теперь хотят иметь как можно больше холопов. Да и сами честь и слава как будто изменились. Гордились когда-то люди подвигами ратными и шрамами от ран, ныне гордятся добром своим и достатками.

Княгиня вздрагивает. А не она ли сама в том повинна? Испокон веку была Русь, испокон веку были князья в племенах ее, испокон веку берегли князья границы земли, брали тяжкую дань с людей, но и платили за нее собственной кровью.

«Но ведь, — думает княгиня Ольга, — Русь не могла жить так, как жила допреже, тяжкая дань с племен и родов была погибелью для Руси, муж мой Игорь из-за этой дани погиб.»

Всю свою жизнь княгиня Ольга наводила порядок на Руси, старалась, чтобы была она единой и непоколебимой, чтобы Киев-град был сердцем всех земель, а в каждой земле был свой град; думала она и о том, чтобы облегчить людям жизнь. Разбила земли, установила волости и погосты⁵, каждому дала урок и устав⁶.

Сделать это было нелегко. Сколько лет прошло! Княгиня Ольга была так молода, когда шла во главе дружины отомстить за мужа

¹ Рядович — человек, работающий по договору.

² Закупы — люди, бравшие купу (заем) и отрабатывающие ее.

³ Смерд — земледелец. Постепенно это категория сельского населения перешла в положение зависимых и крепостных.

⁴ Перевесище — место в лесу для ловли птиц сетями.

⁵ Погост — усадьба, княжеский стан.

⁶ Уроки и уставы — подати, налоги.

Игоря и примучить¹ к Киевскому престолу древлян, в лютую зимнюю стужу объехала она на санях всю землю до Верхнего Волока, дошла до Вятской земли, устояла² Русскую землю — вот и прошли года, старость уже стоит на пороге.

Почему же эта земля ныне неспокойна? Ольга, кажется, делала все как следует, хотела покоя для Русской земли, добра людям и достигла своего. Почему же Русь идет на суд, где та правда, которой ищет княгиня?

Внезапно она прерывает свои мысли, вздрагивает, впивается руками в подлокотники. Нет, она не ошиблась, откуда-то издалека, со склонов предградья, а может, и с берега Днепра, доносится крик человека. Крик этот летит издалека, но, кажется, звучит совсем близко, у самого терема.

«Княгиня, помилуй!» — чудится Ольге, и она стоит, напряженно вслушиваясь: что же будет дальше?

Но крик больше не повторяется; возникнув вдалеке, он там и замирает.

— Что это? Что это? — шепчет княгиня.

«Неужели это смерд Векша?» Ночь темная, час поздний, в такое время ее gridsни вершат суд.

Она молится и не слышит, как тихо открывается дверь светлицы и кто-то останавливается на пороге. Это священник Григорий. Он живет тут же, в тереме, внизу, ибо опасно христианскому священнику находиться там, где его храм, — у ручья на Подоле. Да и княгиня часто кличет его к себе на беседу.

Вот и сейчас пришел он, в черной рясе, с Евангелием в руке, стоит на пороге, смотрит на княгиню, что упала на колени перед образом. Христа, и усмешка пробегает по его бледному лицу.

— Кто это? — отрывает голову от пола и поворачивается к священнику княгиня Ольга. <...>

<...> И в этот поздний ночной час перед княгиней возникли воспоминания давно прошедших лет, когда она была молода, жила в родной Выбутской веси, вдоль которой течет река Великая, а на другом берегу тянутся леса, дебри, озера, широкая Плесковская земля.

Однажды она плыла на долбленом челне все вверх и вверх по реке, вошла в лес, хотела набрать ягод. Вдруг из лесной чащи вышел князь. Она, разумеется, не знала, что это князь, только подумала. Да и кто же это мог быть, если не князь: золотой шлем, красное корзно с золотым узором, у пояса меч с самоцветами.

— Ты откуда, девица? — спросил он, посмотрев на нее.

— Я из веси Выбутской, — ответила она.

¹ Примучить — подчинить.

² Устоять — подчинить.

А сама посмотрела на него и испугалась — так был он прекрасен. Отвела глаза, стала смотреть на плес, кувшинки, белые лилии, легкие волны.

— А не можешь ли ты, девица, меня через Великую перевезти?

— Могу.

Ехали через реку — она не смотрела на него, перевезла — глянула: высокий, стройный, глаза карие, усы темные.

— Спасибо тебе, девица! И скажи мне — как твое имя?

— Волга, князь, только зачем тебе мое имя?

Он постоял с нею немного на берегу, расспросил, есть ли у нее родители, а когда услышал, что умерли, пошутил, что придет за нею и заберет с собою.

Но это была не шутка. Через некоторое время возле ее землянки в веси остановились сани, из них вышел князь — не тот, которого она видела когда-то на реке, а другой, старый, седой. Но говорил он о том князе, которого знала Волга.

— Великий князь Игорь велел мне найти в веси Выбутской тебя, Волга, и привезти в град Киев.

Резвые кони мчали на юг, в теплые края, месяц дважды обошел круг на небе, пока они доехали, а потом очутилась Волга в Киеве, на Горе, в княжьих хоробах, увидела князя, которого перевозила когда-то через реку.

— Тут тебе теперь и жить, великою княгинею быти, Ольга! — нежно и совсем по-новому произнес князь ее северное имя. <...>

[18, 30—34, 50—53, 244—245]

С. Д. Складенко

Святослав

(Отрывки из романа)

<...> Впереди мчался двухпарусный насад¹ князя Святослава, точно большая птица, которая, расправив сильные крылья, летит над самой водой. За ним ключами — по три в ряд — плыли остальные лодии. Однодеревки и струги² спешили по тихой воде, под самыми берегами.

Княгиня Ольга и воеводы с боярами долго смотрели с берега Почайны, как тают в голубой дали темные очертания лодий и как исчезают на небосклоне белые ветрила.

Князь Святослав стоял на помосте насада и глядел на берега, которые они теперь надолго покидали. Быстро текли днепровские

¹ Насад — мореходное гребное судно с нашивными бортами.

² Однодеревки и струги — различные типы судов в Древней Руси.

воды; на всех насадах и лодях ветер надувал паруса, а берега стремительно убегали в туманную даль.

Но князь долго еще видел на желтых прибрежных песках, голубой жертвенный дымок, который стрелой поднимал с высоко в небо, бояр, дружинников и всех киевлян, провожавших их в далекую дорогу, видел мать-княгиню Ольгу, которая стояла выше всех, над темным обрывом, с тремя его сыновьями.

Мысленно прощался он с берегами, которые неумолимо уплывали назад, с вербами, что низко склонялись над самой водой, с горами, обрывами, желтыми песками. Любы были ему эти места, словно частица собственного сердца. Прощался он и со всеми людьми города Киева — в далекую, трудную дорогу двинулись вои¹, нелегко будет теперь киевлянам. Что ждет их здесь, над быстрым Днепром?!

И еще об одном думал князь Святослав. В эти минуты прощания перед ним возникало бледное, будто озаренное внутренним светом лицо Малуши. Чайка с криком летела за насадом, почти касаясь крылом щоглы², а ему казалось, что это летела, скорбя о нем, Малуша; волна все била и била в корму лодии — это Малуша хотела его догнать; теплый ветер из Киева обвевал его лицо — это Малуша прощалась, обнимала его своими руками.

Только когда за крутым поворотом исчез Киев, люди, берега, князь повернулся и стал смотреть вперед. Перед ним открывался широкий плес. Разъяренные ветром, мчались по Днепру высокие, пенящиеся волны; по небосклону, в яркой синеве, двумя широкими рядами плыли облака, а еще дальше лежала голубая непроницаемая дымка.

Лодии, не останавливаясь, плыли весь день. Сразу за Витачевом ветер совсем рассвирепел, берега еще быстрее побежали назад, в изменчивых маревах постепенно растаяли киевские горы. <...>

<...> И, верно, потому, что довелось ему в эту ночь говорить о Малуше, увидел он дивный сон.

Снится князю — как это бывало и раньше, — что идет он в широком поле где-то под Родней³, вокруг зеленеют травы, среди них множество цветов, невдалеке синее Днепр. И хочется ему выйти на берег и отдохнуть.

Но видит князь — и это тоже не раз ему снилось раньше, — стоит на берегу под вербой, в белом платне⁴, белом платке, вся какая-то светлая, знакомая, желанная, Малуша.

¹ Вои — воины.

² Щогла — мачта.

³ Родня — город, стоявший на горе ниже современного Канева.

⁴ Платно — одежда.

Князь Святослав бежит по траве, летит, ломает ветки шиповника с красными ягодами, колючки ранят ему руки, но он бежит с пригорка на пригорок к Днепру. И останавливается перед Малушей.

Только почему же — этого никогда не бывало в прежних снах — у Малуши такие невеселые глаза, почему сорвалась и покатилась по щеке слезинка-жемчужина, почему скорбно стиснуты в печали ее уста?

— Малуша! Усилада моя, Малуша! Что с тобой?

Но не протянула она рук, а подняла их над его головой, будто осеняя его. Глаза были те же, а взгляд материнский, губы не шевельнулись, а он услышал:

— Отдохни, князь мой, отдохни!

И он послушал ее, чувствуя, что и в самом деле ему очень хочется отдохнуть. Прилег на землю. И Малуша села над ним, взяла в руки его голову, и он увидел ее глаза.

— Отдохни, князь, отдохни! Ты долго искал, а я здесь. Земля да я, и ты здесь, мой князь!

Но что это? Только что он видел над собой глаза Малуши, но вот это уже не глаза, а две звезды, которые он еще княжичем видел давным-давно, еще когда они ночевали в поле с дядькой Асмусом.

— Отдохни, князь, отдохни!

Звезды-сестрицы мерцали над ним, они были на диво приветливые, теплые. Почему же они летят от него, летят так, что в небе слышен свист, крик?

Кто знает, долго ли спал князь Святослав, но вдруг сквозь сон он услышал странный звук и проснулся.

На другом конце острова раздался дикий, исступленный крик и повторился на берегах и косах понизовья. Казалось, что вокруг острова закипели, зашумели днепровские воды.

Князь Святослав вскочил на ноги, сразу поняв, что к острову подплыли печенеги, окружили стан, накиннулись на стражу, идут сюда, он узнал их крик — призыв к бою.

О поле битвы! Оно страшно днем, когда человек идет на человека, когда на землю льется горячая кровь, когда от удара меча обрывается человеческая жизнь!

Но с чем сравнить ночную битву на острове Григория¹, когда после трудной и далекой дороги отдыхали русские вои, а коварный враг подстерег их и, как тать, ворвался в стан?!

Это была неравная битва. Печенеги, как коршуны, долго следили за русскими войми. Они видели, где те остановились, где заночевали. Русские же не знали, откуда свалился на них враг, и видели перед собой только черную ночь.

¹ Остров Григория — остров Хортица у Днепровских порогов.

Это была неравная битва еще и потому, что русская рать растянулась по Днепру и на острове их было полторы-две тысячи. А через Днепр переправилось на остров в эту ночь вдвое, а может, и втрое больше печенегов.

И все же русские вой бились так, как всегда. Рубили врагов без пощады. И смело смотрели смерти в глаза. А умирая, верили, что за них отомстят другие.

Стан русских воев был окружен — князь Святослав понял это, как только услышал со всех сторон крики печенегов. Значит, стража на острове перебита, помощи ждать не приходится, нужно бороться самим.

Он подал знак: если его услышит русский воин, то поймет князя, услышит печенег — пусть бережется.

— Вой русские! — крикнул князь Святослав. — Становитесь в круг, я здесь, потянем на печенега!

И, перекликаясь друг с другом, русские вой становились в темноте плечом к плечу, сливаясь в живую стену, поднимали перед собой щиты и нацеливались острыми копьями.

Так в самом начале стычки с печенегами князь Святослав сумел поднять, сделать круг, сотворить стену против печенегов и на какое-то время спасти жизнь многим своим воям.

Но печенеги яростно лезли на стан князя Святослава; они поняли, что подкрасться внезапно и вырезать всех воев им не удалось. Они понимали, что перед ними выросла стена воев, и потому любой ценой старались поскорей пробить эту стену, чтобы она не обрушилась на них.

Над островом стоял разноголосый крик, его эхо катилось по воде к обоим берегам. Где-то в темноте ржали всполошившиеся кони. Окружив стан, не умолкая ни на минуту, кричали печенеги. Русские вой, подбадривая друг друга и нагоняя страх на врага, не отставали от печенегов. Вокруг бряцали щиты, звенели мечи, свистели копья, отовсюду к небу неслись стоны раненых и умирающих.

Вокруг стана рос вал — это были тела печенегов; там же смежали глаза, прощаясь с жизнью, и русские вой. Этот вал высился в темноте как грань между жизнью и смертью, он тянулся, казалось, к самому небу.

Князь Святослав рубился наравне со своими воями. Он видел, как смело они умирают, но понимал, что сила одолевает силу, их мало — печенегов много, их будет еще меньше, а по Днепру плывут на конях к острову новые и новые враги.

И еще раз князь Святослав попытался спасти своих воев, хотел продержаться до рассвета, когда к острову, возможно, подплывут другие лодии и когда они уже при свете смогут не вслепую обороняться, а сами кинутся на печенегов.

Князь дал знак, от воина к воину передавалось веление князя, и, выстроившись в несколько рядов, они стали отходить к концу острова, где высились скалы: там печенеги могли нападать на них только с одной стороны, только там можно было продержаться.

Князю Святославу посчастливилось обмануть печенегов. Только когда русские вой, скопившись в одном месте, прорвали кольцо печенегов и, повесив на спины щиты, стали пробираться к мысу, только тогда печенеги поняли, что русский князь со своими воями вырвался из кольца и, возможно, сам собирается на них напасть.

Как бешеные волки, кинулись они за русскими воями, спотыкаясь в кустах и падая на камни. Печенеги старались забежать вперед, стиснуть русов с боков и снова замкнуть в кольцо.

Поприще¹, может, два поприща всего и пришлось пройти русским воям от их стана к скалистому мысу, но каким трудным оказался этот короткий путь! Выбирать в этот краткий миг перед рассветом не приходилось. Решалось: жить или умереть. Печенеги бросили в бой все, что могли, русские в бой все, что имели.

И русы пробились к мысу и вышли на скалы.

За Днепром светало. На темном небе рдели звезды. В этот пред-рассветный час они горели еще ярче, чем ночью; лучезарные, сверкающие, светло-зеленые, они пылали, переливались, мерцали в бездонной глубине. А на краю неба уже медленно прорезывалась серая полоска, вскоре она покраснела, словно налилась кровью, потом порозовела, побледнела и, наконец, набравшись сил, засветилась, посылая вперед; точно гонцов, лучи света.

Вся земля, казалось, замерла, притихла в эту торжественную минуту. Глубокое небо было чисто, без облачка; Днепр величаво катил к морю свои воды, такие спокойные, что в них, как в зеркале, отражалась каждая звездочка. Тихо было на обоих берегах Днепра, в заливах и плавнях, только соловьи там пели о страсти и любви.

Со скал, высившихся над островом с севера, князь Святослав видел, как из-за Днепра властно идет рассвет, и глубокий вздох вырвался у него из груди.

Жить, о, как хотелось жить князю Святославу в этот чудесный ранний час! Бороться! О, сколько еще могли бы бороться за родную землю князь Святослав и его вой!

Но что делать дальше, как сражаться?! Князь Святослав, воевода Бождар, дружинник Микула, еще три отрока — шесть человек, вот сколько их из двух тысяч дошло до мыса. За ними — скала, круто обрывающаяся над Днепром, перед ними — ватага озверелых печенегов, они кричали, грозили, размахивали кривыми саблями, готовили копыя.

¹ Поприще — мера длины, 2/3 версты.

В лучах рассвета, который все шире и шире разливался вокруг, князь Святослав увидел внизу перекошенное от злобы лицо печенег, которое показалось ему знакомым. Нет, князь не ошибся: с криковой саблей в руке, бросаясь с места на место, каган Куря что-то кричал своим воям.

Гнев, обида и презрение охватили князя Святослава. Он понял, кто привел сюда печенегов и кто послал на него кагана Курю.

— Скажи, собака, — крикнул он со скалы, — сколько греческих золотников получил ты за наши души?

Куря ничего не ответил Святославу; он был уверен, что киевский князь на этот раз не вырвется из его рук, велел своим воям быстро идти к скале, и те двинулись вперед.

Так пришел смертный час князя Святослава. Он огляделся.

Скала, где они стояли, круто обрывалась над днепровскими водами. Внизу — пропасть. Один шаг — и только брызги полетят по камням. Конец, смерть.

Но пристало ли воину, а тем паче князю Руси, даже в самую страшную минуту накладывать на себя руки?

Смерть в бою — честная смерть, самогубец — трус; по поверью русских людей, такого после смерти ждет вечное проклятие, позор.

Князь Святослав переглянулся с воеводой Бождаром, с Микулой, отроками и по их глазам увидел, что они думают то же, что и он. Что ж, коли смерть, так в бою.

И с мечом в руке князь Святослав пошел вперед, а за ним двинулось еще пятеро. Они шли против сотни врагов, но не страшились их, не боялись смерти, не думали о ней.

В этот последний свой час вой, воевода и князь Святослав бились так, как никогда. Их было шесть. Упал воевода Бождар, упали три отрока, упал Микула. Остался один Святослав.

Но и один он шел вперед — с мечом в правой руке, со щитом в левой. К нему подскочил печенег и перебил левую руку, — князь Святослав выронил щит, но оставался еще меч. Несколько стрел впились ему в грудь, но князь киевский шел дальше.

И только на один миг приостановился князь Святослав. Он стоял, высоко подняв голову, очень бледный, и широко раскрытыми глазами смотрел вдаль...

Там, на голубом днепровском плесе, он увидел лодии. О, если бы эти лодии были здесь, если бы вой, которые сидят за веслами, знали, что творится на острове! Но на лодиях ничего не знают, вой сидят за веслами, вой плывут домой.

Еще шаг вперед ступил князь Святослав и вдруг, точно сломанное копье, упал на землю.

Так умер киевский князь Святослав.

Смерть князя Святослава была столь величественна, что остановила даже печенегов. Долгую минуту стояли они на месте, словно

не верили в случившееся. Потом кинулись вперед и стали рубить мертвое тело Святослава.

Но тут кто-то закричал тревожно, испуганно:

— Лодии... Лодии!..

И все посмотрели вдаль, на низовье. А потом стремглав побежали со скалы, перепрыгивая через тела, к берегу, где паслись их кони. Бросались в воду, чтобы скорей переплыть Днепр и бежать в поле.

На далеком плесе, словно повиснув между небом и водой, вырисовывались лодии русских воев.

Раненный в голову, весь порубленный, лежал Микула под скалой, не в силах подняться на ноги, и видел, как все это было.

Князю Святославу воздали погребальную почесть, как и всем его далеким и близким предкам — князьям антским, полянским, по закону и покону¹ русскому.

На высокую кручу острова Григория, к священному дубу, под которым обычно приносили жертвы, вой вытащили лодию князя Святослава, усыпали ее травой, украсили цветами, на носу сделали подобие княжеского стола, застелили его багряными коврами и на него положили тело князя Святослава, укрыв его знаменем.

Все знали и понимали — князя Святослава с ними нет. Вот лежит в лодии все, что от него осталось. Но князь Святослав жив и будет жить, он поднимается на своей лодии в небо и погрузится в иной мир — беззаботный, радостный, где цветут Перуновы сады, где сам Перун высекает молнии, где живут чудесные дивы.

Это — трудный и долгий путь. Может быть, князю Святославу придется мчаться на коне между скалами, которые расходятся очень редко и то лишь на мгновение, может, доведется ему биться со злыми духами или переправляться через небесные реки и платить перевозчику за переправу. Да и сам он, наконец, должен есть, пить, кто-то должен помогать князю в этой дороге.

В лодию князя Святослава поставили корчаги, наполненные зерном, маслом, вином, убили лучшего, любимого княжеского коня. Жрец отрубил голову белому петуху и кровью его окропил лодию. А многие воины тем временем секирами рубили сухое дерево, ветви и тащили дрова к лодии.

Над островом величаво звучало:

Ой, не стало Святослава, князя нашего не стало.

Горе Киеву-городу и всем землям нашим настало.

Что собрался князь Святослав в далекую дорогу,

Белы руки на груди сложил, вытянул быстры свои ноги.

Ой, встань, княже, встань, — нет, не встанет Святослав,

не встанет,

¹ Покон — исконный обычай, порядок.

Но поет ему славу поэт,
Ибо мертвые сраму не имут.

В наши грозные, тяжкие дни
Вспомним снова завет Святослава!
Как во тьме путевые огни,
Веку новому — прошлого слава!

[4, 117—118]

Н. М. Языков

Песнь Баяна

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу:
Он жаждет битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу!
Цимисхий! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?
Наш князь убийственно разит.
Цимисхий! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?
Дружине борзых дай коней;
Не то — мечи ее нагонят,
И не ускачет от мечей.
Дружине борзых дай коней;
Не то мечи ее нагонят.
Ты рать обширную привел;
Не много нас, но мы славяне:
Удар наш меток и тяжел.
Ты рать обширную привел;
Не много нас, но мы славяне.
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы,
Проснися, ужас боевой!
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы!

[14, 129]

1823

И. А. Бунин

После битвы

Воткнув копьё, он сбросил шлем и лег.
Курган был жесткий, выбитый. Кольчуга

Колола грудь, а спину полдень жег...
Осенней сушью жарко дуло с юга.

И умер он. Окостенел, застыл,
Припав к земле тяжелой головою.
И ветер волосами шевелил,
Как ковылем, как мертвою травую.

И муравьи закопошились в них...
Но равнодушно все вокруг молчало,
И далеко среди полей нагих
Копье, в курган воткнутое, торчало.

[5, 123]

31.VIII. 03

Комментарии

Свидание Святослава с византийским императором Цимисхием на берегу Дуная (971 г.). Еще при жизни княгини Ольги ее сын Святослав постепенно втягивался в княжеские дела и вместе с матерью правил Русью. Но спокойной жизни он не выносил: больше всего любил войну и почти всю жизнь провел в походах, иногда отдаленных от Киева. Жил, как простой воин, спал на конском потнике, подложив под голову седло. Легко и неслышно ходил он в походах, как барс... В походах же не вез за собой обозов с котлами, не варил мяса, но, тонко нарезав мясо — конину, зверину, говядину — и зажарив на углях, так ел. Такими же были и все его воины.

Святослав в обиходе был прост и доступен, ел вместе со всеми, просто одевался, любил ходить босиком, с удовольствием слушал песни. Воинов подбирал храбрых, которые во всем были на него похожи. Во время войны не прибегал к хитростям и не любил нападать врасплох, а собираясь на кого-нибудь войной, предупреждал: «Хочу на вы идти» или «Иду на Вы». Он сам ведет дружины в бой, воодушевляя воинов краткой и пламенной речью. Сначала Святослав покорил славянское племя вятичей, разгромил хозар, победил Волжскую Булгарию. После этого совершил поход на дунайских болгар и завоевал их землю.

После смерти матери в 969 году Святослав мог беспрепятственно осуществить свое давнишнее желание — перенести столицу государства из Киева в Переяславец на Дунае. Хотя Святослав и был князем всея Руси, но с уходом в Болгарию влияние его на Русь кончилось. Все свои владения он отдал сыновьям. Старшего сына Ярополка посадил в Киеве, Олега в Древлянской земле, в Новгород отправил княжить третьего сына Владимира, рожденного от ключницы княгини Ольги — Малуши.

К. В. Лебедев (1852—1916).

Свидание Святослава с византийским императором Цимисхием на берегу Дуная. 971 г.

Наконец, Святослав стал страшен и для самой могущественной Византийской империи, так как задумал завоевать Болгарию и остаться там навсегда. В это время императором Византии на место Фоки стал Иоанн Цимисхий, искусный полководец, по происхождению армянин (Цимисхий по-армянски — маленький...) Однако, несмотря на свой маленький рост, новый император был замечательным воином и при этом необыкновенно ловким и сильным человеком.

Встревоженный тем, что Святослав стремится закрепить-ся в подунайских городах, Цимисхий напал на русские дружины и в 971 году осадил их в городе Доростоле. Долго длился неравный

бой. Воины Святослава не дрогнули, не побежали. Они мужественно и стойко отбивали атаки врагов. Византийский император, убедившись, что Святослав стоит насмерть, заключил с ним мир. После переговоров Святослав и Цимисхий в первый и последний раз встретились на берегу Дуная. Император приехал на это свидание на коне, закованный в доспехи, окруженный блестящей свитой. Святослав же приехал, сидя в лодке, в простой белой одежде и сам греб веслом. По сказаниям греков Святослав был среднего роста, широкоплеч, имел плоский нос, голубые глаза и густые брови, носил длинные усы. На голове, гладко обритой, висел длинный чуб волос — признак знатности рода. В одном ухе у него висела золотая серьга с двумя жемчужинами и рубином посередине. Он казался мрачным и суровым. Свидание государей было коротким: поговорив с императором об условиях мира, Святослав отправился в Киев. Весной 972 года у днепровских порогов на него внезапно напали печенеги. В жестокой битве Святослав погиб. Печенежский хан Куря сделал из черепа Святослава чашу, оковав его золотом. Из этой чаши он пил вино, полагая, что вместе с вином к нему перейдет ум и мужество славного русского полководца.

[16]

И. И. Козлов

Киев

О Киев-град, где с верою святою
Зажглася жизнь в краю у нас родном,
Где светлый крест с Печерскою главою
Горит звездой на небе голубом,
Где стелются зеленой пеленою
Поля твои в раздолье золотом
И Днепр-река, под древними стенами,
Кипит, шумит пенистыми волнами!
Как часто я душой к тебе летаю,
О светлый град, по сердцу мне родной!
Как часто я в мечтах мой взор пленяю
Священною твоею красотой!
У Лаврских стен земное забываю
И над Днепром брожу во тьме ночной:
В очах моих все русское прямое —
Прекрасное, великое, святое.
Уж месяц встал; Печерская сияет;
Главы ее в волнах реки горят;
Она душе века напоминает;
Небесные там в подземелье спят;
Над нею тень Владимира летает;

Зубцы ее о славе говорят.
Смотрю ли вдаль — везде мечта со мною,
И милою все дышит стариною.
Там витязи сражались удалые,
Могучие, за родину в полях;
Красою здесь цвели княжны молодые,
Стыдливые, в высоких теремах,
И пел Баян им битвы роковые,
И тайный жар таился в их сердцах.
Но полночь бьет, звук меди умирает;
К минувшим дням еще день улетаёт.
Где ж смелые, которые сражались,
Чей острый меч как молния сверкал?
Где та краса, которой все пленялись,
Чей милый взгляд свободу отнимал?
Где тот певец, чьим пеньем восхищались?
Ах, вещий бог на все мне отвечал!
И ты один под башнями святыми
Шумишь, о Днепр, волнами вековыми!

[14, 41]

1824

А. К. Толстой

Змей Тугарин

1

Над светлым Днепром, средь могучих бояр,
Близ стольного Киева-града,
Пирует Владимир, с ним молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

2

И молвит Владимир: «Что ж нету певцов?
Без них мне и пир не отрада!»
И вот незнакомый из дальних рядов
Певец выступает на княжеский зов —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

3

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами вперед,
И ахнул от ужаса русский народ:
«Ой рожа, ой страшная рожа!»

4

И начал он петь на неведомый лад:
«Владычество смелым награда!
Ты, княже, могуч и казною богат,
И помнит лады твои дальний Царьград —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

5

Но род твой не вечно судьбою храним,
Настанет тяжелое время,
Обнимет твой Киев и пламя и дым,
И внуки твои будут внукам моим
Держать золоченое стремя!»

6

И вспыхнул Владимир при слове таком,
В очах загорелась досада,
Но вдруг засмеялся, и хохот кругом
В рядах прокатился, как по небу гром, —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

7

Смеется Владимир, и с ним сыновья,
Смеется, потупясь, княгиня,
Смеются бояре, смеются князья,
Удалый Попович, и старый Илья,
И смелый Никитич Добрыня.

8

Певец продолжает: «Смешна моя весть
И вашему уху обидна?
Кто мог бы из вас оскорбление снести!
Бесценное русским сокровище честь,
Их клятва: „Да будет мне стыдно!”

9

На вече народном вершится их суд,
Обиды смывает с них поле —
Но дни, погодите, иные придут,
И честь, государи, заменит вам кнут,
А вече — каганская воля!»

10

«Стой! — молвит Илья. —
Твой хоть голос и чист,
Да песня твоя не пригожа!
Был вор Соловей, как и ты, голосист,
Да я пятерней приглушил его свист —
С тобой не случилось бы то же!»

11

Певец продолжает: «И время придет,
Уступит наш хан христианам,
И снова подыметесь русский народ,
И землю единый из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом.

12

И в тереме будет сидеть он своим,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожем,
А вы ему стукать да стукать челом —
Ой срама, ой горького срама!»

13

«Стой! — молвит Попович, — хоть дюжий твой рост,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла раз корова к отцу на погост,
Махнул я ее через крышу за хвост —
Тебе не было бы того же!»

14

Но тот продолжает, ослабивши пасть:
«Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

15

И с честной поссоритесь вы стариной,
И, предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: «Станем к варягам спиной,
Лицом повернемся к обдорам¹!»

16

«Стой! — молвит, поднявшись, Добрыня, — не смей
Пророчить такого нам горя!
Тебя я узнал из негодных речей:
Ты старый Тугарин, поганый тот змей,
Приплывший от Черного моря!

17

На крыльях бумажных, ночью порой,
Ты часто вкруг Киева-града
Летал и шипел, но тебя не впервой

¹ Обдоры — древние племена, жившие на землях, прилежащих к устью Оби.

Попотчую я каленую стрелой —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

18

И начал Добрыня натягивать лук,
И вот, на потеху народу,
Струны богатырской послышавши звук,
Во змея певец перекинулся вдруг
И с шипом бросается в воду.

19

«Тьфу, гадина! — молвил Владимир и нос
Зажал от несносного смрада, —
Чего уж он в скаредной песне не нес,
Но, благо, удрал от Добрынюшки пес, —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

20

А змей, по Днепру расстилаясь, плывет,
И, смехом преследуя гада,
По нем улюлюкает русский народ:
«Чай, песни теперь уже нам не споет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

21

Смеется Владимир: «Вишь, выдумал нам
Каким угрожать он позором!
Чтоб мы от Тугарина приняли срам!
Чтоб спины подставили мы батогам!
Чтоб мы повернулись к обдорам!

22

Нет, шутишь! Живет наша русская Русь!
Татарской нам Руси не надо!
Солгал он, солгал, перелетный он гусь,
За честь нашей родины я не боюсь —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

23

А если б над нею беда и стряслась,
Потомки беду перемогут!
Бывает, — примолвил свет-солнышко-князь, —
Неволя заставит пройти через грязь,
Купаться в ней — свиньи лишь могут!

24

Подайте ж мне чару большую мою,
Ту чару, добытую в сече,

Добытую с ханом хозарским в бою, —
За русский обычай до дна ее пью,
За древнее русское вече!

25

За вольный, за честный славянский народ!
За колокол пью Новаграда!
И если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

26

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!»

27

И выпил Владимир, и разом кругом,
Как плеск лебединого стада,
Как летом из тучи ударивший гром,
Народ отвечает: «За князя мы пьем!
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

28

Да правит по-русски он русский народ,
А хана нам даром не надо!
И если настанет година невзгод,
Мы верим, что Русь их победно пройдет,
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

29

Пирует Владимир со светлым лицом,
В груди богатырской отрада,
Он верит: победно мы горе пройдем,
И весело слышать ему над Днепром:
«Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

30

Пирует с Владимиром сила бояр,
Пируют посадники града,
Пирует весь Киев, и молод, и стар:
И слышен далеко звон кованых чар —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

[21, 158—163]

Вторая половина 1867

Вольга и Микула Селянович

По полям, по лугам, по широким степям,
По всему по раздолью по русскому
Едет Вольга князь собирать дань.
Едет Вольга князь за получкою.
Проезжает со дружиной, слышит пахаря:
Где-то пашет он да покрикивает,
В поле сошка, слышно, поскрипывает.
Самого-то ратай¹ не виднушко.
И поехал по слуху князь на пахаря.
Едет уповод², едет Вольга два,
Едет целый день да и до вечера.
А не может он до пахаря доехать.
Только слышно — ратай в поле: пашет он.
Едет Вольга день, едет Вольга два,
Поспешает на всю прыть лошадиную.
А не может догнать в поле пахаря!
Ино третьим днем князь увидел его:
Ин орет в поле пахарь, понукивает,
На лошадку свою он покрикивает.
Сошка ратаева да поскрипывает.
А омешки³ по камешкам почиркивают.
Ведет пахарь бороздку немаленькую
В край уедет, с другого не видать его!
Начинает оратай⁴ бороздочку —
Он у теплого моря полуденного.
А кончает оратай бороздочку
У холодного моря полуночного.
Пашет пахарь, бороздки пометывает⁵.
Он камня-коренья вывертывает.
Небольшие камешки валит в борозду.
А большие каменюги он стеной кладет.
А кобылка у ратая соловая.
Еще сошка у ратая кленовая.
Лемеха-сошнички все серебряные.
Вожжи шелковые, гужи сафьяновые.
Говорит князь Вольга таковы слова:
«На здоровье тебе, пахарь, оратаюшко!

¹ Ратай — пахарь, хлебопашец, землепашец (сокр. от оратай).

² Уповод — время в несколько часов.

³ Омешки — сошних, лемех.

⁴ Оратай — пахарь, хлебопашец, землепашец.

⁵ Пометывать — пошвыривать, покидывать.

И пахать, и орать¹, и крестьянствовать!»
Отвечает оратай-оратаюшко:
«А спасибо тебе, Вольга Всеславьевич!
Мне здоровье на пашню очень надобно,
Мне орать да пахать да крестьянствовать!»
Еще спрашивал Вольга у оратая:
«Ты скажи-ка мне, пахарь-оратаюшко,
Как по имени тебя звать-величать?»
Неспроста князю пахарь отвечивал:
«Ты послушай меня, Вольга Всеславьевич!
Как я пашни под рожь, под посев напашу;
Как я ржи накошу да во скирды сложу,
Домой выволочу да дома вымолочу;
Еще драни надеру, да я пива наварю.
Мужичков-старичков соберу-напою.
Станут тут мужички меня покликивать
И по имени меня звать-величать:
«Молодой Микула Селянинович!»
А теперь же ты мне поведай-скажи,
Куда держишь путь, Вольга Всеславьевич?»
Отвечает князь Вольга пахарю:
«Еду я, Микула Селянинович,
К городам своим за получкою.
Я — ко Гурьевцу, я — к Ореховцу,
Еще к третьему городу Крестьяновцу!»
«Был я в городе, Вольга Всеславьевич!
Закупил я намедни соли три мешка.
Увозил на кобылке на соловенькой.
А живут там, скажу, мужики-купцы
Не купцы, подлецы все разбойники.
Ты чужих-то врагов утихомирил, князь.
А своих врагов не успокаиваешь.
Нападали на меня городские те,
По прозванью купцы, а все разбойники.
Обкружили меня они со всех сторон:
Просят денег-грошей подорожных с меня.
А не то еще и погубить грозят.
Заплатил я им гроши подорожные
Невеликою вот этой шалыгою².
Будет долго им памятна плата моя:
Кои стоя стояли, теперь сидя сидят.
Кои сидя сидели, теперь лежа лежат.
Кои лежа лежали, тем и век не встать!»
Говорит тогда Вольга Всеславьевич:
«Гой еси ты, Микула Селянинович!
Поезжай со мной во товарищи

¹ Орать — пахать; взрыхлять землю для посева.

² Шалыга — посох, кнут.

Наводит порядки да в моих городах!»
Слов не тратил оратай-оратаюшко.
Он тут гужки сафьяновы повыстегнул.
Он кобылку из сошки повывернул.
Снял хомут да седелко, на кобылку сел.
На поездке-то и спохватился вдруг:
«Стой-ка, Вольга свет ты Всеславьевич!
Я оставил свою сошку во бороздочке.
Надо бросить сошку за ракивов куст.
Не для ради прохожего-проезжего.
А для ради мужика-деревенщины:
Осколотят ведь омешики серебряные,
Оснимают отрезы булатные —
Чем я буду пахать да крестьянствовать?
Надо сошку из земельки повыдернуть.
Из омешиков земельку повытряхнуть.
Надо бросить сошку за ракивов куст!»
Князь Вольга свет да Всеславьевич
Посылает из дружинушки хоробрые
Пять могучих, пять добрых молодцев,
Сошку ту из земельки повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Еще бросить бы сошку за ракивов куст.
Пять тех молодцев из дружинушки
Подъезжали ко сошке кленовенькой.
Они сошку за ручки ухватывают.
За оглобельку сошку повертывают.
Они тянут-толкают и вокруг вертят.
А не могут они сошки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть.
Бросить сошки не могут за ракивов куст.
Десять молодцев из дружинушки
Снова сошку за ручки ухватывают,
За оглобельки сошку повертывают,
Они тянут-толкают, вокруг вертят,
А не могут они сошки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть.
Бросить сошки не могут за ракивов куст.
Посылает тут Вольга всю дружинушку.
Они сошку за поручи ухватывают.
За оглобельки сошку повертывают.
Они тянут, и толкают, и вокруг вертят.
А не могут сошки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки не могут за ракивов куст.
Говорил тут Микула Селянинович:
«Ай же, Вольга ты славный Всеславьевич,
То не мудрая дружинушка хоробрая!»

И поехал ко сошке сам пахарюшко.
Брал он сошку кленовую одной рукой.
Из земельки легонько повыдернул.
Из омешиков земельку повытряхнул.
Бросил сошку он за ракивов куст.
Подивился Вольга на оратая.
Посадились на коней и все поехали.
У оратая кобылка — она шагом идет.
А у Вольги конь — он рысью пошел.
У оратая кобылка семенит грунцой¹.
А у Вольги конь — запоскакивал².
Запоскакивал, отставаться стал.
И кричит отсталый Вольга, покрикивает,
Шлемом пахарю он помахивает:
«Стой-постой ты, Микула Селянинович!
Кабы эта кобылка да коньком бы была,
Так за эту кобылку я пятьсот бы дал!»
Подождал князя пахарь, говорил ему:
«Мудрый, Вольга, ты, свет Всеславьевич,
А слова говоришь все глупые:
Как была эта кобылка жеребулечкой,
Я взял ее из-под матушки,
Заплатил за нее пятьсот рублей!
А теперь этой кобылке цены-сметы нет!»
Подъезжала дружинушка ко реченьке,
Ко той реке ко Смородинке.
А на том берегу у Смородинки
Собирались стеной все-то гурьевцы,
Мужики-купцы те разбойники.
И завидели они Микулушку,
Закричали все, переполошились:
«Вон едет тот — он третьева дни
Побил-полупил нас шалыгою.
И один-то он нам достался солоно,
А теперь еще и войско навел сюда!»
Подались наутек купцы-разбойники,
Только пятки засверкали на солнышке.
А тут Вольга князь сын Всеславьевич.
Он привык догонять врага беглого.
Расходилася кровь молодецкая,
Разгорелась в нем удаль храбречкая.
На погоню князь Вольга изготовился;
Понастроился на удар перейти,
Полонить-победить врага бегущего.
Да Микулушка Селянинович

¹ Грунца — тихая конская рысь.

² Запоскакивать — заскакать, запрыгать.

Упредил-придержал князя скорого.
Он сказал Вольге таковы слова:
«Ай мудрый ты воин, Всеславьевич!
Да на глупое дело насыкаешься¹:
Погляди-ка ты на Смородинку —
По-над речкой мосточки все калиновы.
А поделаны мосточки все поддельные:
Под настилом у них слегии понадпилены;
А под слегами столбы понадрублены;
Понадкопаны подкопы великие,
Понаставлены ножи в них булатные.
А хитры купцы те разбойники:
Видишь, дел каких понавывдумывали!»
Объезжала дружинишка Вольгина
Все подкопы с ножами подкопные.
Миновала мосты поддельные.
Заявился Вольга со Микулою
Во свои во три да во города.
Там с делами князь поуправился.
Он с разбойниками поразделался.
Наложил на купцов дани-выходы.
Говорил он Микуле таковы слова:
«Много белого свету я повыездил!
Много разных людей я повысмотрел!
Много див-чудес я повыглядел!
А такого чуда-дива я не видывал,
И не видывал и не слыхивал,
Чтоб мужик простой-чернопахатный
Был сильнее дружины богатырской моей!
Да и это еще чудышко в получуда.
Много хитрых людей я поперехитрил.
Много мудрых людей я перемудрил.
Ни по мудрости, ни по хитрости
Не имел я себе супротивников.
А я нынче нашел и по мудрости;
А я нынче нашел и по хитрости
Супротивника себе славного.
Ты простой мужик, Микула Селянинович!
А во всем-то ты превзошел меня:
По догадке, по силе, по разуму!
Уж и я ль не учился много мудрости!
Уж и я ли да не поперенял
Всех наук, всех грамот, всех хитростей!
Да всему, видно, я не довыучился!»

[20, 121—126]

¹ Насыкаться — покушаться, посягать, порываться.

Последний бой со Змеихой

Говорит Владимир Красно Солнышко:
«Хорош у нас нынче, счастливый день —
С нами все богатыри святорусские,
И Добрыня Никитьевич вернулся к нам!
Только мне-то, Владимиру, невесело:
Одна у меня была племянница,
Что любимая Купава дочь Путятична,
Да и ту унесла Змеина лютая
Во свою во пещерную змеинницу.
Кто из вас, богатыри святорусские,
Из беды мою племянницу повыручит,
Из полона народ весь повысвободит,
От Змеихи Русь святую навек оградит?»
И восстал Добрынюшка Никитьевич:
«Ты Владимир — князь стольнокиевский!
У меня с атаманом Ильей Муромцем
Ин великая заповедь положена:
Мне поехать в бой со пещерной Змеей,
Победить ее, Змеиху Горыниху,
Чтоб не стала она Русь бедой бедить!
Я поеду сейчас на Горынь на реку.
Я поеду на бой со Змеей лихостной.
Я поеду, все полоны повысвобожу.
Я поеду-привезу твою племянницу,
Что любимую твою Купавушку!»
Дома матушка Добрынюшке говаривала,
Дома матушка Добрынюшке наказывала:
«Ах, ты душенька, Добрыня сын Никитьевич!
А не ездят ты на гору Сорочинскую!
Не топчи ты малых змееньшей!
Не тебе выручать полону русского!
Еще после той да беды лихой
На тебя я, сын, не нагляделася!
А и ты опять ведь на смерть идешь!»
Не послушался Добрыня родительницы.
Он Сивка своего да оседлывал.
Собирался на гору Сорочинскую —
Выручать от Змеи полону русского.
Подавала мать Афимья Александровна,
Подавала Добрынюшке плеточку:
«Как придет тебе, Добрыня, неминуча беда,
Этой плеткой, Добрыня, ты коня стегай:
Меж ушей Сивку, меж ног, не жалей!
Он тогда от беды тебя повынесет!»

Вот Добрыня-богатырь на Горынь-реке.
С поля на поле он перескакивает,
С горки на гору перемахивает.
Давит-топчет Добрыня злых змеенышей.
А змееныши-младеныши укусливые.
Все зубастые да подточливые.
Подточили у Сивки они щеточки,
Понависли на ноги коню доброму.
Больше Сивка не может ни подскакивать,
Ни с ног змеенков стряхивать.
Добрый молодец на Сивку осержается
И за плетку материнскую хватается.
Он и бьет Сивку промежду ушей.
Он и бьет Сивку промеж передних ног.
Он и бьет Сивку промеж задних ног.
Тут Сивка-конь стал подскакивать.
Тут Сивка борзый стал попрядывать.
Тут Сивка стал с ног отряхивать,
Давить-топтать лютых тех змеят:
Потоптал-придавил до единого!
Налетела на Добрынюшку Горыниха.
«Ай, Добрыня ты сын Никитьевич!
Ты зачем это нарушил свою заповедь?
Ты зачем это забыл да про наш уговор?
Ты зачем потоптал моих змеенышей?»
Рассержался-кричал Змее Добрынюшка:
«Не сама ли ты, Змеиха злющая,
Не сама ли ты, Змея окаянная,
Не сама ли ты нарушила первая,
Не сама ль переступила ты заповедь:
Не летать чтобы на святую Русь,
Не красть, не таскать люду русского!
Начала ты летать, ты красть, ты таскать!
А теперь я, Добрыня, тебе смерть принес!»
Ну лих взмолится Змеиха Горыниха:
«Уж ты славный богатырь, ты Добрынюшка!
Я отдам да повыпущу весь русский полон!
Я отдам тебе Купаву Путятичну!
А положим мы с тобой еще новый завет:
Не вступать ни в худой, ни в хороший бой!
Инно миром поладим, Добрыня, с тобой!»
«Ты послушай, Змеина злорадная,
Мне теперь, Добрыне, не пятнадцать лет!
Я теперь воробей ин ведь стреляный!
Ты словами меня не умамливай!
Если хочешь, вступай в битву честную!
А не хочешь, подставляй свои хоботы:
Разом я и порублю их булатным мечом!»
Зачинался-загорался великий бой:

Борьба со Змеей — драка-сеченье.
По три дня подряд да по три ноченьки,
И без роздыху трое суток.
Стрелы травленные да каленые
Не сразили Добрыню Змеихины.
Не пронзили Добрыню копья острые,
Не посекали его мечи булатные.
Добрый молодец в битве выстоял.
Вот уж снес-отсек он, Добрынюшка,
У Змеихи последнюю голову!
Отрубил-разрубил последний хобот ей.
А и тут из Змеины кровь рекой полилась.
Вот час лилась, вот два лилась —
Не уйти от ливня Добрынюшке!
Вот день, вот другой все льется-течет,
Заливает поток кровавый, страшный все:
Утонуть в том потоке Добрынюшке!
А Добрынюшка свет Никитьевич
Догадался догадкой богатырскою:
«Нет, не выдаст меня земля русская!»
Он и брал копьё Мурзамецкое.
Он бил копьём о сыру землю.
Он бил-ударял-приговаривал:
«Расступися ты, мать сыра земля!
На четыре расступись ты на четверти:
Пожри-поглоти кровь змеиную!»
Расступилась тут мать сыра земля:
Пожрала-поглотила кровь Змеихину!
Пробирался-опускался Добрынюшка
Во пещерные во норы во глубокие.
Находил-выводил он весь русский полон.
А последней — Купаву Путятичну.
Говорила Купава Добрынюшке:
«За твою за услугу за великую
Назвать бы тебя, Добрыня, батюшкой.
Назвать тебя не хочу я так.
Назвать бы тебя разве братцем мне.
А и братцем называть не желаю тебя!
А хочу, а желаю, Добрынюшка,
Я назвать тебя другом — мужем своим!
Ах, ведь ты в меня, Добрынюшка, не влюбишься!
Ты на мне, богатырь, не женишься!»
«Молодая Купава дочь Путятична!
Ты, Купавушка, роду княжнецкого,
Я — крестьянского роду, холопского:
Мне, Купава, тебя полюбить нельзя!
Мне, Купава, на тебе пожениться нельзя!»

[20, 250—253]

Комментарии

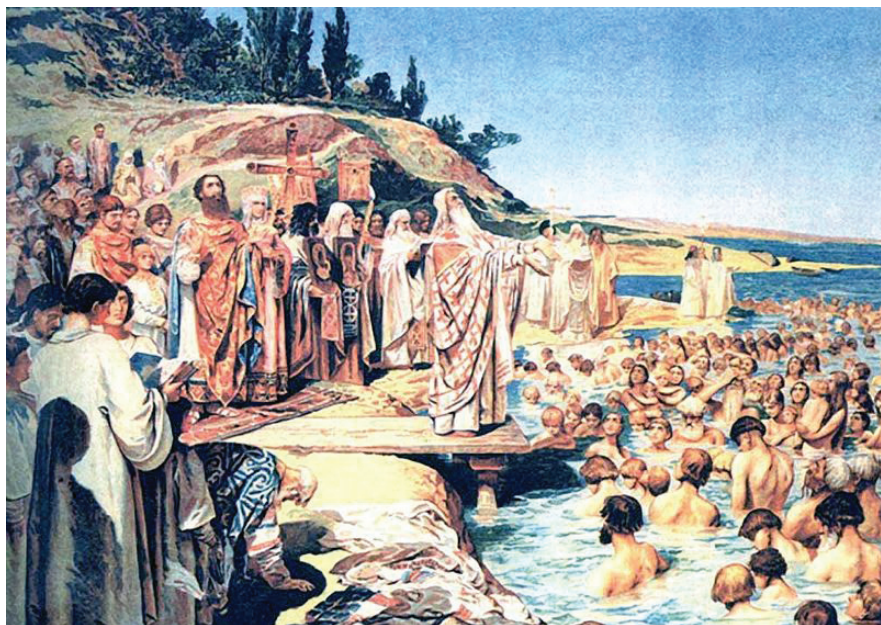
Крещение киевлян (988 г.). После смерти Святослава князем Киевского государства стал его сын Владимир, внук великой княгини Ольги. В начале княжения Владимир показал себя ревностным язычником. Рядом со своим теремом, на холме, он приказал установить деревянные истуканы шести богов, олицетворявших силы природы. Главенствовал над всеми богами-идолами серебряноголовый и золотоусый Перун — бог грозы, войны и оружия. Перунов день праздновали 2 августа, и был он самым мрачным в году. В этот день грозному божеству приносили человеческие жертвы.

Однажды, в день чествования Перуна, разъяренная толпа язычников зверски убила двух христиан-варягов Федора и сына его Ивана — за отказ отца добровольно отдать сына в жертву богам. Этот случай произвел сильное впечатление на Владимира, и с той поры он перестал приносить жертвы идолам.

К Владимиру, решившему переменить веру, стали прибывать посольства от волжских мусульман, католиков из Рима, иудеев из Хазарии и христиан-греков из Византии. И все они пытались склонить киевского князя к принятию своей веры. Более всех Владимиру пришлось по душе греческая вера.

В 988 году Владимир вторгается в византийские владения в Крыму и осаждает город Корсунь (Херсонес, близ нынешнего Севастополя). Город долго не сдавался. Владимир дал обещание креститься, если город сдастся. Корсунь скоро взяли. Тогда Владимир послал в Царьград к византийским императорам-братьям сказать, чтобы они выдали за него замуж свою сестру Анну, грозя иначе пойти войной на самый Царьград. Императоры ответили, что их сестра — христианка и не может выйти за него, так как он язычник, но если он крестится, они исполнят его желание. Владимир согласился и вместе с своей дружиной принял святое крещение от епископа Михаила в церкви Святого Василия в Херсонесе. Затем, стремясь укрепить мирные отношения с Византийской империей, он вступил в брак с царевной Анной и как выкуп за невесту возвратил грекам Корсунь. А сам, взяв с собой княгиню, назначенного в Царьграде для Руси епископа Михаила, священников со священными сосудами, иконами и мощами святого папы Климента, возвратился на родину.

Вернувшись в Киев, Владимир велел священникам крестин двенадцать своих сыновей в источнике, получившем навсегда название Крещатик. Вместе с ними крестились некоторые бояре. Одновременно князь повелел везде сокрушать идолов: их приказано было жечь и рубить, а Перуна сбросили в Днепр. Народ плакал, видя поругание своих богов. После уничтожения идолов было приступлено к крещению киевлян. Митрополит и священники ходили

К. В. Лебедев (1852—1916).

Крещение Киевлян. 988 г.

по городу и проповедовали христианское учение, многие с охотой соглашались принять крещение, но некоторые не хотели изменить язычеству.

Массовое крещение киевлян было назначено на 1 (14) августа 988 года. К тому месту, где река Почайна впадает в Днепр, стеклось «людей без числа». Все вошли в воду. Одни стояли в воде по шею, другие по грудь, малых детей держали на руках. На берегу было не мало крещенных раньше. Священники читали молитвы и крестили в водах Днепра и Почайны множество киевлян. Владимир радовался этому и, подняв руки к небу, сказал: «Боже, сотворивший небо и землю! Призри на новых людей твоих и утверди в них правую веру...»

Из Киева христианство постепенно распространилось по всей Древней Руси.

Из страстного, гордого язычника Владимир буквально переродился после крещения в целомудренного, кроткого, необычайно милосердного и доброго человека. Одно время он не решался даже утверждать приговоры о справедливых казнях особо опасных преступников, а его милостыни не знали меры... «Красным солнышком и ласковым князем» прозвал Владимира Великого русский народ.

[16]

Владимир

(Отрывки из романа)

<...> На вершине Перинь-горы князь остановился. Прямо перед ним вырисовывался на голубом небе шероховатый от солнца и ветров, потемневший от дыма требищ Перун с блестящими позолоченными глазами; за ним и вокруг него стояли такие же темные, вырезанные из дерева или высеченные из камня боги пятин¹ Святовит, Билбог, Триглав — подобие мужчины и женщины одновременно, с головой на плечах, головой на груди и еще одной головой в детородном месте, и Чернобог, у которого был вид большого пса, — это были те боги, которым веками молились люди в Новгороде, в землях води, еми, саами, коми, а за ними стояла северная, языческая Русь.

В этот день и час за князя Владимира и всех воинов, за победу над Ярополком молились еще в одном месте, в самом городе: там, в небольшой деревянной церкви Иоанн на опоках², от жаркого горения свечей дважды начинался пожар.

Князь Владимир в глубоком раздумье стоял перед богами, сосредоточенно молчали воеводы вокруг него, тихо было по всей горе и внизу у Ильменя.

А потом загрели бубны и колокольчики, раздались дикие крики волхвов, хрипели и рыли землю ногами воли и кони, кровь жертвенных животных пролилась на землю, над всеми огнищами за клубился темно-серый дым, он окутал требища³, пополз вниз по склонам.

Князя Владимира захватил и взволновал этот обряд. Он стоял перед Перуном, вынув из ножен меч и положив его на землю. Волны дыма то надвигались на него, то расступались, искры долетали до его лица, и в эти мгновения красный отсвет костров заливал его лоб, прищуренные, прикованные к далеким водам Ильменя глаза, жесткие, сжатые губы.

— За Русь! За Богов наших! За покон и закон отцов! — раздавалось повсюду на горе и у озера, гремели копыта, звенели щиты.

Великая, страшная, непобедимая сила стояла за Владимиром, князем новгородским, он готов был вести людей в Киев, до самых далеких украин Руси. <...>

¹ Пятины — пять частей древней Новгородской земли.

² Опока — меловой известняк, белая глина.

³ Требище — жертвенник.

Светает. В Золотой палате еще горят светильники с медвежьим жиром и восковые свечи, но сквозь узкие окна уже врываются розовые лучи зари, дневной и ночной свет, смешиваясь, отчетливо очерчивает деревянный сруб палаты, доспехи покойных князей, людей, стоящих у стен, в углах и посреди палаты.

В это утро никто не садится. Все стоят, переступают с ноги на ногу, переходят с места на место, перешептываются, оживленно разговаривают — бояре, воеводы, мужи; забившись в угол, испуганно высматривают оттуда главный волхв Перуна Вихтуй.

— Идет князь! Князь идет! — пронеслось внезапно по палате. — Тише, тише, князь Владимир.

Князь Владимир появляется в переходах, переступает порог палаты, выходит на помост — он один, без жены, в обычном темном платне, усталый и очень бледный, видно, чем-то расстроен, встревожен либо опечален.

Но длится это мгновение. Остановившись на помосте, он устремляет взор в глубь палаты, видит перед собой множество людей, сотни огней, блестящие доспехи, розовый рассвет в окнах.

— Челом князю Владимиру. Кланяемся тебе, — внезапно заполняет палату множество голосов.

— Слава василевсу¹ Владимиру!

Он поднимает руку — и тотчас все утихает. Снаружи вливается дневной свет; вещи, люди видны все отчетливей, тени уходят все глубже.

— День вам добрый, мужи, бояре, воеводы мои, — говорит Владимир. — Вот мы и снова свиделись.

Собираясь с мыслями, которые пролетают в мозгу, словно молнии, он умолкает на минуту и затем продолжает:

— Я созвал вас ныне, мужи мои, дабы поведать вам, что наше воинство доблестно взяло греческий город Херсонес, там принял я послов Византии и через них говорил с императорами Василием и Константином, с ними навек положен ряд². Мы имамо³ дань, купцам нашим льготы, отныне люди наши могут свободно жить в устье Днепра, на белых берегах и повсюду над Русским морем.

— Добро, вельми добро сделал ты, княже, — звучат в палате голоса.

— Памятуя, однако, что ромеи постоянно переступали с нами ряд, — продолжает Владимир, — я потребовал через послов, дабы их императоры говорили с нами, деяли и заключали мир, как равные с равными. Посему пожелал венец, какой носят и они; ведая, что императоры лживы и хитры, я потребовал, подобно германско-

¹ Василевс — император (греч.).

² Ряд — договор.

³ Имамо — собирать, взымать.

му императору Оттону или хазарскому кагану, себе в жены царевну. Говоря о всем том, видел за собой вас и Русь.

— Достоинно говорил ты, княже, с василиками¹ и императорами, — добавил боярин Воротислав, побывавший вместе с Владимиром в Херсонесе, — правильно им сказал. — Он широко развел руками и, казалось, хотел обнять всю палату. — Мы — Русь. Пусть императоры помнят, кто мы, а не соблюдут мира — дойдем до самого Константинополя.

— И насчет жены, сестры императора, — слышался голос какого-то боярина, — тоже правильно. Чем мы хуже германского императора или хазарского кагана?. Нет, только так и должно быть ныне. Ты, княже, стал императором, мы твои верные слуги.

— Императоры исполнили все, что я потребовал, — промолвил Владимир, — дали венец.

— Слава Василевсу!.. — закричали бояре.

— ...они отдали мне в жены царевну Анну, с которой и венчался в Херсонесе.

— Примем твою жену, а нашу царицу достойно, — звенело в палате.

— ...и еще решил я учинить так, как желаете вы, мужи мои, — окрестить людей Руси.

— Добро, княже, добро!

— Но крестить вас будет не патриарх константинопольский и не его епископы и священники. В городе Киеве исстари живут священники, иже пришли из Болгарии. Днесь приехали с нами из Херсонеса Анастас и Иоанн — они и окрестят Русь.

Это была настоящая победа бояр и мужей — христиан, они добились того, что хотели, и теперь не могли да и не желали скрывать свою радость.

— Славен наш князь! — звучали в палате возбужденные голоса. В потоках света народившегося дня было видно, как бояре целуют воевод, воеводы — бояр, как обнимаются мужи лучшие и нарочитые.

Но не все думали одинаково. Когда в палате на минуту улегся шум и утихли голоса, откуда-то из угла прозвучало:

— А как быть, княже, со старыми богами, требищами и такожде с нашими волхвами?

Это была очень ответственная, страшная минута — князя спрашивал не один человек, а Русская земля: как быть с идолищами, которые стоят по всей Руси, с требищами в городах, весях и на погостах, где до сих пор приносились жертвы, с волхвами, что служат тем богам, и, наконец, со всеми людьми, которые верят еще старым богам?

¹ Василиск — императорский вестник, посол (Византия).

Просить у кого-то совета, обратиться к боярам, воеводам, мужам, стоящим тут в палате, — нет, прошли те времена, когда князь, идучи на брань или устроая земли, обращался к ним и вкупе решал все дела; ныне он должен думать и решать сам, ибо се не брань, не дань, дело идет о самом главном — о душах, сердцах людей, о вере.

Да и что, что могут сказать бояре, воеводы, мужи? У каждого из них свое сердце, своя душа, тут много христиан, но есть еще и язычники, которые не скоро, а может, до самой смерти не отрекутся от старого закона. И не только тут, а повсюду — во всех землях, городах, весях Руси — старое живет бок о бок с молодым; молодое плодовито, а старое живуче, оно цепко ухватилось за отчую землю.

Что же делать? Сказать, что все должно оставаться по-старому, что новое может жить рядом со старым, тогда кто знает, не заглохнет ли в гуще старого молодая поросль? Сказать, что старое должно умереть и что лишь новое имеет право на жизнь?

Император, — да в этом слове было все, он глава Руси, владыка земель, отныне ему, как императору и пастырю, покоряются и души людей. Гляди, император Владимир, какой вершины власти ты достиг, гляди и ужасайся!

Отступить Владимир уже не мог. Твердо, уверенно и властно император Владимир промолвил:

— Велю повергнуть всех идолов земель, уничтожить требища, окрестить Русь.

— Слава, слава князю Владимиру! <...>

Утром вся Гора была готова к крещению — воеводы, бояре, их жены и дети, вся княжья семья — дочь и сыновья, дворяне, холопы; по велению священников никто ничего не ел и не пил. Биричи¹ громко возвещали о наказе князя Владимира на краю взвоза над Почайной, с высоких пней на торжище, повсюду на Щекавице, в Дорогожищах, Оболони; кликуны-глашатаи разъезжали по всему городу верхами, трубили в рога и пересказывали слова князя.

На рассвете князь Владимир вышел из своих покоев и направился в Золотую палату, где к тому времени собрались все бояре, воеводы, мужи.

Нет, это уже был не сын рабыни — в искрящемся, шитом серебром дивитиссии² прошел василевс к помосту, на его голове сверкала золотая корона, в правой руке он держал скипетр, рядом шествовала в порфире нарумяненная, красивая василисса Анна, за ними, как это можно видеть и сейчас на иконах, в новых царских ризах, с молитвенниками в руках шли со скорбными лицами дети.

¹ Бирич — чиновник, в обязанности которого входило объявлять народу распоряжения властей; глашатай.

² Дивитиссий — парадное одеяние (Византия).

В глубине Золотой палаты протяжно и потому, казалось, заунывно, но, в сущности, величально запел хор; сначала греческие гости, а за ними воеводы и бояре закричали:

— Исполайте, деспоте¹!

— Слава василевсу Владимиру, василиссе Анне!..

Владимир опустился в кресло, по левую руку от него села василисса Анна, за ними полукругом стали сыновья и дочь Предслава.

— Начнем, мужи! — промолвил Владимир. — Готовы ли люди?

Бояре и воеводы смешались, потом, переступая с ноги на ногу, робко начали:

— Мы все готовы, ждем твоего слова, но у Почайны людей нет.

— Кликуны поведали всем и обо всем? — спросил князь.

— Не только кликуны, тиуны и емцы также собирают людей, гонят их к Почайне.

— И что?

— Люди бегут, княже, прячутся по лесам, по дубравам.

Бояре и воеводы, конечно, знали, что так именно и произойдет, — Гора почти уже вся крестилась, что ж, днесь она признает новую веру явно.

Но Подол, предградье еще не созрели к принятию христианства. Они крепко придерживаются старой веры, древних законов и обычаев.

— Не ведают люди, что творят, — гомонит Золотая палата. — Твоя, княже, власть, твой и суд.

Воеводы и бояре могли бы поступить иначе. В их руках сила, которой можно окрестить город Киев, — золото, серебро, всякое добро, стоит им кликнуть клич — и на Киев двинутся полки, гридни, дружины.

Но зачем тратить собственные силы и средства — на Руси у них есть великий князь и василевс Владимир, который отныне будет утверждать новые законы, царь земной и владыка душ человеческих, наместник Бога.

— Исполайте, деспоте! — горланит Золотая палата.

И князь Владимир понимает, какая в его руках страшная сила и что значат корона на голове и скипетр в деснице.

О, корона эта тяжела, а скипетр подобен огненному мечу, который может уничтожить, испепелить все, приняв их, Владимир теперь должен носить до смерти, теперь уже ему не на кого полагаться — только на себя.

Князь Владимир встает, скипетр покачнулся и замер в его высоко поднятой руке; бледный, с тревогой в глазах, но решительный и грозный, он говорит:

¹ Исполняйте деспоте — древнее выражение, переделанное с греческого, означающее «многие лета владыке».

— Повелеваю окрестить город Киев и всю Русь. Аще кто не обрящется — богатый ли, убогий, нищий или раб, противен мне да будет, имения своего лишится, а сам да примет казнь.

Воеводы, бояре, мужи молчали, и только эхо среди темных сводов палаты глухо откликнулось:

— Да примет казнь!

И тогда уже бояре и воеводы двинули на город Киев силу — с Горы спустилась к Подолу на сытых, борзых конях гридьба; из Белгорода, Вышгорода, с левого берега налетела, как саранча, дружина; по слову князьему, они рассыпались по всем концам, заходя во все дома, хижины, землянки, шатры.

«Аще кто не обрящется, имения лишится и да примет казнь.»

Молчаливые, суровые, почерневшие от горя, тяжелой поступью шли люди к Днепру, за ними, словно чайки, у которых разорили гнезда, тянулись их жены, и лишь дети, не понимая, что творится, спешили впереди взрослых.

Однако что значит невыраженная печаль, невысказанный гнев? В последующие дни и годы люди поймут, что то был торжественный, незабываемый час, и он действительно был таким — это крестился город Киев, это крестилась Русь.

Солнце величаво поднималось над Днепром, отражаясь на широком плесе, слепило глаза, раскаляло воздух; над скопищем людским вставал тяжелый дух. Люди стояли голые, прикрывая вретичами¹, ветками или просто руками срамные места, только женщинам гридни позволяли остаться в сорочках либо повязать гело убрусами² или дерюгой, — люди стыдились друг друга, а более всего горян и потому толпились, прятались.

Привольней и просторней было выше над ручьем, на пригорке, откуда обычно биричи оглашали веления князя, — накануне древоделы положили там тяжелый дубовый помост, построили на нем скамьи, покрыли коврами.

Рядом натянули шатры, в них стояли лавки, кадки, чаны, ношьвы³, — в одном шатре должны были раздеваться и креститься княжьи сыновья, воеводы, бояре со своими сыновьями, а в другом, среди кустов, — их жены, дочери и княжна.

На лавках сидели князь Владимир, василисса Анна, княжичи и княжна, а по обе стороны полукругом стояли в дорогих одеяниях епископы Анастас и Иоанн Корсунянины, священники, воеводы и бояре, мужи Горы.

Князь Владимир поднялся со скамьи и долго стоял, глядя на толпу перед собой. Сурово и задумчиво было его чело в этот утренний

¹ Вретище — рубище, убогое платье.

² Убрус — полотенце, платки, скатерть.

³ Ношьва — неглубокое корыто.

час. Вот князь поднял правую руку, подавая тем знак, что хочет говорить с людьми.

— Люди мои! — начал князь Владимир, и его голос отчетливо зазвучал по всему берегу. — Испокон веку по закону отцов наших верили мы и молились богам Перуну и Дажбогу, Волосу и Стрибогу, однако днесь боги сии более не пристанище в трудах и ратях наших. Иной Бог даст нам спасение, Бог — заступник богатого и убогого, князя и смерда, Бог, дарующий после бренного житья на земле жизнь вечную, радость и счастье на небе. Имя тому Богу Христос!

— Кирие элейсон! Кирие элейсон! Кирие элейсон!¹ — заголосили и запели священники.

— Посему почтили мы за благо, — громко продолжал князь Владимир, когда они умолкли, — утвердить в городе Киеве, в землях Руси истинную веру, сиречь христианство. Креститесь, люди, во имя Бога Отца, Сына, Святого Духа. Аз первый положил на себя святой крест, потягните, люди, за мной...

И в этот миг на городницах ударили в била². Люди, повернув головы к Горе, увидели, как на требище перед стеной появилось много княжьих гридней, они что-то тащили веревками с Горы.

И вот на склоне между деревьями и оврагами появился стоявший до сих пор на требище Перун, громоздкий, деревянный идол, которого волочили гридни, он подпрыгивал, поднимался, падал; над взвозом Перун покачнулся, перевернулся и вниз головой, стремглав, ломая деревья, раздирая кусты, взрывая землю, с шумом, свистом и треском полетел с горы и, поверженный, упал в обрыв недалеко от ручья и толпы, которая в ужасе онемела при виде этого зрелища.

Но Перун пролежал там недолго, в тот же миг его окружили гридни, отроки, дворяне, которые на конях примчались с Горы, ремнями и толстыми веревками зацепили лежащего бога, его голову, руки, ноги; тиуны, прибежавшие с дворянами, секирами вырубали золото и серебро, потом все разом ударили по коням, закричали и потащили Перуна по оврагу.

Идол прыгал на выбоинах.

— Гой-ла! Гой-ла! — надрываясь, кричали погоньичи.

— Кирие элейсон! Кирие элейсон! — пели священники.

В огромной толпе поднялись шум и крик, стонали женщины, плакали дети.

Перуна доволокли до берега и столкнули в воду. Тяжелая дубовая колода завязла и неподвижно лежала на косе. Тогда вперед кину-

¹ Кирие элейсон! — Господи помилуй! (греч.).

² Било — доска; деревянный колокол; колотушка.

лись тиуны, дворяне, отроки — в одежде, постолах, а кто и босиком, лезли они в воду, отталкивали шестами и прямо руками колоду от берега.

А на толпу тем временем напирала грядни, княжья дружина; размахивая кольями, позвякивая мечами, они теснили людей к воде.

— Креститесь во имя Отца, Сына и Святого Духа, — провозглашали священники; люди заходили в воду все глубже и глубже.

Наконец Перуна сдвинули с места, и он поплыл, за ним вplash бросились дети и окружили идола, а многие люди, потрясенные всем происшедшим, стоя в воде, кричали:

— Выдыбай¹, Боже! Выдыбай, Боже!

— Кирие элейсон! Кирие элейсон! — пели священники.

Перун плыл. С деревянного помоста на высоком пригорке смотрели на него князь Владимир, княгиня Анна, воеводы, бояре.

— Выдыбай, Боже! Кирие элейсон! — смешивалось в раскаленном воздухе.

А идол плыл все дальше и дальше. По берегу вслед за ним бежали люди.

— Выдыбай, выдыбай, Боже!

Князь Владимир видел, как разбегаются во все стороны от священников киевляне, какие насилия учиняют грядни и дружина, но не сочувствие, не жалость к людям терзали ему душу.

Он стоял, весь напрягшись, безмолвный, сведя на переносице брови, стиснув губы, отчего лицо его стало суровым, хищным, и смотрел на толпу холодно и грозно.

Нет, это был уже не тот князь Владимир, который когда-то вел ласковые, сердечные беседы с дружиной, с воинами и всеми людьми Руси.

«Убогие, темные люди, — думал он, — ведаете ли вы, что весь мир называет вас варварами, язычниками, ведаете ли вы, какую муку мне пришлось принять на себя, чтобы спасти вас, защитить Русь?!»

Сейчас, как недавно в Херсонесе, но еще отчетливей, еще острее ему показалось, что он имел на это право, должен был и уже стал выше всех этих людей. Ему одному ведомо больше, чем всем им. Они должны радоваться, быть ему благодарны, что он сам крестился и ныне крестит их.

— Крестить! — выткнув вперед правую руку, хрипло промолвил он. — Крестить, а кто не обрящется — карать.

— Многие лета василевсу Владимиру! — гремел хор.

— Исполайте, деспоте! — тянули греческие священники.

¹ Выдыбай — выплыви, выйди на берег.

Десятинная церковь.
Реконструкция Н. А. Холостенко

Князь Владимир был милостив и щедр к новообращенным христианам города Киева. В этот день он велел поставить на всех концах перевары¹ с медами и олом², дать убогим людям хлеба, говядины.

Однако, как ни кричали биричи, никто не отведал в городе медов и ола, голодные люди не кинулись к хлебу и говядине. До позднего вечера в предградье, на Подоле и даже на Оболони разъезжали на конях и ходили пешком княжьи мужи, тиуны и гридни. Приблизившись к какому-нибудь двору, они смотрели, есть ли на доме, хижине или на двери землянки отес — знак креста.

Впрочем, если он и был, то княжьи мужи все равно заходили во двор: ведь там наряду с крещеными могли жить и язычники — люди старой веры.

Княжьи мужи были очень суровы и безжалостны — тут слышался крик, там гридень таскал за седую бороду какого-нибудь кузнеца. По концам от Оболони и Подола к церкви над ручьем вели людей, там крестили.

[19, 104, 392—395, 399—405]

¹ Перевара — чан для варки меда и пива.

² Ол — пиво.

Комментарии

Владимир, став христианином, сказал: «худо, что мало городов около Киева», и начал строить города по Десне, Трубежу, Стугне, Суле и другим рекам. Эти укрепленные пункты заселялись боевыми людьми, «мужами лучшими», по выражению летописи, которые вербовались из разных племен, славянских и финских, населявших русскую равнину. С течением времени эти укрепленные места соединялись между собою земляными валами и лесными засеками. Так, по южным юго-восточным границам тогдашней Руси, на правой и левой стороне Днепра, выведены были в X и XI вв. ряды земляных окопов и сторожевых «застав», городков, чтобы сдерживать нападения кочевников. Все княжение Владимира Святого прошло в упорной борьбе с печенегами, которые раскинулись по обеим сторонам нижнего Днепра восьмью ордами, делившимися каждая на пять колен.

[11, 28]

Закладка десятинной церкви в Киеве (989 г.). После крещения киевлян великий князь Владимир приказал «рубить», то есть строить из дерева церкви и ставить их по всему городу в тех местах, где прежде стояли кумиры. На холме, где так недавно торчал из земли истукан Перун, была сооружена деревянная церковь во имя Святого Василия, именем коего был окрещен Владимир в Херсонесе (Корсуни). А в 989 году Владимир пожелал в Киеве построить церковь, подобную той, какую видел в Корсуни. На том месте, где, по преданию, были убиты разъяренной толпой два варяга-христианина — Федор и его сын Иван, Владимир повелел построить особо богатый храм, в честь Успенья Пресвятой Богородицы. Для закладки и строительства этого величественного храма он приглашает мастеров из Византии. Шесть лет трудились над его постройкой. Когда строительство храма было окончено, то на содержание его Владимир приказал отчислять десятую часть всех доходов со своих владений, после чего церковь и была названа Десятинной. Владимир отдал в ризницу храма все, что привез из Корсуни: иконы, сосуды, кресты. Двадцать пять глав, или верхов, украшали этот дивный храм снаружи, а внутри было множество столпов из драгоценного мрамора, яшмы и других камней. Стены же были украшены живописью. Перед храмом, с западной стороны, в подражание Царьграду, были поставлены привезенные из Херсонеса две медные статуи и четыре медных коня. Князь назначил служить в храме грека Анастаса Корсунянина и других священников, пришедших из Херсонеса. В 996 году, по данным летописи, церковь была освящена. В ней князь Владимир не раз возносил усердную молитву за всю Русскую землю и русский народ.

День освящения храма Пресвятой Богородицы или Десятиной церкви (11 или 12 мая) был внесен Владимиром в месяцеслов для ежегодного празднования.

Десятинная церковь Богоматери сделалась центром духовной жизни Киева и всей новопросвещенной Руси. Предполагают, что здесь еще при Анастасе Корсунягине началось наше летописание, были составлены жития Ольги, святых первомучеников российских Федора и Ивана, «Слово о том, како крестися Владимир возмья Корсунь». В этот храм Владимир перенес нетленные мощи своей бабки — равноапостольной княгини Ольги и останки мощей святого Климента, папы римского, привезенные из Херсонеса, которые в течение многих столетий до 1240 года были главной святыней Киева. В Десятиной церкви были захоронены: великий князь Владимир и его жена Анна, князья Изяслав Ярославич — внук Владимира, Ростислав Мстиславич, останки Ярополка и Олега. При нашествии монголо-татар в 1240 году эта церковь была полностью разрушена и позже на ее месте построен новый храм Николы Десятинного.

Умер великий князь Владимир в 1015 году в одиночестве в княжеском селе Берестове под Киевом. Покойника завернули в ковер, положили на сани и отвезли в церковь Пресвятой Богородицы, которую он сам когда-то построил, назвав ее Десятиной. Узнав о кончине великого князя, сошлись люди и плакали по нем: бояре — как по заступнике своего государства, бедные и нищие — как по своему защитнику и кормителю. Положили его в мраморный гроб и похоронили. Хотя Владимир и считался в истории реформатором религии, однако он не был в то время канонизирован. И только в 1240 году по указанию Александра Невского его причислили к лику святых, а за распространение христианства между язычниками он назван Равноапостольным. День смерти Владимира (15 июля) совпал с днем победы русских войск на Неве. Александр Невский решил увековечить память о Владимире. Официальная канонизация Владимира состоялась только при Иване Грозном.

[16]

С. Д. Складенко

Храм богородицы в Киеве

(Отрывок из романа «Владимир»)

На киевских торах, высоко над Днепром, на месте древнего трибища богов земли Русской и Воздыхальницы вырос храм.

Его видно было с Подола и с берегов Днепра, он издали вставал, подобно дивному видению, перед взором приближавшегося

к Киеву путника, и пешего, и на лодии. «Дивен храм, нет равного ему в мире», — говорили люди.

И верно, храм Богородицы был прекрасен, он не напоминал греческих соборов, тяжелых каменных громад с позолоченными куполами, высокими окнами, широкими воротами; не походил и на болгарские храмы, серые, воздвигнутые на скалах строения, а тем более на суровые, сложенные из темного дикого камня храмы далекого юга и востока.

Здатели храма Богородицы в городе Киеве строили его из легкого кирпича, стены мазали красной краской, вокруг окон и дверей вылепили из белой глины пальметты¹, виноградные гроздья и всякие украшения, крышу выложили волнистой серой черепицей, воздвигли на шатрах позолоченные кресты, которые сверкали и голубом небе, точно звезды.

[19, 435]

К. Д. Бальмонт

Живая вода

Богатыри родные,
В вас светят небеса,
В вас водные, степные,
Лесные голоса.

Вы детство укачали,
Как зимняя метель
Качает в снежной дали
Загрезившую ель.

Вы в отрочестве жили
Как отсвет вечных сил,
Как стебель давней были,
Который тьму пробил.

Вы юность обвенчали
С нарядною мечтой,
С глубинностью печали,
С улыбкой золотой.

Когда мечта хотела
Быть в яркой зыби дней,
Вы поглядели смело,
Жар-птицу дали ей.

¹ Пальметты — цветные или лепные украшения, по форме напоминающие листья пальмы (греч.).

Когда в затон мечтанья
Вошла, как тень, печаль,
Вы сделали страданье
Прозрачным, как хрусталь.

Мгновенья потонули,
Но, жезл подъявши свой,
Вы молодость вернули,
И смех, с водой живой.

И где сошлись дороги,
Ваш образ — как звезда.
Богатыри, вы боги,
Вам жить и жить всегда.

[14, 192—193]

1907

А. К. Толстой

Илья Муромец

(Отрывок)

1

Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

2

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?»

4

Двор мне, княже, твой не диво,
Не пиров держусь,
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6

Без меня других довольно:
Сядут — полон стол;
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол.

7

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь —
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

8

Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!

9

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свету снова
Без того пора.

10

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит;

11

Душно в Киеве, что в скрине, —
Только киснет кровь,
Государыне -пустыне
Поклонюся вновь!

12

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

[21, 202—204]

Алеша Попович

(Отрывок)

1

Кто веслом так ловко правит
Через аир и купырь¹?
Это тот Попович славный,
Тот Алеша-богатырь!

2

За плечами видны гусли,
А в ногах червлёный щит,
Супротив его царевна Полоненная сидит.

3

Под себя поджала ножки,
Летник² свой подобрала
И считает робко взмахи
Богатырского весла.

4

«Ты почто меня, Алеша,
В лодку песней заманил?
У меня жених есть дома,
Ты ж, похитчик, мне не мил!»

5

Но, смеясь, Попович молвит:
«Не похитчик я тебе!
Ты взошла своею волей,
Покорись своей судьбе!»

6

Ты не первая попалась
В лодку, девица, мою:
Знаменитым птицеловом
Я слыву в моем краю!

7

Без силков и без приманок
Я не раз меж камышей

¹ Купырь — род трав семейства зонтичных.

² Летник — парадное платье с длинными широкими рукавами.

Голубых очеретянок
1Песней лавливал моей!

8

Но в плену, кого поймаю,
Без нужды я не морю;
Покорися же, царевна,
Сдайся мне, богатырю!»

9

Но она к нему: «Алеша,
Тесно в лодке нам вдвоем,
Тяжела ей будет ноша,
Вместе ко дну мы пойдем!»

10

Он же к ней: «Смотри, царевна,
Видишь там, где тот откос,
Как на солнце быстро блещут
Стаи легкие стрекоз?

11

На лозу когда бы сели,
Не погнули бы лозы;
Ты же в лодке не тяжелее
Легкокрылой стрекозы».

12

И душистый гнет он аир,
И, скользя очеретом,
Стебли длинные купавок
Рвет сверкающим веслом.

13

Много певников нарядных
В лодку с берега глядит,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говорит:

14

«Птицелов ты беспощадный,
Иль тебе меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку к берегу причаль!»

15

Он же, в берег упираясь
И осокою шурша,

¹ Очеретянка — крикливая птичка: камышевик, камышевый воробей, черетянка.

Повторяет только:
«Сдайся, Сдайся, девица-душа!

16

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть!
Вольной волей иль неволей
Ты должна меня любить!»

17

Он весло свое бросает,
Гусли звонкие берет —
Дивным пением дрожащий
Огласился очерет.

18

Звуки льются, звуки тают...
То не ветер ли во ржи?
Не крылами ль задевают
Медный колокол стрижи?

19

Иль в тени журчат дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звон заздравный?
Иль мечи бьют о мечи?

20

Пламя ль блещет? Дождь ли льется?
Буря ль встала, пыль крутя?
Конь ли по полю несется?
Мать ли пестует дитя?

21

Или то воспоминанье,
Отголосок давних лет?
Или счастья обещанье?
Или смерти то привет?

22

Песню кто уразумеет?
Кто поймет ее слова?
Но от звуков сердце млеет
И кружится голова.

23

Их услыша, присмирели
Пташек резвые четы,

На тростник стрекозы сели,
Преклонилися цветы:

24

Погремок, пестрец и шильник,
И болотная заря
К лодке с берега нагнулись
Слушать песнь богатыря.

25

Так с царевной по теченью
Он уносится меж трав,
И она внимает пенью,
Руку белую подняв.

[21, 220—224]

1871

Комментарии

Былины дошли до нас в сильно переработанном виде, с наложениями реалий более позднего времени. Враги-кочевники в них — не половцы или печенеги, а татары. Однако многие герои сохранили имена своих прототипов — половецких ханов, живших в конце XI начале XII вв. Так, Шарк-великан и Кудреван — это хан Шарукан, Тугарин Змеевич — Тугоркан, Коньшак — Кончак, Идолище Поганое — Итларь.

Русские былинные персонажи и их прообразы: Вольга — сын Святослава Олег, Владимир Красное Солнышко — Владимир Святой и его правнук Владимир Мономах, Волх Всеславич — Всеслав Полоцкий, Добрыня Никитич — дядя Владимира Святого новгородский посадник Добрыня Малкович, Апраксна-королевишна — сестра Владимира Мономаха Евпраксия, Чурило — Всеволод Ольгович.

[23, 75]

К. Д. Бальмонт

Убийца Глеба и Бориса

*И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.*

А. С. Пушкин

Едва Владимир отошел,
Беды великие стряслися.

Обманно захватил престол
Убийца Глеба и Бориса.

Он их зарезал, жадный волк,
Услал блуждать в краях загробных,
Богопротивный Святополк,
Какому в мире нет подобных.

Но, этим дух не напитаю,
Не кончил он деяний адских,
И князь древлянский Святослав
Был умерщвлен близ гор Карпатских.

Свершил он много черных дел,
Не снисходя и не прощая.
И звон над Киевом гудел,
О славе зверя возвещая.

Его ничей не тронул стон,
И крулю Польши, Болеславу,
Сестру родную отдал он
На посрамленье и забаву.

Но Бог с высот своих глядел,
В своем вниманьи не скудея.
И беспощаден был удел
Бесчеловечного злодея.

Его поляки не спасли,
Не помогли и печенеги.
Его как мертвого несли,
Он позабыл свои набег.

Не мог держаться на коне,
И всюду чуял шум погони.
За ним в полночной тишине
Неслись разгневанные кони.

Пред ним в полночной тишине
Вставали тени позабытых.
Он с криком вскакивал во сне,
И дальше, дальше от убитых.

[1, 40]

1902

Фрагмент жития Бориса и Глеба

Страдание и чудеса святых мучеников Бориса и Глеба, князей русских

Жития святых — важная часть Священного предания православной церкви. Святые почитаются не как боги, а как «слуги, друзья и угодники Божьи». Таким образом, христианин, молясь святому, обращается через его посредничество к Богу. Каждый день церковь посвящает памяти нескольких святых. Сборники житий святых, расположенных по дням и месяцам, называются в России Четьи-минеи (чтени\ месячные). Самый известный и подробный сборник житий был и сделан около 1700 года митрополитом Дмитрием Ростовским (известнейшим русским богословом и писателем). Отрывок из жития, приведенный здесь (в сокращении), взят из майской книги Четьих-миней.

Борис и Глеб — первые русские святые, канонизированные после принятия Русью христианства. Это братья, сыновья князя Владимира-крестителя Руси. Оба князя, будучи совсем молодыми, были коварно убиты старшим братом Святополком, пытавшимся устранить всех конкурентов в борьбе за власть. Обратите внимание на то, как Борис принимает смерть! Он знает, что его убьют, но не может поднять руку на старшего брата. Борис принимает смерть, как положено христианину в молитве, уповая на Божью волю. Борис и Глеб не являются мучениками за веру, но они принимают смерть подобно самому Христу, демонстрируя образец христианского поведения. Канонизируя «страстотерпцев» Бориса и Глеба как своих первых святых, русский народ проявил чувство любви и сострадания к слабым, обиженным, незащищенным.

Окаянный, проклятый Святополк, советник всякого зла и начальник всякой неправды, снова призвал к себе вышегородских мужей, отверз свои мерзкие уста, испустил свой злой глас и сказал людям Путши:

— «Если вы обещаете положить за меня головы, идите тайно, братья мои, найдите брата моего Бориса и, улучив время, убейте его».

И обещались они Святополку так сотворить.

Блаженный Борис на возвратном пути стал на реке Альте в ша-трах. И сказала ему дружина его:

— «Иди и сядь на княжеском столе отца своего, ибо все воины находятся у тебя»¹.

¹ По сказанию Нестора, дружины было у Бориса около 8000 человек.

Он же отвечал им:

— «Не подниму руки на брата своего, да еще на старшего меня, которого мне следует считать за отца».

Услышав сие, воины ушли от Бориса, и он остался только с отроками¹ своими.

Был тогда день субботний.

Удрученный печалью, вошел он в шатер свой и со слезами жалобно воззвал:

— «Слез моих не презри, Владыко. Уповаю на Тебя, что приму жребий с Твоими рабами, со всеми святыми Твоими. Ибо Ты — Бог милостивый и Тебе славу воссылаем во веки, аминь».

...Наступил вечер, и святой Борис велел служить вечерню; а сам вошел в шатер и стал творить молитву и вечерню со слезами горькими и частым вздыханием и стенанием многим. Потом лег и уснул. И был его сон полон многими думами и глубокой и страшной печалью о том, как ему предаться на страдание, течение скончать и веру соблюсти, чтобы принять от руки Вседержителя уготованный венец.

Проснувшись рано, он увидел, что уже время быть утрени. Было же тогда святое Воскресенье. И сказал он пресвитеру своему:

— «Восстань и начни утреню».

Сам же обул ноги, умыл лицо и начал молиться Господу Богу.

Посланные Святополком пришли на Альту ночью, приблизились и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего псалмы, положенные на утрени. Уже дошла до святого весть о предстоящем убиении, и он пел:

— «Гди, что ся умножиша стужающи ми, мнози восстанут на мя»² и прочие псалмы.

«В Твоих руках, Владыко, душа моя, не забыл я заповеди Твоей. Что Господу угодно, пусть так и будет».

Священник и отрок, слуга святого Бориса, увидев господина своего ослабевшим и одержимым печалью, горько заплакали и сказали:

— «Милый господин наш дорогой, какой благодати сподобился ты, ибо не захотел противиться брату своему ради любви Христовой, хоть и много воинов имел ты у себя».

Так говорили они с умилением.

Тут они увидели бегущих к шатру, блеск их оружия и обнаженные их мечи. Без милости было пронзено честное тело святого бла-

¹ По сказанию Нестора, св. Борис послал было к Святополку отрока с мольбою. Но тот удержал отрока у себя.

² Псал. 3, ст. 2.

женного страстотерпца Христова Бориса. Его проткнули копьями Путша и Талец и Елович Ляшко.

Видя сие, отрок святого Бориса бросился на тело его и сказал:

— «Не оставляю тебя, господин мой дорогой; где увяла красота тела твоего, тут и я пусть буду сподоблен окончить свою жизнь с тобою».

Был же он родом Венгерец, звали его Георгий. Святой Борис возложил на него золотую гривну, и был он любим князем безмерно. Тут пронзили и отрока.

Раненный святой Борис в испуге выбежал из шатра. И стали говорить окружившие его:

— «Что стоите и смотрите? Покончим приказанное нам».

Слыша сие, блаженный начал умолять и упрашивать их, говоря:

— «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте мне помолиться Богу моему».

И возрев на небо со слезами, горько он вздохнул и стал молиться:

— «Господи Боже милостивый, слава Тебе, ибо освободил меня от прельщений жития сего. Слава Тебе, прещедрый податель жизни, сподобивший меня страдания святых Твоих мучеников. Слава Тебе, Владыко человеколюбец, исполнивший желание сердца моего. Слава, Христе, милосердию Твоему, ибо Ты направил на правый и мирный путь ноги мои идти к Тебе без соблазна. Призри с высоты святости Твоей; посмотри на сердечное мое страдание, которое я принял от своего сродника. Ибо ради Тебя умерщвляют меня сегодня. Они как агнца пожирают меня. Знаешь, Господи, знаешь, что я не противлюсь, не возражаю. Имея в своих руках всех воинов отца своего и всех его любимцев, я не помыслил ничего злого сотворить брату моему. Он же всеми силами воздвигся против меня. Если бы меня оскорблял враг, я бы перенес, если бы ненавидящий уничтожил меня, я бы укрылся. Но Ты, Господи, смотри и рассуди меня с братом моим. И не поставь ему в вину греха сего, но прими с миром душу мою. Аминь».

Затем, обратив к убийцам истомленное лицо свое и возрев на них умиленными очами, заливаясь слезами, сказал им:

— «Братья, приступите и окончите повеленное вам, и да будет мир брату моему и вам, братья».

Все, кто слышал слова святого, не могли говорить от страха, горькой печали и многих слез. С горьким вздыханием жалостно все плакали и каждый думал:

— «Увы мне, князь мой милый, дорогой, блаженный, водитель слепым, одежда нагим, жезл старости, наука ненаученным! Кто сие исправит? Как удивительно, что ты не захотел славы мира сего и величия, не захотел быть среди честных вельмож! Кто не удивится

великому его смирению, кто не смирится, видя и слыша его смирение!»

Посланные Святополком избили и многих отроков. С Георгия же они не могли снять гривны, отсекали голову ему и отбросили ее, так что и после не могли узнать тела его. Блаженного Бориса они обернули шатром и, положив на повозку, повезли.

Когда доехали до леса, святой Борис стал клонить голову. Узнав о сем, Святополк послал двух варягов, и те пронзили мечом сердце мученика. И тотчас святой скончался¹, предав душу в руки Бога жива, месяца июля в 24-й день. Тело его тайно принесли в Вышегород², положили у церкви святого Василия и в земле погребли его.

Так святой Борис, прияв венец от Христа Бога, был сопричтен с праведными и водворился с пророками и апостолами и с ликами мученическими, почивая в лоне Авраама, видя неизреченную радость, воспевая с ангелами, веселясь в лике святых.

[12, 325—329]

Комментарии

Убийство Бориса и Глеба. «Пойдем с нами в Киев на Святополка», — уговаривали Бориса киевские дружинники. Борис, по преданию, отказался выступить против старшего брата, и киевляне ушли домой без него. Они боялись, что Святополк, видя их симпатию к Борису, разграбит их дворы.

Остался Борис в степи с малой дружиной. Вскоре напали на них люди Святополка и всех его отроков зарубили. А самого Бориса закололи два подосланных Святополком варяга. Впрочем, скандинавские саги приписывают этот «подвиг» варягам Ярослава.

Потом Святополк письмом, якобы написанным умирающим Владимиром, выманил на юг 15-летнего Глеба Муромского — второго сына Анны, опасаясь, как бы он не стал мстить за брата. Под Смоленском Глеба зарезал собственный повар, подкупленный Святополком.

В языческие времена дела Святополка расценили бы как доблесть, но христианская Русь прозвала его Окаянным и плакала над братьями-мучениками. Борис и Глеб стали первыми русскими святыми.

[23, 35—36]

¹ По сказанию Нестора, один из убийц ударил св. Бориса в сердце.

² Вышегород отстоит от Киева на 15 поприщ.

Песня о Гаральде и Ярославне

1

Гаральд в боевое садится седло,
Покинул он Киев державный,
Вздыхает дорогою он тяжело:
«Звезда ты моя, Ярославна!

2

Надежд навсегда миновала пора,
Твой слышал, княжна, приговор я,
Узнают же вес моего топора
От края до края поморья!»

3

И Русь оставляет Гаральд за собой,
Плывет он размыкивать горе
Туда, где арабы с норманнами бой
Ведут на земле и на море.

4

В Мессине он им показал свой напор,
Он рубит их в битве неравной
И громко взывает, подъявля топор:
«Звезда ты моя, Ярославна!»

5

Дает себя знать он и грекам в бою,
И Генуи выходцам вольным,
Он на море бьется, ладья о ладью,
Но мысль его в Киеве стольном.

6

Летает он по морю сизым орлом,
Он чайкою в бурях пирует,
Трещат корабли под его топором —
По Киеву сердце тоскует.

7

Веселая то для дружины пора,
Гаральдовой славе нет равной —
Но в мысли спокойные воды Днепра,
Но в сердце княжна Ярославна.

8

Нет, видно ему не забыть уж о ней,
Не вымучить счастья иного —

И круто он бег повернул кораблей
И к северу гонит их снова.

9

Он на берег вышел, он сел на коня,
Он в зелени едет дубравной —
«Полюбишь ли, девица, ныне меня,
Звезда ты моя, Ярославна?»

10

И в Киев он стольный въезжает, крестясь;
Там, гостя радушно встречая,
Выходит из терема ласковый князь,
А с ним и княжна молодая.

11

«Здорово, Гаральд! Расскажи, из какой
На Русь воротился ты дали?
Замешкался долго в земле ты чужой,
Давно мы тебя не видали!»

12

«Я, княже, уехал, любви не стяжав,
Уехал безвестный и бедный;
Но ныне к тебе, государь Ярослав,
Вернулся я в славе победной!

13

Я город Мессину в разор разорил,
Разграбил поморье Царьграда,
Ладьи жемчугом по края нагрузил,
А тканей — и мерить не надо!

14

Ко древним Афинам, как ворон, молва
Неслась пред ладьями моими,
На мраморной лапе пирейского льва
Мечом я насеk мое имя!

15

Прибрежья, где черный мой стяг прошумел,
Сицилия, Понт и Эллада
Вовек не забудут Гаральдовых дел,
Набегов Гаральда Гардрада!

16

Как вихорь обмел я окраины морей,
Нигде моей славе нет равной —
Согласна ли ныне назваться моей,
Звезда ты моя, Ярославна?»

17

В Норвегии праздник веселый идет:
Весною, при плеске народа,
В ту пору, как алый шиповник цветет,
Вернулся Гаральд из похода.

18

Цветами его корабли обвиты,
От сеч отдыхают варяги,
Червленые берег покрыли щиты
И с черными вранами¹ стяги.

19

В ладьях отовсюду к шатрам парчевым
Причалили вещи скальды
И славят на арфах, один за другим,
Возврат удалого Гаральда.

20

А сам он у моря, с веселым лицом,
В хламиде и в светлой короне,
Норвежским избранный от всех королем,
Сидит на возвышенном троне.

21

Отборных и гридней и отроков рой
Властителю служит уставно:
В царьградском наряде, в короне золотой
С ним рядом сидит Ярославна.

22

И, к ней обращаясь, Гаральд говорит,
С любовью в сияющем взоре:
«Все, что пред тобою цветет и блестит,
И берег, и синее море,

23

Цветами убранные те корабли,
И грозные замков твердыни,
И людные веси норвежской земли,
И все, чем владею я ныне,

24

И слава, добытая в долгой борьбе,
И самый венец мой державный,
И все, чем я бранной обязан судьбе, —

¹ Враны — вороны.

Все то я добыл лишь на вено¹ тебе,
Звезда ты моя, Ярославна!»

[21, 164—167]

Январь-февраль 1869

К. Н. Батюшков

Песнь Гаральда Смелого

Мы, други, летали по бурным морям.
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко:
И море, и суша покорствуют нам!
О, други! как сердце у смелых кипело.
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы, неслия станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает.

О, друга! я младость не праздно провел!
С сынами Дронштейма вы помните сечу?
Как вихорь, пред вами и мчался навстречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы под ливнем, упали
И всадник, и пеший... владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом:
С Гаральдом, о, други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду:

¹ Вено — плата от жениха за невесту: выкуп.

Я хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.

Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по диким морям
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

[3, 48]

1816

А. К. Толстой

Гакон Слепой

1

«В деснице жива еще прежняя мочь,
И крепки по-прежнему плечи;
Но очи одела мне вечная ночь —
Кто хочет мне, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите ж скорей за поводья коня,
Помчите меня
В кипение сечи!»

2

И отроки с двух его взяли сторон,
И, полный безумного гнева,
Слепой между ними помчался Гакон
И врезался в сечу, и, ей опьянен,
Он рубит средь гула и рева
И валит ряды, как в лесу бурелом,
Крестит топором
И вправо и влево.

3

Но гуще и гуще все свалка кипит,
Враги не жалеют урона,
Отрезан Гакон и от русских отбит,
И, видя то, князь Ярослав говорит:
«Нужна свояку оборона!

Вишь, вражъя его как осыпала рать!
Пора выручать
Слепого Гакона!»

4

И с новой напер на врагов он толпой,
Просек через свалку дорогу,
Но вот на него налетает слепой,
Топор свой подъявши. «Да стой же ты, стой!
Никак, ошалел он, ей-богу!
Ведь был ты без нас бы иссечен и стерт,
Что ж рубишь ты, черт,
Свою же подмогу?»

5

Но тот расходился, не внемлет словам,
Удар за ударом он садит,
Молотит по русским щитам и броням,
Дробит и сечет шишаки пополам,
Никто с разъяренным не сладит.
Насилу опомнился старый боец,
Утих наконец
И бороду гладит.

6

Дружина вздохнула, врагов разогнав;
Побито, посечено вволю,
Лежат перемешаны прав и неправ,
И смотрит с печалию князь Ярослав
На злую товарищей долю;
И едет он шагом, сняв острый шелом,
С Гаконом вдвоем,
По бранному полю...

[21, 183-184]

Декабрь 1869 или январь 1870

В. Д. Иванов

Ярослав Мудрый

(Отрывки из романа «Русь Великая»)

<...> Ярослав насыпал валы, защищаясь с востока. Продолжая недавний труд отца и давних князей, он заботился о крепких стенах городов. Знал, что сами крепости не спасут, как не спасают они греков. Но крепостями он шел на восток, селил пленных на восточных дорогах. Осаживал на границе берендеев, торков, печенегов и про-

чих, названья которых переводились по смыслу: потерявшие дорогу, сбившиеся с пути. Никто не приходил с востока с единством обычая и речи, нашествие рассыпалось пестро-племенными осколками.

И будто бы делал, и будто бы трудился князь Ярослав, пока не понял — не трудился, не делал, а жил, как умел, старался — и только. <...>

<...> Больше он не ездил верхом, забылась охота. Жалели его. Он знал, но не искал сожалений, давно он вырос из тех, кого можно и нужно жалеть.

Помнил разговор двух стариков, услышанный в юности.

«О смерти-то думаешь?» — один спросил.

«Нет, — ответил другой. — А ты думаешь?»

«Думаю.»

«И что же?»

«Страшно.»

Много, ох много забылось, а такое запомнилось. Сам Ярослав часто смерти боялся. Сосчитай! Не сосчитать, памяти не хватает. <...>

Есть время сеять, есть время убирать жатву; есть время жить, есть время умирать. Так писал человек из-за великой любви к жизни, часто думавший о смерти, ибо был он от смерти далек, и боялся ее, и баюкал свой страх. Человек не семя, а жизнь не жатва, из дел человека получается иное, чем он замышлял, и пусть тебя осуждают, и пусть тебя украшают делами, совершившимися при тебе будто бы по твоей воле, что тебе!

Почти всю жизнь князь Ярослав хромал, не замечая хромоты. Ныне ему не хотелось ходить, мешала хромота — пусть мешает.

Надоело говорить, распоряжаться, все он делал через силу, и привык, и делал через силу, про себя усмехаясь: надолго ль тебе будет нужна привычка? Не боялся он умирать, и в этом была его радость, нет, какая же радость, проще и лучше — покой.

Ему говорил посол императора Германской империи:

— Твое величество совершило единственное в мире и неподражаемое дело. Все в Европе собирали законы былой Римской империи и клали их в основу своих законов. Ты собрал законы твоего народа, не внес и слова чужих законов, поэтому твои законы легче исполнять, чем наши.

Плохая жизнь, когда правда есть лучшая лесть. Германский посол заботился, чтобы Русь не усилила своими союзами чехов и ляхов, и льстил правдой русскому князю.

Стало быть, кто назвал поле — полем, реку — рекой, гору — горой, тот совершил великое дело? В русском законе — в Русской Правде собрана еще раз правда русских обычаев. И это неподражаемо? Германцы мастера на выдумки, Ярослав читал их законы: древ-

нее слито с новым, недавнее со старым сплетено. Но — прочно все, проткнута шильями, сшито, как дратвой.

Старый князь смотрел на германского епископа, посла императора. Хватит Ярославу и греческих епископов. Своих нужно ставить, только своих, спасибо послу. Завещал бы это старый князь, будь он еще далек от смерти. Но был близок и знал тщету завещаний.

«Все они почувствуют себя вольными, когда я умру совсем, — думал Ярослав, — такими же вольными, как дерево, которое считает, что само шелестит листьями, а не ветер».

Тогда-то он и полюбил поздней любовью своего брата Мстислава, который, будучи младшим, умер задолго до старшего, хоть и был богатырь. Было время, вскоре после смерти Мстислава, когда возник раздор с греками. Ярослав подумал: хорошо, что нет уже брата. Ярославов посадник, сидя в Тмуторокани, издали попугивал греков, но умеренно. Обмен и торговля не прерывались. Русь не страдала от разрыва с империей, таврийские греки от страха не смели наживаться против обычного. Мстислав же, думал тогда Ярослав, взял бы себе всю Таврию, а она не нужна. Жаль брата, пришел бы он в Киев, принял великое княжение. Ныне же — кому отдать?

Хотел бы — никому. Нельзя так. Может быть, Всеволоду? Не будут его слушаться. Заранее князь Ярослав рассадил сыновей по старшинству, переделывать не будет. Иначе начнут ссориться, будут толкаться своими дружинами. Надоедят людям, люди их прогонят, земли останутся разделенными, начнут собираться, пока не установят старый порядок: старший наследует старшему, по обычаю, свобода бывает только в обычае, а без свободы нет и жизни, погибнет Русь, изотрут ее, ибо она без свободы истлеет изнутри.

Ярослав не приказал старшему своему Изяславу быть после отца единым князем Руси, хотя мог при себе приказать, мог, собрав всех сыновей, обязать по смерти его взять Изяслава как отца и связать их клятвами. Знал он соблазны и не хотел обречь сыновей на клятвопреступление.

Заранее, еще не познав ощущения смерти, князь Ярослав утвердил Изяслава в Киеве, Святослава — в Чернигове, Всеволода — в Переяславле, Вячеслава — в Смоленске, Игоря — во Владимире-на-Волыни. Сделал так, чтобы все они закрывали Русь с востока и юга от Степи. Новгород будет за Киевом, Тмуторокань и земли к востоку от Днепра — за Черниговом, Ростовская земля, Белоозеро и Приволжье — за Переяславлем. Уходя, изменять не хотел.

Митрополит упрекал старого князя:

— Нет силы в разделении. Установи закон о наследии Руси по примеру других государств. Быть кесарем-царем старшему сыну, когда государь умирает, не оставив распоряжения. Либо другому сыну, избранному отцом по закону. Либо постороннего рода челове-

ку, коего государь укажет, усыновит, получа благословение Церкви. Не дели Русь. Не будет единогласия между твоими сыновьями, хотя и повелел им слушаться старшего и в очередь старшинства занимать киевский старший стол.

— Не будет, — согласился Ярослав. — Единогласие бывает лишь на кладбищах между могильными камнями: не спорят они. Сыновья же мои живы, но Русь я не делю. Как научить сыновей, чтобы Русь их держалась, не знаю. Не знаешь и ты.

Замолчал, вспоминая, сколько раз сидел в лодьях, которые гребцы из всей мочи гнали вверх по Днепру, Всегда спасался в добрый к нему Новгород. И дивился терпенью людей, что не бросают его, неудачливого. Будто любимая игрушка он. Не двумя тысячами гривен снятой подати купил же он их!..

Последние слова, видно, вслух произнес, так как митрополит переспросил:

— О чем ты? Не понял я.

— Да все о том, все о том, — ответил Ярослав. — Жесткие вы, духовные власти, на догме стоите. От жесткости до жестокости — звук один, буква малая. Писец, не углядев, лишнюю букву напишет либо упустит. А мысль, а смысл! Вам бы все законы писать, приказывать, требовать. Ваше ли дело? Ваше дело учить, объяснять, добром убеждать, не законом.

— Церковь велит учить, убеждать. Она же велит приказывать и наказывать.

— Какая Церковь? Христова?

— Да, Христова, — утвердил митрополит.

— Нет, — возразил Ярослав, — власть духовно-светская, в греческой империи слитная. Не Христова церковь столько гнала, истребляла. Из-за этого так долго русские от вашей Церкви отворачивались. Веру мы взяли через вас, а законов не взяли. Таинство благодати при посвящении в сан взяли мы, а обычаи греков не взяли.

Митрополит сокрушенно закивал головой в черной скуфье¹.

— Так и патриарх в Царьграде кивал, когда я, собравши епископов, просил избрать блюстителем русской митрополии достойного из них, они же избрали русского, Илариона. Русь есть часть православной Церкви. Законы на Руси русские, русскими будут. А ты поведуй, учи доброму в духе. Препятствуют тебе? Нет.

— Восточная империя была и будет во веки единственным и величайшим примером, кладезем мудрости всем государям. Как в лучшем, чему надлежит подражать, так и в плохом — во избежание, — отозвался митрополит. — Ты, кесарь-царь, по себе установи

¹ Скуфья — остроконечная бархатная черная или фиолетовая мягкая шапочка у православного духовенства.

единодержавие, на благо. Держа при себе советников, государь должен один управлять.

Вздыхнул князь Ярослав, пришла его очередь покивать головой. Вспомнилась драгоценная Псалтырь, богато расцвеченная живописцами, подарок базилевса Константина Мономаха. Базилевс Василий, прозванный Болгаробойцем, на рисунке стоял в доспехах, с острым копьём, опираясь на меч. Над кровожадным правителем изобразили Христа, по бокам — херувимов, а внизу — подданных: фигурки крохотные, ползут на четвереньках, как щенки. Кругом головы базилевса сияние, как на иконах. С благим намереньем творили живописцы, молитвенно трудились, а что изобразили? Кощунство над Христом, над святыми, над верой! Не видят греки, собой ослеплены. Еще в Ветхом завете было сказано, что бог не дал Давиду построить храм, ибо Давид много крови пролил. Не захотелось напомнить. Молодые больше уверены в себе, чем старики, ибо молодость, не имея опыта, решает от разума. «Но что разум без опыта?» — в мыслях сам с собой обсуждал Ярослав, и, сидя рядом со смертью, был еще жив, еще в памяти, и продолжал свою речь. То была исповедь, чего не понял жесткий митрополит, но князь не нуждался в сочувствии.

— Видал ли ты, отец, как золотильщик, построив легкие подмости, лазают по куполу, будто муха? — спросил Ярослав. — Что до золотильщика и храму, и куполу! Ничего он для них, они и без золота простоят. Не так ли и мы, князь? Лазаем поверху, видно нас, и кажется, что в нас все заключено. А купол дрогнет и золотильщика сбросит. Земля нас терпит по вековому обычаю, ибо привыкла иметь в князьях нужду. Не во мне суть, не в Ярославе. Но что я могу защитить и от кого, от чего. Меня ли Новгород не прощал, меня ли не защищал! Пришел Мстислав требовать доли в отцовском наследье. Собирался я против него — Новгород и не глядел на меня. Иди, пусть вам с братом будет божий суд. Я шел под Листвен с наемными варягами. Сколько-то было со мной русских, новгородских, из бобылей, охочих подрасться. Но из домовитых ни один не бросил семью, чтобы мне помогать. У Мстислава была дружина из нерусских, да русские такие же, как у меня, кто на драку бежит, едва позовут. Им и досталось, пока Мстислав не сбил своей дружиной моих варягов. Прибежал в Новгород, новгородцы меня утешили: не робей, поможем. Зимой я пересылался со Мстиславом, а летом новгородцы спустились со мной в Киев большим войском. Зачем? Чтобы мне стыдно не было. Они тоже пересылались со Мстиславом, а мне сказали: будем вас добром мирить. Добрый он был князь, и брат добрый. В ссоре я был повинен, не он.

— Ты прощаешь брата как христианин, — одобрил митрополит и предложил: — Написал бы ты через писцов наставление сыно-

вьям, как мне рассказывал о себе. Они бы вынесли себе поучение, как править.

— Знают они, что добро, что зло, — тихо начал Ярослав, — различают черное от белого, от красного. — и не закончил. Губы шевельнулись, желанья не стало. Не нужно. Митрополит упрямым. Не понимает, что другие упрямы не менее. Каждый держится за привычное. Пока время не переменит людей, положение их, достатки и все, от чего у человека мысли, желанья.

Дешевый спор — о словах. Духовные больше других грешат словесными спорами из книг, такое их дело. Плотник рубит топором, книжник языком пилит душу. Читал Ярослав духовные и светские книги. Чтение дает знания, но ума никому не прибавит, коль его мало. Вот ученый человек митрополит, а пустяка не поймет: за то Ярослав брата Мстислава при жизни его не любил, что был перед ним виноват. В сторону говорит духовный отец, на ветер.

Слова и дела, дела и слова. Уже не различал князь Ярослав разницы между ними, ибо мысли его чудесно воплощались в видения дела. Он уже встал на порог. Ноги как ледяные. Или кажется? Не хочется пошевелиться, чтоб посмотреть рукой, язык не хочет сказать. Взять легко, любить трудно — терпения много нужно для любви. Не стало у старого князя больше любви ни к чему, остыл он совсем, остались бесполезные знания себя и людей. Хорошо и легко, и пора, пора.

И, глазами позвав митрополита, шепнул коснеющим языком:

— Ухожу. Читай отходную...

Книжник заранее знает, что кому делать, зачем делать. Потом обвинит — не так делали, будто бы можно сделать жизнь из заранее сказанных слов?

Духовные указывали и осуждали. Но не было образца, на который указывали, не было единой, благодетельной, самодержавной Империи. Не бывало и людей, кто поступал бы по-писаному, даже когда сам творил писания к общему примеру. Из действительно сущего — из Империи, из людей — с помощью слов творили истинных ангелов: голова, крылья, руки, грудь, а прочего нет, прочее отсекается, как ненужное.

На них указывали, во имя их осуждали. Русь же, молясь поновому, жила старым обычаем. Думала, что живет, и жила свободно, платя цену, называемую уособицами, беспорядком. В свободе трудно держаться порядка.

Как только не определяли человека в отличие от других живых существ! И двуногое без перьев, и общественное животное, и разумнейшее во всем мире существо среди других. Кем бы ни назвать человека, есть у него одно поистине дивное чувство: уметь видеть то, чего нет, и не видеть того, что есть.

Расписывая стеной живописью киевский храм Софии Премудрости, живописец Алимпий, известный мастер, разговаривал с Никифором, начинающим мастером, недавним своим учеником.

— Ты, Никифор, тайну ищешь в живописи, — говорил Алимпий. — Подумай: собака, лошадь, кошка, как ни умны, но не видят ни нарисованного, ни изваянного. Глаз же у них куда зорче, острее людского. А человек видит. У человека глаз добавляет свое к нарисованному. Вот тебе и вся тайна. Мы ко всему прибавляем свое и говорим: знаем истину. Однако же каждый знает истину, но — свою.

— Не богохульство ли? — робко спросил Никифор. — Этак можно дойти до отрицания веры.

— Да я не о вере, о людях, — засмеялся Алимпий. — Лики Хряста, богоматери, святых пишут на иконах по-разному. Ты против этого не можешь спорить. Найди, вырази по-своему образ — вот и открыл тайну. Поверят тебе, в нарисованное тобой, люди — ты мастер.

— Я бога силюсь видеть в духе, — сказал Никифор.

— Зри в духе, но пиши в красках земных, коль живописец. А еще ты должен всегда знать, где добро, где зло, иначе не будет в руке силы, — посвящал в тайну Алимпий младшего товарища.

— Зачем это, не пойму? Все знают, где добро.

— Нет, — возразил Алимпий. — И вот тебе пример: для князя добро, когда казну набил, а для людей добро, когда у них деньги, и нет им печали, что княжья казна пуста.

— Князю лучше судить.

— А другой говорит — мне лучше. Я, мол, хлеб рашу, ремесло у меня, деньги мои.

— Отдают же.

— Нельзя иначе, — сказал Алимпий. — А не захотят, не отдадут. Так где тут добро, а где зло?

— Как же мне быть-то? — потерялся Никифор.

— Живи в чистоте, — приказал Алимпий. — Взирая же на иконы древнего письма, молись, прося бога о помощи. И проникай в образ. Христос, бог наш, описан плотию, а божественностью не описан. И я, человек во плоти, молясь на иконы, не краскам молюсь, но сквозь целостность образа возношу свой дух ввысь. Здесь тайна. Посему не утруждай ум словами, но душу свою зажигай. Истинно тебе говорю: мысли, работая, что телесность есть лишь предлог.

По отцу и сыну честь. Никто не дивился на Русь, которую Ярослав будто бы раздал своим сыновьям. Не было раздачи. Все осталось на своем месте, ни одно вече не собралось, дабы обсудить разделенье открывшегося наследства, — не было наследства. Не шевельнулись беспокойные новгородцы. Еще более беспокойные, но менее дружные киевляне не увидели повода для шума и жалоб. На княжьем дворе старший сын заменил отца. Обычай был за него, как привык-

ли от времени, когда род — большая семья — был и владельцем угодий, и собственным своим судьей.

Каждый мог по-прежнему заниматься своим делом так, как знал, умел и хотел. Митрополит — грек, с греческой мечтой о возможности на Руси единовластия, будто бы такое единовластие существовало в империи, — не обратился с речью о своей мечте ни к кому, разве что к какому-либо соотечественнику.

Добровольные вестовщики-глашатаи не судили о распоряжениях Ярослава, духовные отцы в храмовых проповедях не вмешивались в светские дела. Ярославова дружина поделилась своей волей между сыновьями, по старине дружинник сам себе голова.

Ярослав умер. События же не было: прах вернулся к праху. <...>

[9, 46—53]

Комментарии

Княжение Ярослава Мудрого. Развитие культуры. Ярослав был большим любителем книг и учености (не случайно в исторической литературе за ним закрепилось прозвище Мудрый).

По приказу князя в Киеве создали мастерскую, в которой монахи переписывали старинные пергаменты, переводили греческие, а возможно и «*римские*» (так на Руси называли западноевропейские, написанные на латыни) книги. Регулярно начали записывать происходившие на Руси события, разобрались с отрывочными хрониками времен Владимира. Все это потом легло в основу не дошедшей до нас в оригинальном виде летописи начала XII в. — «Повести временных лет».

Располагалась книжная мастерская в Софийском соборе, который построили около 1037 года по приказу Ярослава (в честь разгрома в 1036 г. печенегов). Киевская София, возведенная из розового кирпича — *плинфы* греческими мастерами и их древнерусскими учениками, могла соперничать строгой красотой и величию со знаменитой Софией Константинопольской.

В Киеве было трое ворот. При Ярославе одни из них украсили церковью с золотым куполом и назвали Золотыми. От Золотых ворот вокруг разросшегося в XI в. Киева шли новые дубовые стены и ров.

Возводили укрепления и храмы и в других городах. Как и София Киевская, до сих пор стоят черниговский Спасский собор и храм св. Софии в Новгороде. На далекой Волге срубили новый град — Ярославль. А в земле чуди появился Юрьев, названный в честь великого князя киевского (Ярослав был в крещении Георгием — Юрием).

Церковь. На Руси со времени крещения гостеприимно принимали церковных иерархов — византийцев и болгар, которых присылал константинопольский патриарх. Поначалу только эти образованные иноземцы занимали епископские и митрополичью кафедры. Потом появились епископы из русских. А в 1051 году собор русских епископов по приказу князя и без согласия патриарха выбрал митрополитом священника княжеской церкви Илариона, русского по происхождению. Многие ученые видят в этом антивизантийский жест. И не без оснований: через главу Русской церкви — митрополита, который был подчинен патриарху, империя пыталась навязывать Руси свою политику.

[23, 37—39]

А. Н. Сахаров

Владимир Мономах

(Отрывки из романа)

<...> Он опять отрешился от повседневных, суетных дел, как когда-то умел это делать отец, как еще прежде умел делать очень часто и он сам, с каждым годом терявший эту способность. И вот теперь смерть Изяслава вновь заставила его взглянуть на себя, на свою жизнь, на жизнь окружающих его людей с высоты мироздания, с высоты жизни всей Русской земли и с высоты только что постигнувшей его потери. Он понимал, что нет никакого земного оправдания этой бессмысленной смерти, что есть в жизни лишь одно дело, за которое можно было бы расстаться с ней, положить свою голову и головы своих детей. Для воина, для мужчины существует лишь одна жертва, ради которой он может и должен пойти на смерть, — это Родина, это своя земля, это живущие на ней люди, это весь окружающий мир, уходящий корнями в седую старину и протягивающий руки в далекое будущее. Богатство, власть, сила, доходы, золото, ткани, дворцы... Обволакивающий дурман, отвлекающий людей от вечней сути бытия, от забот о духовном своем совершенствовании, опасные игрища, подобные скоморошьим, — и кто-то неведомый смеется над глупыми, недалекими людьми, теряющими в этих игрищах свои жизни, ожесточающими свои души. Сколько раз он задумывался над этим, пытался стряхнуть с себя этот дурман, и столько же раз неумолимая жизнь вновь возвращала его в это жестокое лоно, и он тщился взять верх над своими ближними, удержать и приумножить свою власть, силу, богатство и мощь идущих с ним людей. И все чаще и чаще он задумывался над главным в этой жизни, над своим истинным предназначением князя, воина. И все основательнее приходил он к мысли, что, лишь уняв

княжескую вольницу, можно остановить натиск на Русь степняков, обезопасить землю от их набегов. Бедная Гита! Для нее эти колебания были неведомы. Она так и уйдет в иной мир, полная ярости, ненависти, полная ничего не стоящей суеты, которая и заставлял людей, забыв все на свете, бессмысленно крутиться от рождения до смерти, как крутится в колесе белка, с которой любит играть маленький Юрий.

За окном гудел ветер, предвещая наступление мрачных осенних дней. Тих и безлюден был скорбящий об Изяславе переяславский дворец. Снаружи доносились заунывные звуки колокола церкви святого Михаила.

Владимир взял тонко отточенное гусиное перо, пододвинул к себе глиняный сосуд, наполненный красилами, положил перед собой чистый пергаментный лист и написал: «Олег, брат мой.»

Он снова задумался, перед ним в какие-то мгновения прошли долгие годы. Вот они отроками скачут наперегонки под Киевом в июньском лесу, а кругом солнце, зелень, теплынь; вот они на хорах церкви Софии, смотрят друг на друга, перемигиваются, вот Олег стоит над купелью — крестит его первенца.

«О я, многострадальный и печальный! Много борешься, Душа, с сердцем и одолевашь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьей, не покаяться и не примирившись между собою. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя. Прислал он ко мне мужа своего и грамоту, со словами: «Договоримся и помиримся, а братцу моему божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на бога, когда предстанут они перед богом; а Русскую землю не погубим.»

Он еще раз прочитал эти последние написанные слова. Ради единства Руси, ради великой цели переступал он сейчас через смерть любимого сына и протягивал руку врагу. Он вздохнул еще раз и снова взялся за перо.

«Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоего письма. Этими ведь словами предупреждал я тебя, объяснил, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от бога отпущения прошлых своих грехов. А мы что такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в слове и в чести, а завтра в гробу и забыты. Другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростов бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы так все и ула-

дили. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Разве удивительно, что муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать худого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла». Он был убежден, что здесь не обошлось без горячей, запальчивой подсказки боярина Ставки Гордятича. И подумалось ему еще, что немало, видно, несчастий принесет ему гордый боярин, что надо бы отослать его под приговор Мстислава в Новгород, отодвинуть его подальше от княжеских междоусобиц.

«И если начнешь каяться богу, — писал он далее, — и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: не враг я тебе, не мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за поганых, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, ибо я человек. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды я это, ни от беды какой-нибудь посланной богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего».

Долго еще сидел Мономах в раздумье, прислушиваясь к свисту ветра и смотря на трепетное пламя свечей. <...>

<...> Уже десять лет сидел Владимир Мономах на великокняжеском киевском столе, и к концу этого срока он наконец добился того, что вся Русь от Червеня до вятичских лесов, от северных новгородских пятин до края половецкого поля была безоговорочно послушна Киеву. Впервые за долгие века своей истории Русь имела единую военную силу, которая приходила в движение по мановению руки великого киевского князя: поднимались в походы князя черниговский, новгород-северский, переяславский, смоленский, ростово-суздальский, владимировольнский, теребовльский и перемышльский и другие, помельче. И лишь Мономах знал, кому, куда и в какую очередь идти в поход и кто из князей был нужнее в полевецком приграничье, а кто на юго-западных и западных рубежах. В короткий срок мог он собрать и огромную общерусскую рать. И рать эта была уже иной, чем во времена его отца и деда. Теперь

основную часть войска составляли пешцы¹, простые вои-смерды и ремесленники, которые не раз уже доказали свою непреодолимую мощь в сечах с половцами. И трепетали враги Руси. Болеслав Польский и Стефан Венгерский не осмелились более вступить в борьбу с ней после гибели Ярослава Святополчича и были замиренены Андреем; на севере и северо-западе признали силу Новгорода чудь, карела и емь.

Натиск болгар был остановлен волжским походом Юрия Владимировича.

Византия торжественно встречала внуку Мономаха, жену Андроника Комнина, брата императора Иоанна.

Все дальше на юг от русских границ откатывались донские половцы, искали дружеских связей с Мономахом половцы приднепровские. Обловленные стояли по приднепровским речкам старые крепости, продолжалось строительство новых крепостей по Удою и Остру: русский натиск в глубь половецкой степи опирался на мощную линию укреплений, а от стен крепостей, вслед за русскими ратями все смелее и смелее шли в половецкое поле земледельцы, распахивали вековечную степь, ставили там свои погосты, а за ним тянулись ремесленники, всякий иной люд, и оживало дикое поле.

Владимир Мономах вбирал в себя, в свою память, в свои заботы всю эту огромную, такую стройную и такую зыбкую, постоянно меняющуюся и волнующую русскую жизнь. И она двигалась вместе с ним и под его началом, как огромная ладья посреди то спокойного, ласкового, мирного, то взволнованного, вздыбленного моря. Со временем менялся состав гребцов и кормчих. И снова продолжалась бесконечная борьба с людьми, которой он отдал всю жизнь при своем незлобивом сердце и созерцательной душе. Их нужно было мирить, сокрушать и снова мирить, уступать, отходить в сторону, ради покоя на земле, ради собственного покоя и снова входить в гущу смут и междоусобиц, когда уже не было другого выхода. Эта борьба затягивала его и иссушала, и не было сил вырваться из ее сетей, потому что только благодаря ей и благодаря свершившимся победам он достигал великих своих целей. И рядом с ним шли жена, дети, друзья.

И вот уже многих нет на этом свете. Давно ушла Гита, нет и второй жены, боярышни, и как зрелые плоды в непогодь валяются с дерева, так падали рядом с ним его сыновья, полные жизни, сил, надежд, — Изяслав, Святослав, Роман, сгоревшие в огне междоусобиц, тайных заговоров, черной ворожбы.

Ушел и Никифор, умер и Даниил, ушел в мир иной в 1123 году последний из старших Святославичей — Давыд, и в один год с ним

¹ Пешцы — пехота, пешее войско.

избыл земную жизнь Сильвестр, епископ переяславский. А на следующих! год один за другим покинули эту землю Володарь и Василько, Ростиславичи до конца своих дней, неукротимые душой, воевавшие с ляхами. Сходили на нет его боевые соратники Ратибор, Дмитрий Иворович, Прокопий.

Уходили люди, и он сам уже присел на край погребальных саркофагов — в начале 1125 года ему исполнилось семьдесят два года, а жизнь продолжалась и требовала все новых сил, новых решений. То, что он увидел, вернее — почувствовал в Суздальской земле, теперь пробивало себе дорогу и в других русских землях — и уже Новгород, Владимир-Волынский, Галич, Чернигов, Новгород-Северский, Полоцк, Милек, другие города наполнялись тем же духом уверенности, новой хозяйственной и военной стати и вставали вровень с Киевом. Повсюду там сидели сыновья и сыновцы Мономаха — сегодня истовые, послушные, по одному его зову берущиеся за меч, но кто скажет — как поведут они себя завтра, когда киевским князем станет Мстислав и что-то будет с великой державой после Мстислава. Он видел перед собой и всегда ровного, веселого и спокойного Ярополка, и мрачного, и гневливого, скрытного Юрия, и хорошего воина, но никудышного правителя Вячеслава, и упорного, смелого Андрея, и слабого духом внука Всеволода Мстиславича. А рядом с ними вставали деятельный Всеволод Ольгович, его братья, сыновья. Удастся ли Мстиславу и Мономаховым внукам удержать в узде эту буйную свору Ольговичей.

Ему хотелось заглянуть вперед на десять, двадцать, пятьдесят лет, и он сознавал тщету своих усилий, смутно понимая непостижимость этой постоянно движущейся жизни.

Он долгими часами, уже слабея, беседовал со старшим сыном о будущих судьбах Русской земли, учил его главному — сохранению ее единства, великой доблести, неустанному вниманию к проiscaм ее врагов и основного из них в эти и предыдущие годы — половцев. Сегодня они отбиты и бегут за Железные ворота, укрываются в Венгрии, но завтра на их место придут новые колена, и вновь половецкие вежи¹ зачернеют шатрами и повозками вблизи русских границ, и новое горе обрушится на русские города и села.

Умирать он уехал на реку Альту, в небольшой дом, построенный для него поблизости от храма Бориса и Глеба.

Была ранняя весна 1125 года. Занемогшего великого князя осторожно везли в возке по подсыхающей апрельской дороге. Ярко светило солнце, над землей летел разноголосый весенний гуд.

Здесь неподалеку находился родной Переяславль, стояли Змиевы валы — знаки былых сеч и былой славянской славы, места его детских и отроческих утех, здесь неподалеку начиналось когда-то ди-

¹ Вежа — шатер, палатка, кибитка; башня.

кое поле, по которому он проходил за свою жизнь десятки, а может быть, и сотни раз: здесь на Альте его предки рубились с печенегамы, а сам он бился с половцами, а теперь здесь же стоит выстроенный им храм, который не видел ни одного степного нашествия.

Он сам вышел из возка и прошествовал в церковь.

После молитвы Мономах уже под руки отвели в хоромы, и он оставался там в одиночество до вечера. Лежал, думал, вспоминал, все ли он успел сказать старшему сыну. Других сыновей Мономах в эти дни к себе не звал. Еще в 1121 году он все им сказал в Смоленске, и установил для них порядок владения Русской землей, определив каждому свой стол, обязав всех в случае его смерти подчиниться старшему брату и чтить его в отца место.

19 мая 1125 года над Альтой раздался скорбный звук колокола, возвестивший о смерти великого киевского князя Владимира Мономаха, а уже к вечеру его сыновья и внуки стали один за другим прибывать на Альту.

Тело Мономаха доставили на ладье в Киев, а на почайновском причале переложили на сани. Печальное шествие направилось к храму святой Софии, в приделе¹, которой рядом с ракой² великого князя Всеволода белела дорогим греческим мрамором рака Владимира Мономаха. И в молчании стояли около раки и далее по всему храму и на софийской площади вдоль улиц русские люди, смутившись духом в преддверии новой неведомой жизни, ожидаемой с уходом великого воителя за Русскую землю.

[17, 226—228, 347—350]

Комментарии

При Владимире Мономахе установилась на Руси долгожданная тишина. В 1103 и 1111 годах русские князья во главе с Владимиром Мономахом совершили два успешных похода на половцев. Кочевники долго не могли оправиться и не тревожили Русь. Мономах они боялись как огня. Его именем половчанки пугали детей, совсем как русские женщины — именем половецкого хана Тугоркана (Тугарин Змеевич из русских былин). Пленных половцев Мономах не продавал в рабство, а селил в старых и вновь построенных городах оборонительной черты по реке Суле.

Как и дед, Владимир заботился о строительстве укреплений в городах, возведении храмов, распространении учености. Киевская летопись, начатая, очевидно, при Святополке, подверглась редакции по приказу Мономаха. Ее дополнили сведениями новгородских

¹ Придел — добавочный, боковой алтарь в церкви.

² Рака — гробница; ковчег с мощами святого.

хроник, прославляющими дела Владимира и его отца. И «Повесть временных лет» стала такой, какой мы знаем ее сейчас.

После смерти Мономаха в 1125 году его политику успешно продолжал старший сын — Мстислав Великий — князь киевский в 1125—1132 годах. Но времена единой Киевской Руси уже прошли. В 1132 году она распалась на тринадцать самостоятельных земель.

[23, 44]

Литература

1. *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. — Москва : Худож. лит., 1990.
2. *Бальмонт К. Д.* Избранное. — Москва : Сов. Россия, 1989.
3. *Батюшков К. Н.* Избранное. — Москва : Просвещение, 1979.
4. *Брюсов В. Я.* Русская поэзия начала 20 в. — Москва : Сов. Россия, 1988.
5. *Бунин И. А.* Собрание сочинений. В 4 томах. Т. 1. — Стихотворения. — Москва : Худож. лит., 1987.
6. *Волошин М. А.* Избранные стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Лаврова. — Москва : Сов. Россия, 1988.
7. *Данилов А. А., Данилов Д. Д., Клоков В. А., Тырин С. В.* Российская история с древнейших времен до начала XVI века: Учебник для 6 класса основной школы. — Москва : Изд. дом «С-инфо»; Изд-во «Баласс», 1999.
8. *Епифанов П. П.* Хрестоматия по истории СССР (с древнейших времен до 1861 г.): Пособие для учителей / Сост. П. П. Епифанов. — Москва : Просвещение, 1980.
9. *Иванов В. Д.* Русь Великая: Роман-хроника / Худож. А. В. Денисов. — Москва : Сов. Россия, 1981.
10. Как была крещена Русь. — 2-е изд. — Москва : Политиздат.
11. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. В 9 томах. Т. 1. — Москва : Мысль, 1988.
12. *Кулаков А. Е.* Религии мира. — Москва : АСТ, 1996.
13. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений. В 6 томах. Т. 2. — Москва : Наука, 1480.
14. Певец во стане русских воинов: Стихи о ратном подвиге. — 2-е изд. / Сост., вступ. ст. Ю. Селезнева; Гравюры А. Зайцева. — Москва : Мол. гвардия, 1989.
15. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 10 томах. Т. 2. — Москва : Наука, 1977.
16. Русская история в картинах (из изданий С. В. Рождественского и И. Д. Сытина) / Сост. и авт. текста В. И. Шевченко. — РИО. Мос. тип. № 2, 1996.
17. *Сахаров А. Н.* Владимир Мономах: Роман. — Красноярск: Кн. изд-во, 1991. — (о доблестях, о подвигах, о славе).
18. *Скляренко С. Д.* Святослав: Роман. В 2 книгах : Пер. с укр. А. Дейча и И. Добры / Ил. П. Иващенко. — Москва : Правда, 1991.
19. *Скляренко С. Д.* Владимир: Роман. Авториз. пер. с укр. / Послел. М. Рыльского. — Москва : Худож. лит., 1982.

20. *Старостин В. А.* Русь богатырская. Былинные сказания. — Изд. доп. и перераб. — Москва : Мол. гвардия, 1979.

21. *Толстой А. К.* Собрание сочинений. В 4 томах. Т. 1. — Москва : Правда, 1980.

22. *Толстой А. Н.* Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 8. — Москва : Худож. лит., 1985.

23. *Черникова Т. В.* История России. IX—XVII вв. : Учеб. для 6—7 кл. общеобразоват. учеб. заведений / Под ред. А. Н. Сахарова. — 2-е изд. — Москва : «Дрофа», 1998.

Раздробленность русских земель

Комментарии

Как и в других странах, государственная раздробленность русских земель была неизбежным этапом их развития.

После смерти Мстислава Великого русские земли во главе со своими князьями и боярами стали отказываться от подчинения Киеву. Черниговские Ольговичи начали войну с Мономаховичами за киевский престол. Новгородцы отказались выплачивать дань Киеву и изгнали из города старшего сына киевского князя. Так к концу 30-х годов XII в. Древнерусское государство распалось на 15 территорий (14 княжеств и Новгородскую землю).

Страницы летописи под 1136 годом сохранили горестное восклицание летописца: «Распалася Русская земля!»

[2, 92]

М. А. Волошин

Дикое поле

1

Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны.
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Темная Киммерийская степь.

Вся могильниками покрыта —
Без имян, без конца, без числа.
Вся копытом да копыями взрыта,
Костью сеяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла.

Только ветер закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет — развалист и хляб
По оврагам, увалам, излогам,

По немеряным скифским дорогам
Меж курганов да каменных баб.
Вихрит вихрями ключья бурьяна,
И гудит, и звенит, и поет.
Эти поприща — дно океана,
От великих обсякшее вод.

Распалая их полуденный огонь,
Индевела заречная синь.
Да ползла желтолицая погань
Азиатских бездонных пустынь.
За хазарами шли печенеги,
Ржали кони, пестрели шатры,
Пред рассветом скрипели телеги,
По ночам разгорались костры,
Раздувались обозами тропы
Перегруженных степей,
На зубчатые стены Европы
Низвергались внезапно потопа
Колченогих, раскосых людей,
И орлы на Равеннских воротах
Исчезали в водоворотках
Всадников и лошадей.

Много было их — люты, хоробры,
Но исчезли, «изникли, как обры»,
В темной распре улусов и ханств,
И смерчи, что росли и сшибались,
Разошлись, растеклись, растерялись
Средь степных безысходных пространств.

2

Долго Русь раздирали по ключьям
И усобицы, и татарва.
Но в лесах по речным узорочьям
Завязалась узлом Москва.
Кремль, овейный сказочной славой,
Встал в парче облачений и риз,
Белокаменный и златоглавый
Над скудою закуренных изб.
Отразился в лазоревой ленте,
Развитой по лугам-муравам,
Аристотелем Фиоравенти
На Москва-реке строенный храм.
И московские Иоанны
На татарские веси и страны
Наложили тяжелую пядь
И пятой наступили на степи.
От кремлевских тугих благолепий

Стало трудно в Москве дышать.
Гольтыбгу с тесноты да с неволи
Потянуло на Дикое Поле
Под высокий степной небосклон:
С топором, да с косой, да с оралом
Уходили на север — к Уралам,
Убегали на Волгу, за Дон.
Их разлет был широк и несвязен:
Жгли, рубили, взымали ясак¹.
Правил парус на Персию Разин,
И Сибирь покорял Ермак.
С Беломорья до Приазовья
Подымались на клич удальцов
Воровские круги понизовья
Да концы вечевых городов.
Лишь Никола-Угодник, Егорий —
Волчий пастырь — строитель земли —
Знают были пустынь и поморий,
Где казацкие кости легли.

3

Русь! встречай роковые години:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя уобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печерских церквей.

Все, что было, повторится ныне.
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне —
В небе — Бог, на земле — богатырь.
Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь.
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь.

[1, 223—227]

Коктебель, 20 июня 1920 г.

А. К. Толстой

Роман Галицкий

К Роману Мстиславичу в Галич послем
Прислал папа римский легата².

¹ Ясак — подать пушниной.

² Легат — в древнем Риме наместник императора в провинции; в католической церкви — представитель римского папы.

И вот над Днестром, среди светлых хором,
В венце из царьградского злата,
Князь слушает, сидя, посольскую речь,
Глаза опустив, опершись на меч.
И молвит легат: «Далеко ты,
О княже, прославлен за доблесть свою!
Ты в русском краю
Как солнце на всех изливаешь щедроты,
Врагам ты в бою
Являешься божиим громом;
Могучей рукой ты Царьград поддержал,
В земле половецкой не раз испивал
От синего Дона шеломом.
Ты храбр, аки тур, и сердит, аки рысь, —
Но ждет тебя большая слава,
Лишь римскому папе душой покорись,
Святое признай его право:
Он может по воле решить и вязать,
На дом он на твой призовет благодать,
На недругов — божье проклятье.
Прими ж от него королевскую власть,
К стопам его пасть
Спеши — и тебе он отверзет объятия
И, сыном коль будешь его нареком,
Тебя опояшет духовным мечом!»

Замолк. И, лукавую выслушав речь,
Роман на свой меч
Взглянул — и его вполонину
Он выдвинул вон из нарядных ножен:
«Скажи своему господину:
Когда так духовным мечом он силен,
То он и хвалить его волен,
Но пусть он владеет по-прежнему им,
А я вот и этим, железным своим,
Доволен.
А впрочем, за ласку к Червонной Руси
Поклон ему наш отнеси!»

[4, 184—186]

Начало 1870 г.

Комментарии

Галицко-волынское княжество. Княжение Романа Мстиславича (1199—1205). Роман Мстиславич, читаем у известного историка В. Н. Татищева, « всю жизнь свою в войнах препровождал, многи победы получил », а побежден был лишь однажды.

При Романе Галицко-Волынская Русь превратилась в сильное княжество, соперничавшее с Киевом. В 1202 году Роман успешно воевал с киевским князем Рюриком Ростиславичем, на дочери которого был женат, и посадил на киевский стол своего двоюродного брата. Но уже на следующий год Рюрик с Ольговичами и «всею половецкой землей» штурмом взял Киев и отдал его на разграбление. Половцы сожгли посад, ограбили Софийский собор и Десятинную церковь, в монастырях содрали все драгоценные оклады с икон, изрубили монахов, а молодых киевлянок увели в степь.

Рюрик в сожженном городе не остался и ушел в Овруч, где его вновь осадил Роман. Правда, на этот раз князья помирились и даже вместе отправились в поход на половцев. Но, вернувшись, начали опять спорить о распределении уделов. Роман, рассердившись, велел схватить Рюрика и постричь его в монахи вместе с женой и дочерью.

В 1205 году Роман поссорился со своим давним союзником польским королем Лешеком. Началась война. Но ни одна сторона не могла одержать верх, и было решено начать переговоры. Воспользовавшись передышкой, Роман отправился поохотиться. Но поляки его подстерегли и убили.

Роман, несомненно, был яркой личностью. Это был последний князь, которого народная память запечатлела в былинах.

[5, 102—103]

А. К. Толстой

Князь Ростислав

(Отрывок)

*Уношу князю Ростиславу затвори
Днепр темне березе.*

Слово о полку Игореве

Князь Ростислав в земле чужой
Лежит на дне речном,
Лежит в кольчуге боевой,
С изломанным мечом.

Днепра подводные красы
Лобзаться любят с ним
И гребнем витязя власы
Расчесывать златым.

Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждет...
Ладья его умчала прочь —
Назад не принесет!

В глухом лесу, в земле чужой,
В реке его приют;
Ему попы за упокой
Молитвы не поют;

Но с ним подводные красы,
С ним дев веселых рой,
И чешет витязя власы
Их гребень золотой.

Когда же на берег Посвист
Седые волны мчит,
В лесу кружится желтый лист,
Ярься, Перун гремит,

Тогда, от сна на дне речном
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругом
Взирает бедный князь.

Жену младую он зовет —
Увы! его жена,
Прождав напрасно целый год,
С другим обручена.

Зовет к себе и брата он,
Его обнять бы рад —
Но, сонмом гридней окружен,
Пирует дома брат.

Зовет он киевских попов,
Велит себя отпеть —
Но до отчизны слабый зов
Не может долететь.

[4, 136—138]

1840

М. А. Волошин

Владимирская Богоматерь

Не на троне — на Ее руке,
Левой ручкой обнимая шею, —
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Не мею —
Нет ни сил, ни слов на языке...
А Она в тревоге и в печали

Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где закат пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг
Как живой меняет выраженье.
Кто разверз озера этих глаз?
Не святой Лука-иконописец,
Как поведал древний летописец,
Не Печерский темный богомаз:
В раскаленных горнах Византии,
В злые дни гонения икон
Лик Ее из огненной стихии
Был в земные краски воплощен.
Но из всех высоких откровений,
Явленных искусством, — он один
Уцелел в костре самосожжений
Посреди обломков и руин.
От мозаик, золота, надгробий,
От всего, чем тот кичился век, —
Ты ушла по водам синих рек
В Киев княжеских междоусобий.
И с тех пор в часы народных бед
Образ Твой, над Русью вознесенный,
В тьме веков указывал нам след
И в темнице — выход потаенный.
Ты напутствовала пред концом
Ратников в сверканьи литургии...
Страшная история России
Вся прошла перед Твоим лицом.
Не погром ли ведая Батыев —
Степь в огне и разоренье сел —
Ты, покинув обреченный Киев,
Унесла великокняжий стол?
И ушла с Андреем в Боголюбов,
В прель и в глушь Владимирских лесов,
В тесный мир сухих сосновых срубов,
Под намет шатровых куполов.
А когда Хромец Железный предал
Окский край мечу и разорил,
Кто в Москву ему прохода не дал
И на Русь дороги заступил?
От лесов, пустынь и побережий
Все к тебе за Русь молиться шли:
Стража богатырских порубежий.
Цепкие сбиратели земли.
Здесь, в Успенском — в сердце стен Кремлевых,

Умилась на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялось светлою слезой!
Простирались старцы и черницы,
Дымные сияли алтари,
Ниц лежали кроткие царицы,
Преклонялись хмурые цари.
Черной смертью и кровавой битвой
Девичья святилась пелена,
Что осьмивековой молитвой
Всей Руси в веках озарена.
Но слепой народ в годину гнева
Отдал сам ключи своих твердынь,
И ушла Предстательница-Дева
Из своих поруганных святынь.
А когда кумашные помосты
Подняли перед церквами крик —
Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный свой Лик:
Светлый Лик Премудрости-Софии,
Заскорузлый в скаредной Москве,
А в грядущем — Лик самой России —
Вопреки наветам и молве.
Не дрожит от бронзового гуда
Древний Кремль и не цветут цветы:
В мире нет слепительнее чуда
Откровенья вечной Красоты!

[1, 329—331]

25 марта 1929 г.
Коктебель

И. В. Долгополов

Андрей Рублев

(Отрывок)

Андроний — Андроников монастырь.

Темны, узки твои кельи.

Андрей Рублев вышел на широкую площадь у монастыря. Глаза слепило от сияния свежего снега, голубых теней крутых сугробов.

Справа черной змейкой струилась дымная Яуза. Резкий уклон повел инока вдоль берега реки к Москве.

Вдали виднелись купола кремлевских храмов.

Какой-то мальчонка чуть не сбил Рублева, подъехав под ноги на салазках-самоделках. Приподнялся, белозубый, румяный, и поглядел в лицо инока — прямо, озорно.

Светлые глаза искрились весело и приветливо.

— Не зашиб? — спросил он.

Андрей приподнял мальчонку на руки и внимательно посмотрел в сияющие очи ребенка.

Поставил малыша на снег и быстро зашагал в город.

Чем ближе подходил он к Кремлю, тем гуще становилась толпа, тем чуднее и пестрее попадались встречные.

Пьяные ярыжки¹ толкались у кабаков.

Скрипя полозьями, проносились боярские сани.

Рядом, горяча коней, скакали дворовые. Кричало воронье.

Откуда-то доносились звуки сопелки, бубна. Шла гульба.

Вот и Кремль. Успенский собор. Просторно, соразмерно высятся храмы. Рядом шумит темный бор, еще недорубили. Медленно, не спеша падают большие мягкие, снежинки, серебря купола собора. Гремят вериги² юродивых. Кое-как прикрытые рваньем, убогие расположились на снегу. Их костлявые руки жадно тянутся, просят, молят.

Рублев шагнул в широкий раствор врат храма.

Темные приделы еле освещались тускло горевшими свечами.

Сладко пахло ладаном.

Монотонно гудела толпа молящихся.

Служба шла к концу.

Гулко прозвучали одинокие шаги.

Андрей попросил стремянку. Жадно впился глазами в темные лики древних икон. Строгие образа византийского письма взирали сурово на пришельца. Истощенные постами апостолы словно вопрошали — что тебе надобно, инок?

Живописец знал, что ему предстоит создать нечто свое, что не должно отгораживаться от жизни.

Не пугать, не страшать верующих, а беседовать с ними сокровенно.

Но для этого надо знать, уметь.

И поэтому он здесь изучает, изучает письмо древних.

Еще одна свеча погасла.

Пора идти домой — за Язу.

Черное зимнее небо окутало город.

Тихо.

Хрустит снег под ногами, и вдали уже виднеется Спасо-Андроников монастырь.

Словно очнувшись от сна, Андрей вздрогнул. Сквозь темные лики икон на него будто взглянули голубые глаза встреченного им мальчишки.

¹ Ярыжка — беспутный человек, пьяница.

² Вериги — железные цепи, надевавшиеся на тело религиозными фанатиками.

Он снова как бы почувствовал в этих маленьких зеркалах огромный мир, Москву, Русь, надежды, чаяния людей.

«Им уже жить мирно, — подумал Андрей. — Но надо этот мир добыть».

Влажный, свежий ветер, пахнущий снегом и юностью, заставил Рублева вдруг вспомнить родной дом, давно ушедшую золотую пору детства.

Страшные минуты нашествия.

Смерть близких.

Гарь и чад руин.

«Действовать», — вспомнил он завет Сергия Радонежского.

Как дивное эхо давным-давно ушедших времен, завораживают взор творения Андрея Рублева, открывшего людям прелесть неяркой красы Руси.

Просторы небес, золотые пажити¹ ее полей, голубые очи озер и неторопливость рек.

Вещий голос живописи Рублева — чистый, правдивый, доносится из глубины веков, и мы, слушая неспешный этот рассказ, ощущаем легендарную пору становления Отчизны, видим белокаменные храмы, зубчатые стены и гордые башни крепостей, шумные площади многолюдных городов.

Редкой красотой любви нам творения Рублева, ибо угадываем в них душу пращуров наших. <...>

...Истоки. Почва.

Как они важны, значимы для истинного мастера! Особую роль в становлении любого крупного таланта играет учитель, тот, кто вводит художника в тайное тайн, в волшебную среду искусства.

Этим поводом молодого Андрея Рублева был великий Феофан Грек, который, по словам просвещенного писателя той поры Епифания, был «преславным мудрецом, зело философом хитрым».

Выходец из Византии, поразительный по темпераменту живописец, он был человеком незаурядной силы характера.

Андрей Рублев, по отрывочным сведениям, однажды работал вместе с ним над росписью храма. Так столкнулись мятущийся, дерзостный мастер, убеленный сединами, и юный художник, взирающий на «всечестные иконы, наполняясь радости и светлости».

Семена многовековых традиций Византии упали на благодатную почву. Характерно, что мы сегодня много знаем о жизни и творениях живописцев XIV—XV веков Италии, однако судьба Андрея Рублева, строки, рассказывающие о его жизни, так скупы, что до сих пор не установлен ни год его рождения, ни день его кончины.

Все смутно и неясно, и эта тьма, покрывающая бытие одного из самых великих наших творцов, удивительна и страшна.

¹ Пажить — пастбище.

Но не надо забывать, что представляла собою наша большая страна той поры, еще не совсем воспрянувшая от многовекового вражьего ига.

Ведь только ратная победа на Куликовом поле в 1380 году наконец разбудила, встряхнула страну от ужаса полона. Страна озарилась светом надежды и мечты.

Велика роль Москвы в объединении Руси.

Первопрестольная белокаменная становилась градом, воспринявшим заветы великокняжеского Киева и славного Владимира.

Русские прикасались к святым родникам античности, им были близки древние святыни и несравненная краса византийского Царьграда.

Летописцы языком мудрым и неторопливым рисовали картину величавой эпохи становления России, поры трудной, где быль и легенды жили рядом, а подвиги сынов Руси, почти сказочные, перемешивались с тревожными небесными знаками, зловещими пророчествами, со стихийной первозданностью природы.

Этот мир, красочный и загадочный, порою жуткий, коварный, а иногда песенный, находил отражение в искусстве иконописи.

В ней сходились самые сокровенные, заветные мечты народа, его стремление к поэзии, правде.

Не потому ли русская икона потрясает своей напряженной духовностью?

...Юность Рублева.

Троице-Сергиев монастырь.

<...> В тиши храма вдруг прозвучал голос Сергия, негромкий, но слышный всем. Он говорил о добре и зле, о страстях человеческих, об Отчизне.

Рублев зачарованно слушал мудрую речь.

Хор стройно прочел молитву, и эхо гулко и звучно ответило поющим голосам. Андрей вглядывался в лица молящихся.

«Надо все запоминать. Каноны стары, обветшали. Нужно письмо новое, человеку близкое», — думал Андрей.

Сергий Радонежский.

Он дал художнику юное по чистоте восприятие мира. Но при всем том Сергей был, как никто, тверд и привержен идеалам веры в добро и правду.

И это навсегда запомнил Андрей.

В ту пору, когда люди ожесточались ходом событий, междоусобица и распри одолевали Русь, Сергей находил тихие, душевные слова, мирил земляков, объединял русских на борьбу против общего врага. Летописцы нарекли его «делателем», ибо поистине все его деяния, как и само бытие его, полное чудесных свершений, превращают Сергия в личность легендарную.

Не мечом, топором, дубиной, не криком оголтелым — словом заветным покорял Сергей.

Уверял в надобности сплочения, веры и неотвратимости победы над злом.

И вот эти слова Сергия Радонежского воплощены в пластические формы Андреем Рублевым, иконы которого и через шестьсот лет потрясают проникновением в суть явления, мудростью и гуманизмом.

Не геенной огненной, не плахой адской, не пытками грешников убеждали его фрески и иконы — тихой светозарностью, благостной красотой образов и новой, необычной лученосностью проникали в душу народа, сплачивали на борьбу с недругами. Укоризна, осуждение, напоминание, суровость долга — вот мотивы икон и фресок той поры, времени, когда испытание за испытанием ложились на плечи Родины.

Казалось, что гневу рока не будет конца.

Однако настал час, когда затрещали устои Орды, надорвались узы, ослабили путы рабства иноземного ига, и Русь одолела врага.

Будет еще много мрачных страниц в ее истории, но со дня Куликовской битвы среди тяжелых, нависших над Родиной туч проглянуло солнце, и свет разогнал мрак.

...Вскоре он покинет гостеприимные стены Троицкого монастыря и перейдет в обитель, основанную духовным братом Сергия Андроником, под Москву. <...>

...Узкая келья.

Монастырь.

Молчание, тишина. Только отраженный луч солнца безмолвно ласкает образ, написанный на небольшой доске.

Пахнет олифой, рыбьим клеем, краской.

Бородатый инок с лицом темным и строгим глядит на нас из глубины веков.

И мы чувствуем на себе добрый светлый взор его.

Чуем ласковость открытой, щедрой души художника-философа.

Но порою мастер работал не один — у него был друг.

Близкий, сокровенный.

Доброжелательными старцами именуют летописцы Андрея Рублева и Даниила Черного.

Оба они были послушниками одного и того же монастыря, вместе много писали и являют пример братства и единения в искусстве.

...Вспомним предысторию рождения «Троицы», этого шедевра Рублева.

Гулкие своды огромного Успенского собора в древнем Владимире.

Звонкие шаги в настороженной тишине. Злое эхо.

В храме два мастера — Андрей и Даниил.

Впереди работа — твори, создавай, что отмерил тебе талант.
Андрей задумывает написать фрески небывалые.
Много он повидал «страшных судов», с адовыми муками, пуче-
глазыми чертями, геенной огненной и прочими страстями.
Мастер замыслил иной «Страшный суд».
Да, люди обречены на судилище.
Но их озаряет надежда, они верят в суд праведный.
Сквозь узкие прорезы окон лучи солнца скользят по свежей шту-
катурке. Старые росписи закрыты. Стены ждут.
Владимир, 1408 год.
Громко звучат трубы ангелов, возвещая о конце мира.
Мечутся фигуры людей, смятенных перед грозным судией.
Но луч веры в справедливость придает этой толпе далекий от ви-
зантйских традиций облик.
Страшен во гневе бог! — гласили все фрески до Рублева.
Добр и милостив! — утверждал Андрей Рублев.
Его росписи во владимирском храме Успения — порывистые, жи-
вые по манере исполнения.

Светлый пристальный взгляд на природу, на мир людей позво-
лил художнику в решении грозной темы «Страшного суда» внести
новые, неведомые до него черты в образы действующих лиц гран-
диозной многофигурной композиции. Забываешь, что это церков-
ный заказ, должный исполняться по давно установленным кано-
нам.

Взгляните на этих апокалипсических зверей, созданных фантази-
ей Рублева. Они почти грациозны.

А ведь они призваны быть ужасающими и чудовищными, эти
грифоны, медведи, по облику чем-то напоминающие скифский
«звериный стиль», в котором иногда проскальзывают добродушие,
языческая простота.

Может быть, это кощунственно, но такие параллели невольно
приходят, когда я вспоминаю знаменитую скифскую пектораль¹, где
рядом спокойно сосуществуют поющие птицы, полевые цветы, бесе-
дующие люди и жестокие схватки львов и грифонов. Все построено
по полукружиям, циклам.

Фрески Рублева, как сновидения юноши, прозрачны и воздушны.

Трудно поверить, что это плод искусства мастера, умудренного
многолетним опытом церковной живописи, закованной в догмати-
ческие сухие каноны.

Светозарный почерк фресок Рублева напоминает современные
ему флорентийские росписи раннего итальянского Ренессанса.

«Троица» порождена высоким подъемом духа русского народа,
который встал на решительную борьбу с азиатскими кочевника-

¹ Пектораль — шейное металлическое украшение, облегающее грудь и плечи.

ми. «Троица» — возвышенный, вдохновенный гимн добру. Рублев не мог создать свой великий шедевр, не обладая непреклонной верой в правду.

Велико потрясение художника, узнавшего, что оплот его юности, Троицкий монастырь, уничтожен врагами.

В пламени погибла дорогая сердцу живописца обитель, где он общался с миром, созданным Сергием Радонежским, где вырос духовно как мастер.

Художник содрогнулся при этой страшной вести.

И он создает бессмертную «Троицу».

«Троица». В ее основе лежит библейская легенда о том, как древнему старцу Аврааму явились трое странников, предрекших ему и его жене рождение сына.

В честь них состоялась трапеза под дубом Мамврийским. Рублев ушел от этой разработанной веками сюжетики. Не торжественная трапеза с хозяином, а тихое собеседование отражено в иконе.

Русский художник отбросил иллюстративность византийских решений. Где пир, где Авраам и жена его Сарра?

Рублев сосредоточил всю мощь своего гения на раскрытии гуманистической сути сказания. В этом философия гениального творения русского средневековья, являющая сегодня смысл человеческого бытия как братства.

Это, однако, никак не означает некоего аморфного благодушия — строгий лик одного из ангелов напоминает нам о долге, вере, борьбе.

Сергий Радонежский построил Троицкий собор для утверждения идеи «единожития» всех людей Земли, «дабы воззрением на св. Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего».

Этот посыл был очень важен для Руси той поры, разрозненной междоусобными спорами.

Но думается, что нравственная идея «Троицы» не чужда современному миру нашей планеты.

Подвиг Рублева в том, что он еще раз подтвердил: идеи света бессмертны.

Ум, гений не меркнет от толщи времен.

Так вековечны Венера Милосская и Аполлон Бельведерский, так не гаснет искусство Леонардо, Микеланджело, Тициана, Эль Греко, так же остаются жить творения русского мастера.

«Троица» Рублева, написанная им в годы зрелости, — итог многолетнего размышления о существовании Природы и Человека, и этот дух раздумья и созерцания особенно остро ощущается нами сегодня, в двадцатом веке, времени, напоенном машинным грохотом, ошеломляющим сознание потоком информации, и звуковой и зрительной, идущей от радио, кино, телевидения.

Сегодняшняя западная живопись иногда страдает подчеркнутой экспрессией, отсутствием глубокого осмысления больших гуманистических тем.

«Модерная» музыка наших дней легковесна, лишена полнозвучных мелодий, гармонии.

Искусство художника Рублева принадлежит мировой культуре, мировому разуму, ибо его гений постиг непреходящие законы человеческого бытия, он доказал, что свет и добро побеждают мрак и зло, иначе нет смысла существования рода человеческого.

Древняя икона — как бы закодированный слепок времени.

Судьба Древней Руси с ее страницами раздоров и войн — все это вырабатывало искусство огромного напряжения, трагизма. <...>

Повторность ритмов — наклоны фигур, жесты рук, сами складки одежд — все, все находится в неустанном, как сама жизнь, движении.

Особо поражает общая светозарность иконы.

Художник нашел идеальные пропорции не только в решении фигур композиции. Совершенны также отношения светлых тонов, не вступающих в борьбу с контрастными темными цветами, а согласны и тихо поющих с ними гимн радости бытия.

Вряд ли в мировом искусстве есть творение, равное этой иконе по ясности и чистоте душевного строя — светлого, не омраченного никакими пережитыми невзгодами и тревогами.

Художник взял за основу композиции канон, испытанный годами, и все же ему удалось создать образ юный, чистый, свежий.

Можно часами глядеть на эту излучающую свет живопись и поражаться гармонии и созвучию ритмов, внутренней музыке палитры Рублева, твердости и мягкости его кисти, заставившей петь складки одежд, придавшей такое очарование сдержанным жестам и еле заметным наклонам фигур композиции.

Само время бессильно было погасить чудотворную напевность красок иконы, и мы покорены мощью колорита.

Сколько мастеров за эти пробежавшие столетия пытались подражать песне Рублева.

Тщетно!

...Доводилось ли вам видеть большую раковину, в недрах которой рождается драгоценный жемчуг? Это диво красоты! Перламутровая палитра, в ней — все переливы нежнейших розовых, голубых, сиреневых, бледно-зеленых, жемчужно-серых цветов...

Таинственно мерцает и будто само излучает свет это чудо природы.

Я вспомнил это великолепное создание, увидев «Троицу» Рублева. Перламутровое, в холодных, сплавленных от времени красках — эмалях, и рядом золотые искры, теплые тона охры, земляных цветов.

Все эти краски согласны в дивной гармонии.

Мы слышим тихую музыку — мелодию добра и радости. Созерцаем свет, будто «горний», неведомо как приближающий нас к ощущению реальности чуда.

Этому таинственному очарованию способствует гениальное владение мастером оркестровкой цветописы.

Мы словно обволакиваемся волнообразным, круговым движением колышущихся колеров, то звучащих в полную силу, как, например, синий ляпис-лазурь, переходящий в разных местах композиции в затихающий голубой, светло-бирюзовый. Темно-вишневый колдовски растворяется до блекло-розового, густой оливковый превращается и переходит в светло-зеленый.

Это мерцание цвета позволяет художнику достичь поистине симфонического звучания оркестра красок палитры.

Чуть-чуть поблескивает стертое старое золото на темном от времени левкасе¹.

Мудрое переплетение форм, силуэтов, линий, прочерков посохов, округлости крыльев, падающих складок одежд, сияющих нимбов — все это вместе со сложной мозаикой цвета создает редкую по своеобразию гармонию, благородную, спокойную и величавую.

И только два черных квадрата на фоне — вход в дом Авраамов — возвращают нас к сюжету Ветхого завета.

Светоносность «Троицы» настолько разительна, что иные иконы экспозиции Третьяковской галереи кажутся темными и красно-коричневыми.

Потрясающе входят блеклые холодные тона в пожелтевшую от времени белизну фона «Троицы», испещренного искрами червонного золота. Все это схоже со сказкой, с легендой.

Икона экспонирована рядом с окном, завешенным белой мягкой тканью, и голубые, блуждающие по материи рефлексy еще более усиливают общую золотую, светозарную гамму «Троицы».

Шедевр Рублева можно созерцать часами, открывая все новые и новые стороны прекрасного. Вглядитесь...

Попробуйте найти следы работы кисти, и вы увидите этот мужественный, твердый почерк мастера.

Одним касанием назначены и посохи ангелов, и тяжелые штрихи глубоких складок одежд. Уверенность и убежденность живописца в найденном им решении неотразимы!

«Троица» — это заглавное русское творение. <...>

В залах древней русской живописи Третьяковки иногда можно услышать замечания зрителей: «Ах, они не так нарисованы!» Это происходит потому, что на иконы продолжают смотреть так же, как на полотна станковой живописи, экспонированные в галерее.

¹ Левкас — меловой грунт в русской средневековой живописи (греч.).

Конечно, между картиной и произведениями иконописи дистанция немалая.

Но это не означает, что иконы нарисованы плохо.

Такие ложные представления не новы.

Вот что пишет известный русский художник и искусствовед Илья Остроухов, избранный после Третьякова попечителем галереи:

«Еще покойный проф. Буслаев видел в нашем величайшем искусстве иконописи лишь плод «векового коснения русского народа», из которого наша иконопись, по его мнению, стала выходить лишь в XVII веке, когда потянулась за западноевропейской живописью... Таким образом, как в литературе, так и в живописи русской XVII века, сказалось благотворное влияние Запада... Только теперь, очень, очень недавно, какой-нибудь десяток-другой лет, это печальное заблуждение стало рассеиваться. Прежде всего икону стали расчищать. Были поражены ее красками, гармонией линий, композицией, чарованьем ее духовной выразительности, поняли и ее — столь странную на первый взгляд и столь обдуманную на деле «обратную перспективу», условность ее пейзажа. И вот теперь наша — именно наша — древняя русская икона, столь радостно-близкая и понятная старым русским людям, открывается изумленному миру как искусство высочайших достижений человеческого духа, равных которым надо искать лишь в искусстве Древнего Египта».

Историки, искусствоведы продолжают спорить об атрибуциях произведений мастера, о датах биографии художника.

В русском искусстве нет прямых продолжателей Рублева, да это, впрочем, и невозможно, — слишком индивидуально и лично его творчество.

Но тонкость прозрений, человечность, лучезарность присущи лучшим полотнам Венецианова, Александра Иванова, Ге, Врубеля, Рябушкина, Нестерова.

Рублев — национальный гений, предтеча.

Он открыл окно в мир русскому искусству, и его по справедливости можно назвать «русским Леонардо» по той изумительной мягкости форм и глубочайшей философии, которые свойственны его музе.

Как и Леонардо, он не был удачлив, судьба его загадочна, но небольшое количество произведений Рублева представляет одну из вершин мирового искусства.

Его «Троица» словно говорит нам из далекого далека:

«Люди, любите друг друга, гоните зло неверия в духовность человека, отличающую его от зверя.

Ищите совершенство в добре, красоте, свете правды.»

[3, 31—53]

Литература

1. *Волошин М. А.* Избранные стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Лаврова. — Москва : Сов. Россия, 1988.
2. *Данилов А. А., Данилов Д. Д., Клоков В. А., Тырин С. В.* Российская история с древнейших времен до начала XVI века: Учебник для 6 класса основной школы. — Москва : Изд. дом «С-инфо»; Изд-во «Баласс», 1999.
3. *Долгополое К. В.* Мастера и шедевры: В 3 томах. Т. 2. — Москва : Изоб-раз. искусство, 1987.
4. *Толстой А. К.* Собрание сочинений. В 4 томах. Т. 1. — Москва : Правда, 1980.
5. *Черникова Т. В.* История России. IX—XVII вв. : Учеб. для 6—7 кл. общеобразоват. учеб. заведений / Под ред. А. Н. Сахарова. 2-е изд. — Москва : Дрофа, 1998.

Ледовое побоище

Комментарии

Невская битва. Святой Александр Невский наносит рану в лицо Биргеру (1240 г.). В то время, когда южная Русь стонала под ударами монголо-татарских полчищ Батыея, на северо-западные области ее стали нападать другие враги — шведы, литовцы и немцы. Они считали, что наступило удобное время для завоевания ослабленной Руси. Папа римский Григорий IX в своем послании призывал шведских и немецких рыцарей-крестоносцев с оружием в руках выступить против «врагов креста», захватить Прибалтийские и Северо-Западные русские земли и обратить местное население в римско-католическую веру.

В это время в Новгороде княжил восемнадцатилетний князь Александр Ярославич, второй сын переяславского князя Ярослав Всеволодовича. По описанию современников, это был высокий, стройный, сильный и красивый юноша со звучным голосом, обладавший талантом полководца. Александр знал о военных приготовлениях западных соседей и внимательно следил за их действиями.

Однажды, в июле 1240 года, старейшина племени ижорян Пелгусий следил за морем. Вдруг он увидел множество шведских кораблей, быстро приближавшихся к устью Невы. Пелгусий поспешил в Новгород и сообщил князю Александру о нашествии шведов.

Шведская флотилия во главе с Ульфом Фаси и зятем короля Эрика XI Биргером Магнуссоном вошла в устье Невы. Здесь шведы решили сделать остановку. Шведская знать, епископы (их взяли в поход, чтобы на месте обращать в «истинную веру» завоеванных), рыцари ночевали в шатрах. Уверенный в победе, Биргер направил в Новгород посла и велел от имени короля сказать князю Александру: «Если можешь, то сопротивляйся мне, я уже здесь и пленю твою землю». Не дожидаясь помощи от отца, Александр собрал свою немногочисленную конную дружину и пешее ополчение и со словами: «Не в силе Бог, а в правде» призвал новгородцев выступить на защиту родного города.

На рассвете 15 июля 1240 года русское войско подошло к лагерю шведов и внезапно напало на них. В кровавой сече Александр Ярославич копьем ранил Биргера в лицо. Шведы были разбиты,

А. Д. Кившенко.

Князь Александр наносит рану шведскому военачальнику

некоторым удалось бежать на кораблях. Победа принесла Александру Ярославичу громкую славу и почетное прозвище «Невский».

В. Г. Ян

Юность полководца

(Отрывки из повести)

Перед рассветом

До самого рассвета Александр оставался в тревоге, то греясь у костра, то проезжая по озеру, то снова поднимаясь на берег, где он вступал в беседу с подходившими новгородцами.

Два чужинца, побывавшие на немецкой стороне, рассказывали, что рыдели¹ поют веселые песни, пьют вино, а бискупы² с монахами завывают, вознося моления, предсказывая невиданную победу, после которой начнется дележ захваченных русских и чуждинских земель и раздача их немцам-меченосцам.

¹ Рыдель — переделанное немецкое слово Ritter — рыцарь.

² Бискуп — католическое духовное лицо.

— Правда ли, что такое дело может случиться? — спрашивали ратники.

— Никогда этому не бывать! — твердо отвечал Александр. — Мы должны не пожалеть жизни нашей, чтобы оберечь родную землю. Еще мой батюшка, князь Ярослав Всеволодович, с детских лет мне говорил: «Кто с мечом войдет в нашу землю, тот от меча и погибнет!» Так и вы запомните: немецкие монахи и рыцари могут завывать и колдовать сколько им вздумается, а эту битву на Чудь-озере решат не их молитвы и проклятья, а наши русские мечи и топоры!

Еще среди ночи Александр поднял своего брата, князя Андрея, и всех самых приближенных дружинников, передав им приказ: обойти костры и рассказать воинам, как русские дружины, собравшись у Вороньего камня, должны растянуться двумя крыльями на льду озера, не выходя на берег, и как должны держаться в бою.

Александр на коне поднялся на вершину каменистого островка. Позади князя стали три конных дружинника. У среднего в руках было знамя с изображением Спаса Нерукотворного. Чуть поодаль Семка держал под уздцы запасного белого коня.

С вершины этого островка князь ясно видел всю гладкую равнину засыпанного снегом озера, низкие берега заросшей камышами восточной, гдовской, стороны и множество черных точек, спешивших оттуда. Это торопились пешие и конные русские ратники, чтобы принять участие в предстоящей битве.

Сперва небо заволокли серые низкие тучи, но вскоре ветер усилился — это «мокрик» подул с юга, со стороны реки Великой. Розовые лучи восходящего солнца, пробиваясь сквозь узкие, длинные малиновые тучи, заиграли на снежных сугробах и протянулись по широкой равнине озера. Все русские дружины были уже наготове, и воины стояли перед Вороньим камнем в ожидании схватки, опираясь на багры, рогатины и тяжелые топоры-колуны с длинными рукоятками. Люди перекидывались шутками и поглядывали на западный, суболицкий, берег, где начала чернеть громада выползавшего из леса немецкого войска.

Александр давно и не раз слышал от отца про немецкий строй, называемый «свиньей». Немцы считали такой строй несокрушимым, и Александр не сомневался, что и в этот день они построют свои войска именно таким клином — «свиным рылом». Однако князь надеялся, что придуманная им расстановка русских сил в виде двух раздвигающихся и потом охватывающих и сжимающих клещей может раздавить вражеский строй. Он говорил ратникам:

— Мы сумеем отстоять свободу земли Русской! Наше дело правое! С нами Бог!

Русские клещи сомкнулись

По указанию Александра, все русские рати построились перед Вороньим камнем широкой вогнутой подковой. Все лучшие конники и самые сильные отряды разместились на крыльях. Середину подковы заняла густая рать пеших новгородцев: они стояли плечом к плечу, все земляки, из разных мест Новгородского края.

Во главе новгородцев Александр поставил Гаврилу Олексича:

— Потрудись, друже Гаврила, ради славного дела! Я знаю тебя: ты назад не попятись и немецкий напор выдержишь. Тебе придется принять на себя самый главный, самый сильный удар немецкой «свиньи». Давно, еще от батюшки моего, не раз я слышал, что немецкие рыдели строят свое войско клином и бросаются в бой, стараясь расколоть противника на две части, а затем поворачиваются и нападают сперва на одну половину расколовшегося войска и ее добивают, а потом бросаются на другую.

— И я слышал о такой «свинье». Пускай попробуют! — ответил спокойно Олексич. — Не испугаюсь, да и люди у меня не такие, чтобы назад пятиться.

— Кому же, как не тебе, можно доверить такое дело! Ты стойко, не дрогнув, встретишь главный удар «свиного рыла». А впереди тебя рассыпятся пращники и лучники. Они будут сбивать скачущих немцев камнями и стрелами... С Богом, друже Гаврила! — сказал Александр и поскакал, огибая холм Вороньего камня.

Там, позади островка, строились, готовясь к бою, еще две другие конные дружины.

Гаврила Олексич объехал ряды расположившихся на льду новгородцев. Всем он указывал, где кому стоять, и объяснял, что у рыцарей будет страшный вид: и рога, и звериные железные морды, но они ничуть не сильнее наших стойких в бою рыбаков, пахарей и лесорубов.

Вслед за Гаврилой ехали на конях его товарищи, уже прославленные в Невской битве: веселый Миша Новгородец, всегда хмурый Збыслав Якунович, и Савва, и Яша Полочанин, и другие. Среди них выделялся знаменитый по кулачным боям Кузьма Шолох. Он вел в поводу коня и шагала, держа на плече шишковатую дубину, огромную, как оглобля.

Все ратники обещали Гавриле Олексичу встретить, не дрогнув, удар вражеского клина и не сдвинуться с места, не щадя своей жизни.

— За родную землю встали, так не побежим! — говорили новгородцы, опираясь на копыта, рогатины и длинные рукояти топориковоунов.

Постепенно все более светало. На обоих крыльях изогнувшегося войска выделялись начальники крыльев со своими знаменосцами,

державшими развевающиеся на ветру узкие треугольные стяги. Тут же находились трубачи на белых конях.

Князя Александра не было видно.

Равнина озера, засыпанная снегом, была пустынна и казалась мертвой и безлюдной. Узкие полосы невысокого хвойного леса вдоль западного, суболицкого, берега сперва казались тоже мертвыми и безлюдными, а между тем все знали, что там уже ворочается немецкое чудище, которое скоро оттуда выползет и набросится, чтобы терзать русских ратников.

Сквозь низкие тучи прорезался край золотого солнца, и его лучи скользнули по белоснежной равнине Чудского озера.

— Вот и они! Заворошились! — громко сказал кто-то.

Шутки и разговоры смолкли. Сидевшие и лежавшие всю ночь на льду воины вставали и, затаив дыхание, вглядывались в западную часть побережья. Там из невысокого леса стали показываться всадники, и чем дальше, тем все гуще. Они начали медленно спускаться на лед озера, где долго перестраивались и где все ширилась вражеская лавина.

Несколько раз отчетливо донеслись дребезжащие призывы немецких воинских труб.

Постепенно пестрое вражеское войско, сперва очень медленно, а затем все быстрее, двинулось вперед. Тяжелым равномерным скоком, казалось, в неодолимом натиске, приближались немецкие всадники. Уже отчетливо стали видны первые пять рыцарей, мчавшихся, пригнувшись и выставив длинные копья. Дальше число их в каждом ряду постепенно увеличивалось. Действительно, казалось, что по льду надвигается, вклиниваясь, огромное, страшное «свиное рыло», в середине которого бежали густые толпы пеших воинов. Рыцари имели устрашающий вид: на месте обычных шлемов на плечах возвышались железные коробки с узкими прорезями для глаз и дыхания. Над этими коробками торчали когтистые орлиные лапы, завитые черные рога и звериные морды с оскаленными клыками. И всадники, и их кони были покрыты железной броней. Как одолеть их?

Все это мчалось, чтобы обрушиться на русские ряды.

В грозной тишине четко прозвучал призыв Гаврилы Олексича:

— Ежели Бог с нами, то кто на ны? Стойте, други! Принимайте непрошенных гостей!

Бешеная кровавая схватка закипела. Немецкий клин вонзился в густые ряды русских воинов и расколол их надвое. Но и сам он столкнулся с неодолимой стеной новгородских лучников и пращников, которые стояли не дрогнув и встретили немецких воинов тучей длинных стрел, пробивающих железные латы, и градом камней, разящих без промаха. Вражеские кони бесились и, не слушая поводов, уносились прочь. Немцы смешались в отчаянной сече с не зна-

ющими страха русскими воинами. Все видели, как разукрашенный перьями конный рыцарь, направив длинное копьё вперед, неся прямо в середину русского безмолвного строя, как дерзкий Кузьма Шолох, кинувшись рыцарю наперерез, ударил дубиной по голове его коня. Конь перевернулся через голову и увлек за собой всадника, который барахтался на льду, будучи не в силах подняться сам из-за тяжелых доспехов.

Страшная борьба разгоралась все яростней. Белоснежная поверхность застывшего озера стала заливаться алой кровью.

Огромная дубина Шолоха, топоры и колуны новгородских лесорубов поражали мощными ударами конские головы; кони опрокидывались, и рыцари барахтались в снегу.

В схватке сперва долго нельзя было понять, кто побеждает. Все смешалось, повсюду шла резня, но враги все прибывали и врывались с новыми силами, тесня русских ратников.

Под напором огромной вражеской лавины наши стали изнемогать. У всех явилась одна и та же дума: «Что же медлит князь Александр? Где Ярославич? Почему его нет?»

К Александру примчались вестники один за другим:

— Выручай! Пора, Ярославич! Враги одолевают!

Александр за Вороньим камнем на застоявшемся, пляшущем коне, не отвечая, всматривался куда-то в даль, точно прислушиваясь к отдаленному шуму, реву и крикам, доносившимся с места битвы. Новый гонец примчался:

— Пора! Выручай, княже Ярославич!

— Подожди! — ответил Александр и повернулся к Семке, державшему запасного коня: — Эй, малец! Подведи ко мне Дружка!

Александр пересел на белого коня и снова застыл, точно прислушиваясь.

Вдруг с места боя донесся радостный вой и ликующие крики рыцарского войска:

— Ийя-хо-хо! Санта¹ Мария! Ийя-хо-хо!

Александр поднял прямой меч и крикнул дружинникам:

— Теперь пора, други верные! Вперед за землю Русскую!

Белый конь Александра бросился вперед, и за ним помчались все дружинники.

На вражеское войско меченосцев неожиданно для них обрушились сразу две свежие рати. С одной стороны, из-за Вороньего камня, вылетели дружинники Александра, с другой — переяславльские конники князя Андрея.

Надменные, самоуверенные немцы, упоенные радостью ожидаемой победы, были ошеломлены. Они никак не могли понять, откуда

¹ Санта — святая.

взялись свежие русские силы, когда «свинья» уже как будто раздавила русских ратников.

— Санта Мария! Санта Мария! — в ужасе кричали немцы и, поворачивая коней, стали обращаться в повальное бегство.

Видя смятение своих ненавистных угнетателей, стали разбегаться во все стороны пригнанные на битву язычники: и ливы, и летты, и прочие насильно крещенные лесовики-старосельцы.

Конные дружинники Александра и Андрея уже гнались за убежавшими меченосцами и добивали их.

От устрашающего «свиного рыла» остались только кучки отдельных всадников, мчавшихся врассыпную по ледяной равнине. Семь верст преследовали их русские, устилая путь телами вражеских людей и коней.

Казалось, что мирно дремавшее Чудское озеро вдруг проснулось и сердито зашевелилось. Лед повсюду начал трескаться и пучиться. Льдины раздвигались, и между ними показывались черные полыньи. Это на реке Великой начался весенний ледоход, поднимая и взламывая широкую ледяную равнину Чудского озера.

Конец Брудегама

Верхом на коне Теодорих Брудегам с опушки леса с волнением наблюдал за разгаром битвы. Уже солнце клонилось к темно-синему лесу, а победы не было видно. Находившийся недалеко немецкий бискуп с трудом сдерживал огромного рыжего коня, тоже покрытого железной броней, который рвался к скачущим мимо рыцарским коням. Бискуп посылал проклятья, потрясая кулаками в железных рукавицах, и кричал:

— Прохвосты! Трусы! Негодяи! Что они делают? Надо русских сперва раскалывать на части, а затем их избивать! Смотрите: эти бородатые еретики набрасываются, как волки, со всех сторон и отталкивают наших от берега. Они теснят их к полыньям, где те проваливаются и захлебываются, увлекаемые под лед тяжелыми доспехами.

Брудегам его не слушал. Он пристально, со злобой всматривался в даль, где видел знамя Александра, черное с золотом. Вот около знамени он сам. Да, Александр держится молодцом! Вот он на белом коне помчался в самую гущу сечи. Кого-то поразил мечом. Одно немецкое знамя упало. Его подхватил какой-то русский всадник и ускакал прочь. Вот опять Александр вырвался из толпы и бросился в другое место схватки, где отчаянно бился немецкий рыцарь с голубым шарфом на шлеме.

Схватка была недолгой: еще некоторое время голубой шарф вился и мелькал между взлетающими мечами, затем вдруг исчез, и Брудегам увидел только, как по этому месту промчались кони,

и светлый шлем Александра, удалявшегося в сторону. Черная полынья расширялась, и в ней еще некоторое время видны были конские морды и отчаянно барахтающиеся люди.

Уже новая группа немецких всадников неслась, подняв мечи, к месту боя.

Сперва Брудегаму казалось, что теперь победа явно клонится на сторону немцев. Они теснили русских, быстро расступавшихся в разные стороны от середины озера, не будучи в силах сдержать стремительный удар тяжелой немецкой конницы. Но, отбежав, русские снова поворачивались и яростно нападали, сбивая рыцарей.

— Уходите! Скорей уходите! — крикнул промчавшийся мимо Брудегама незнакомый рыцарь. — Мы проигрываем битву!

Теодорих оглянулся: бискупа около него уже не было. Однако он не послушался и остался на месте, желая увидеть исход битвы, не веря еще, что гордые, до сих пор непобедимые немцы могут быть разгромлены. В бешенстве Брудегам то колотил каблуком бок своего бесившегося коня, то снова с трудом сдерживал его, когда тот пытался примкнуть к мчавшимся мимо всадникам.

Лед по всему озеру стал заметно трескаться, и все больше появлялось черных пятен. Не стесненные тяжелыми доспехами, русские воины разбегались в разные стороны, легко прыгая через полыньи, и опять возвращались, чтобы снова схватиться с врагами. Немецкие всадники уже отступали в полном беспорядке, стараясь добраться до суболицкого берега по оседавшему под их тяжестью льду. Русские бесстрашно набрасывались на рыцарей, поражая их топорами. Они разбивали головы коням, и железные латы всадников трескали под могучими ударами разъяренных русских воинов. Легко перебежав с льдины на льдину, к рыцарям подбегали пешие русские ратники и стаскивали их с коней длинными рыбачьими баграми. Упавшим на лед рыцарям тяжелые доспехи мешали подняться без посторонней помощи.

Все войско меченосцев развалилось. Вместо грозных сомкнутых рядов «свиного рыла» по льду металась разрозненные кучки рыцарей. Никто уже не давал распоряжений, каждый спасал только свою жизнь.

Вдруг Брудегам заметил, что в его сторону скачут несколько всадников, преследуя отступавших немцев. Впереди несся воин в блестящей кольчуге, на пятнистом, как барс, коне. Он что-то кричал и готовил аркан. Под могучей рукой всадника конь взвился на дыбы и остановился. С торжествующим криком воин метнул аркан, и тот обвился вокруг Брудегама. Всадник бросился в сторону, аркан натянулся, и Теодорих вылетел из седла. Всадник помчался дальше, волоча по снегу Брудегама.

После битвы

Александр выехал на берег и оттуда наблюдал за явно затихавшей битвой. Он зорко смотрел во все стороны, стараясь разгадать, куда девалось множество немецких союзников: леттов, финнов, чудинцев и других бичами согнанных крестьян, которых немцы насильно заставили отправиться в поход против Новгорода. Первоначально их было в несколько раз больше, чем немцев, но, увидев поражение своих высокомерных господ, они, бросая оружие, со всех ног уже бежали прочь с места битвы, надеясь укрыться в лесах.

Многие русские удалцы на своих неказистых мохнатых лошаденках, часто даже без седла, с рогатинами в руках, гонялись за убежавшими.

Постепенно озеро пустело. Жалкие, ничтожные остатки немецкого войска поспешно удалялись к суболицкому берегу, стараясь оторваться от преследующих их русских ратников. Повсюду бесчисленными черными пятнами на снегу выделялись тела убитых и раненых.

Александр помчался к большаку, где столпившиеся возле дороги люди рассматривали немецких пленных. Мимо него вели группами еще недавно гордых, нарядных рыцарей, которые в латах, но теперь без шлемов угрюмо шагали с закрученными за спиной руками. Их погоняли, посвистывая и постегивая, новгородские ратники. Один из них, в старом зипуне и новых лаптях, весело покрикивал:

— Вот приехали гости незваные: стали пировать, да похмелье вышло тяжелое!

Александр не узнавал прежних меченосцев. Куда девалась их наглая напыщенность, их уверенность в непобедимости и своем превосходстве над всеми! Теперь угрюмые лица пленных были полны только непримиримой злобы.

Не доезжая до опушки леса, князь задержался. К нему по Новгородской дороге, обгоняя друг друга, бежали мужики. Они что-то кричали, размахивая руками. Узнав его, передние бросились к нему, на ходу снимая шапки и вытирая ими потные лица.

— Сокол ты наш ясный, свет наш Ярославич! Ты уж прости, Христа ради, что запоздали мы. Это твои бирючи-ротозеи виноваты: поздно прискакали на погост. А дома нас не было — мы в лесу, по твоему наказу, готовили строевые лесины.

— А сейчас-то вы о чем тужите?

— Хотели тебе подсобить, в драку с немцами ввязаться, да, вишь, не успели: пока добегли, совсем упарились. Глядим: тут и без нас ты управился, жару окаянным задал!

Александр рассмеялся:

— Да, уж такого жару, что от него немцы в воду под лед полезли, чтобы малость простыть! Мы им накрепко и надолго отбили охоту совать нос в наш огород. А вам спасибо, поклон земной, что отозва-

лись на мой клич. Ступайте, други, к нашим новгородцам — там, на опушке леса, они уже костры разводят и вас покормят чем Бог послал.

Александр медленно, шагом, проезжал вдоль лесной опушки. Ветер качал сосны, и они тихо стонали и поскрипывали. Князь снял шлем и подставил порывам ветра свою разгоряченную голову. Далеко впереди, удаляясь в сторону Новгорода, тянулись беспредельные леса и перелески. Он отыскивал что-то глазами и наконец увидел поселок, над которым поднималась ветхая колоколенка деревенской церкви.

Александр перекрестился и тихо стал шептать молитву, не замечая, как к нему подошли две женщины-простолюдинки и остановились, ожидая, пока он их увидит. Старшая, уже седая, приблизилась и, коснувшись рукой его стремени, сказала:

— Исполать тебе, смелый княжич Олекса! Все мы, бедные смерды, людишки черные, тебе низко кланяемся: отстоял ты землю Русскую, от лихого врага оборонил! Да сохранят тебя Господь и Мать его Пречистая на многие лета!

— Спасибо на добром слове!

Въехав на бугор, Александр еще раз окинул взглядом недавнее поле битвы, где лед все более крошился и прибавлялись новые черные полыньи.

Лицо Александра светилось торжествующей силой и радостью победы. Он поднялся на стремянах и с каким-то юным, мальчишеским задором высоко подкинул шлем, поймал его на лету, потом, повернув коня, помчался во весь дух к тому месту, где должны были ожидать его боевые товарищи. Они скакали уже ему навстречу с радостными криками.

[4, 166—175]

К. М. Симонов

Ледовое побоище

(Отрывок)

Глава шестая

*... и бысть сеча ту велика Немцев
и Чюди...*

Новгородская Первая Летопись

На голубом и мокроватом
Чудском потрескавшемся льду
В шесть тыщ семьсот пятидесятом
От Сотворения году,

В субботу, пятого апреля,
Сырой рассветною порой
Передовые рассмотрели
Идущих немцев темный строй.

На шапках перья птиц веселых,
На шлемах конские хвосты.
Над ними на древках тяжелых
Качались черные кресты.

Оруженосцы сзади гордо
Везли фамильные щиты,
На них гербов медвежьи морды,
Оружье, башни и цветы.

Все было дьявольски красиво,
Как будто эти господа,
Уже сломивши нашу силу,
Гулять отправились сюда.

Ну что ж, сведем полки с полками,
Довольно с нас посольств, измен,
Ошую¹ нас Вороний Камень
И одесную² нас Узмень³.

Под нами лед, над нами небо,
За нами наши города,
Ни леса, ни земли, ни хлеба
Не взять вам больше никогда.

Всю ночь, треща смолой, горели
За нами красные костры.
Мы перед боем руки грели,
Чтоб не скользили топоры.

Углом вперед, от всех особо,
Одеты в шубы, в армяки,
Стояли темные от злобы
Псковские пешие полки.

Их немцы доняли железом,
Угнали их детей и жен,
Их двор пограблен, скот порезан,
Посев потоптан, дом сожжен.

¹ Ошую — влево; по левую руку, сторону.

² Одесную — вправо; по правую руку, сторону.

³ Узмень — узкая протока, соединяющая Чудское и Псковское озера.

Их князь поставил в середину,
Чтоб первый приняли напор, —
Надежен в черную годину
Мужицкий кованый топор!

Князь перед русскими полками
Коня с разлета развернул,
Закованными в сталь руками
Под облака сердито ткнул.

«Пусть с немцами нас бог рассудит
Без проволочек тут, на льду,
При нас мечи, и, будь что будет,
Поможем божьему суду!»

Князь поскакал к прибрежным скалам,
На них вскарабкавшись с трудом,
Высокий выступ отыскал он,
Откуда видно все кругом.

И оглянулся. Где-то сзади,
Среди деревьев и камней,
Его полки стоят в засаде,
Держа на привязи коней.

А впереди, по звонким льдинам
Гремя тяжелой чешуей,
Ливонцы едут грозным клином —
Свиной железной головой.

Был первый натиск немцев страшен.
В пехоту русскую углом,
Двумя рядами конных башен
Они врубались напролом.

Как в бурю гневные барашки,
Среди немецких шишаков
Мелькали белые рубашки,
Бараньи шапки мужиков.

В рубахах стиранных нательных,
Тулупы на землю швырнув,
Они бросались в бой смертельный,
Широко ворот распахнув.

Так легче бить врага с размаху,
А коли надо умирать,
Так лучше чистую рубаху
Своею кровью замарать.

Они с открытыми глазами
На немцев голой грудью шли,
До кости пальцы разрезая,
Склоняли копыа до земли.

И там, где копыа пригибались,
Они в отчаянной резне
Сквозь строй немецкий прорубались
Плечом к плечу, спиной к спине.

Онцыфор в глубь рядов пробился,
С помятой шеей и ребром,
Вертясь и прыгая, рубился
Большим тяжелым топором.

Семь раз топор его поднялся,
Семь раз коробилась броня,
Семь раз ливонец наклонялся
И с лязгом рушился с коня.

С восьмым, последним по зароку,
Онцыфор стал лицом к лицу,
Когда его девятый сбоку
Мечом ударил по крестцу.

Онцыфор молча обернулся,
С трудом собрал остаток сил,
На немца рыжего рванулся
И топором его скосил.

Они свалились наземь рядом
И долго дрались в толкотне.
Онцыфор помутневшим взглядом
Заметил щель в его броне.
С ладони кожу обдирая,

Пролез он всею пятерней
Туда, где шлем немецкий краем
Неплотно сцеплен был с броней.
И при последнем издыханье,

Он в пальцах, жестких и худых,
Смертельно стиснул на прощанье
Мясистый рыцарский кадык.
Уже смешались люди, кони,

Мечи, секиры, топоры,
А князь по-прежнему спокойно
Следит за битвою с горы.
Лицо замерзло, как нарочно,

Он шлем к уздечке пристегнул
И шапку с волчьей оторочкой
На лоб и уши натянул.
Его дружинники скучали,

Топтались кони, тлел костер.
Бояре старые ворчали:
«Иль меч у князя не остер?
Не так дрались отцы и деды

За свой удел, за город свой,
Бросались в бой, ища победы,
Рискуя княжьей головой!»
Князь молча слушал разговоры,

Насупясь на коне сидел;
Сегодня он спасал не город,
Не вотчину, не свой удел.
Сегодня силой всенародной

Он путь ливонцам закрывал,
И тот, кто рисковал сегодня, —
Тот всю Русью рисковал.
Пускай бояре брешут дружно —

Он видел все, он твердо знал,
Когда полкам засадным нужно
Подать условленный сигнал.
И, только выждав, чтоб ливонцы,

Смешав ряды, втянулись в бой,
Он, полыхнув мечом на солнце,
Повел дружину за собой.
Подняв мечи из русской стали,

Нагнув копейные древки,
Из леса с криком вылетали
Новгородские полки.
По льду летели с лязгом, с громом,

К мохнатым гривам наклоняясь;
И первым на коне огромном
В немецкий строй врубился князь.
И, отступая перед князем,

Бросая копья и щиты,
С коней валились немцы наземь,
Воздев железные персты.
Гнедые кони горячились,

Из-под копыт вздымался прах,
Тела по снегу волочились,
Завязнув в узких стременах.
Стоял суровый беспорядок

Железа, крови и воды.
На месте рыцарских отрядов
Легли кровавые следы.

Одни лежали, захлебнувшись
В кровавой ледяной воде,
Другие мчались прочь, пригнувшись,
Трусливо шпора лошадей.

Под ними лошади тонули,
Под ними дыбом лед вставал,
Их стремена на дно тянули,
Им панцирь выплыть не давал.

Брело под взглядами косыми
Немало пойманных господ,
Впервые пятками босыми
Прилежно шлепая об лед.

И князь, едва остыв от свалки,
Из-под руки уже следил,
Как беглецов остаток жалкий
К ливонским землям уходил.

[3, 261—283]

1937

Летопись

Ледовое побоище. И пошел с братом своим Андреем и с новгородцами и с суздальцами на немецкую землю с великой силой, чтобы немцы не хвалились, говоря: «Унизим словенский язык».

Уже город Псков был взят и тиуны немецкие посажены в городе. Великий же князь Александр занял все пути ко Пскову и взял внешни город, и, захватив немцев и чудь и наместников немецких, в оковах заточил в Новгороде, а город Псков освободил от плена, а землю немецкую повоевал и пожег и взял много пленных, а иных перебил. Они же собрались, говоря с гордостью: «Пойдем на Александра и, победив, возьмем его в плен». Когда немцы приблизились, стража великого князя Александра удивилась силе немецкой и ужаснулась. Князь же великий Александр, помолившись в церкви святой Трои-

цы, пошел в землю немецкую, желая отомстить за кровь христианскую.<...>

Был же тогда день субботный, а на восходе солнца сошлись оба войска.

И была здесь злая и великая сеча для немцев и чуди, и слышен был треск ломающихся копий и звук от ударов мечей, так что и лед на замерзшем озере подломился, и не видно было льда, потому что он покрылся кровью...

И обратились немцы в бегство, и гнали их русские с боем как по воздуху, и некуда им было убежать, били их семь верст по льду до Суболицкого берега, и пало немцев 500, а чуди бесчисленное множество, а в плен взяли 50 лучших немецких воевод и привели их в Новгород, а другие немцы утонули в озере, потому что была весна. А другие убежали тяжело ранеными. Был же этот бой 5 апреля (1242 года).

[1, 67—68]

Комментарии

Прием Александром Невским папских послов в Новгороде (1251 г.). Победа на Неве принесла великую славу Руси и среди иноземцев. Важное значение она имела потому, что в случае победы шведов большая опасность грозила и вере православной.

Вскоре после торжества русского оружия на Неве князю Александру Невскому пришлось уехать из Новгорода. Горожане признавали Александра как военачальника, но не нравилось им, что он хотел править по своей воле, мало обращал внимания на вечевые порядки, заведенные в городе. Рассорившись с новгородцами, Александр Невский с семьей уехал к отцу в Переславль-Залесский. За время его отсутствия произошло немало бед. Ливонские немцы перешли в наступление на Балтийском побережье, покорили эстов и латышей, взяли Изборск, сожгли его и перебили все население — уничтожали всех, кто отказывался принять католическую религию. Псковская рать, направленная против рыцарей-меченосцев (крестоносцев), была разбита, вскоре пал и сам Псков. Продвигаясь к Новгороду, рыцари взяли городок Тесов и основали недалеко от побережья Финского залива крепость Копорье. Новгородцы, чувствуя смертельную опасность, обратились за помощью к прежнему своему защитнику, Александру Невскому. Видя русскую землю в опасности, Александр забыл прежние обиды, вернулся в Новгород и скоро освободил новгородскую землю от немецких рыцарей. Особенно сильное поражение нанес он им около Пскова, на льду Чудского озера 5 апреля 1242 года. Битва эта известна под названием «Ледовое побоище».

Г. И. Семирадский (1843—1902).

Прием Александром Невским папских послов в Новгороде. 1251 г.

Так же успешно боролся Александр Невский и с третьим врагом русской земли — Литвой. Слава о подвигах Александра распространилась не только по всей Руси, но и дошла до отдаленного Запада. Несмотря на неудачи крестоносцев в борьбе с русскими, римский папа Иннокентий IV не оставил мысли подчинить их себе, только обратился к другим средствам. Видя, что силой не навязать русским католичества, Папа отправил к Александру Невскому в Новгород посольство с богатыми дарами и льстивым собственноручным письмом. Во главе этого посольства стояли два хитрейших кардинала (высшие духовные лица в католической церкви, избравшие Папу) — Гальт и Гемонт, которые должны были вручить Александру послание от Папы с требованием принять ему и всему русскому на-

роду католическую веру, лживо утверждая, что покойный его отец князь Ярослав обещал это перед смертью его послу — Плано Карпини.

Прибыв в Новгород в 1251 году, кардиналы в красных мантиях, с блестящей свитой были приняты Александром Невским и митрополитом Киевским и всея Руси Кириллом на торжественной аудиенции.

Хитрые кардиналы, вручив Александру папское послание, стали уговаривать князя выслушать их учение и утвердить католичество, уверяя, что только отрекшись от Православия, он найдет помощь у Западных государей и тем спасет себя и свой народ от татар. Возмущенный Александр в ответ на льстивые речи разорвал послание от Папы и велел передать ему, что сам знает, какое вероисповедование лучше, и что он ни в чьей помощи не нуждается. Сообщив этот же ответ Папе в письме, Александр отправил кардиналов в Рим. Еще не раз поднимались против непокорного русского князя шведы и рыцари. Но и эти новые походы были безуспешны.

Александр Невский пользовался большой любовью на Руси. Глубока была скорбь после его смерти (1263 г.). Церковь причислила князя к лику святых.

Литература

1. *Епифанов П. П.* Хрестоматия по истории СССР (с древнейших времен до 1861 г.): Пособие для учителей / Сост. П. П. Епифанов, Москва : Просвещение, 1980.
2. Русская история в картинах (из изданий С. В. Рождественского и И. Д. Сытина) / Сост. и авт. текста В. И. Шевченко. — РИО. Мос. тип. № 2, 1996.
3. *Симонов К. М.* Стихотворения и поэмы. — Москва : Прима, 1982.
4. *Ян В. Г.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Юность полководца, Москва : Правда, 1989.

Монголо-татарское иго

Н. А. Заболоцкий

Рубрук в Монголии

(Отрывок из поэмы)

Начало путешествия
Мне вспоминается доньне,
Как с небольшой командой слуг,
Блуждая в северной пустыне,
Въезжал в Монголию Рубрук.

— Вернись, Рубрук! — кричали птицы.
— Очнись, Рубрук! — скрипела ель. —
Слепил мороз твои ресницы,
Сковала бороду метель.

Тебе ль, монах, идти к монголам
По гребням голым, по степям,
По разоренным этим селам,
По непроложенным путям?

И что тебе, по сути дела,
До измышлений короля?
Ужели вправду надоела
Тебе французская земля?

Небось в покоях Людовика
Теперь и пышно и тепло,
А тут лишь ветер воеет дико
С татарской саблей наголо.

Тут ни тропинки, ни дороги,
Ни городов, ни деревень,
Одни лишь Гоги да Магоги
В овчинных шапках набекрень!»

А он сквозь Русь спешил упрямо,
Через пожарища и тьму,

И перед ним вставала драма
Народа, чуждого ему.

В те дни, по милости Батыев,
Ладони выев до костей,
Еще дымился древний Киев
У ног непрошенных гостей.

Не стало больше песен дивных,
Лежал в гробнице Ярослав,
И замолчали девы в гривнах,
Последний танец отплясав.

И только волки да лисицы
На диком празднестве своем
Весь день бродили по столице
И тяжелели с каждым днем.

А он, минуя все берлоги,
Уже скакал через Итиль
Туда, где Гоги и Магоги
Стада упрятали в ковыль.

Туда, к потомкам Чингиз-хана,
Под сень неведомых шатров,
В чертог восточного тумана,
В селенье северных ветров!

Дорога Чингиз-хана
Он гнал коня от яма к яму,
И жизнь от яма к яму шла
И раскрывала панораму

Земель, обугленных дотла.
В глуши восточных территорий,
Где ветер бил в лицо и грудь,
Как первобытный крематорий,

Еще пылал Чингизов путь.
Еще дымились цитадели
Из бревен рубленных капелл,
Еще раскачивали ели

Останки вывешенных тел.
Еще на выжженных полянах,
Вблизи низинных родников
Виднелись груды трупов странных

Из-под сугробов и снегов.
Рубрук слезал с коня и часто
Рассматривал издалека,
Как, скрючив пальцы, из-под наста

Торчала мертвая рука.
С утра не пивши и не евши,
Прислушивался, как вверху
Визгливо вскрикивали векши

В своем серебряном меху.
Как птиц тяжелых эскадрильи,
Справляя смертную кадриль,
Кругами в воздухе кружили

И простирались на сто миль.
Но, невзирая на молебн
В крови купающихся птиц,
Как был досель великолепен

Тот край, не знающий границ!
Европа сжалась до предела
И превратилась в островок,
Лежащий где-то возле тела

Лесов, пожарищ и берлог.
Так вот она, страна уныний,
Гиперборейский интернат,
В котором видел древний Плиний

Жерло, простершееся в ад!
Так вот он, дом чужих народов
Без прозвищ, кличек и имен,
Стрелков, бродяг и скотоводов,

Владык без тронов и корон!
Попарно связанные лыком,
Под караулом, там и тут
До сей поры в смятенье диком

Они в Монголию бредут.
Широкоскулы, низки ростом,
Они бредут из этих стран,
И кровь течет по их коростам,
И слезы падают в туман.

[2, 348—351]

1958

Чингиз-хан

(Отрывки из романа)

«Хорошо в степях Керулена!»

На площади перед главной мечетью задымили костры, в котлах зашипели бараньи курдюки, рис и накрошенное мясо.

Чингиз-хан сидел на шелковых подушках на высокой площадке перед входом в мечеть. Около него теснились военачальники и телохранители. В стороне бухарские музыканты и хор разноплеменных девушек, приведенных бухарскими стариками, играли на разных инструментах и выбивали дробь на бубнах и барабанах.

Знатнейшие имамы¹ и улемы² сторожили монгольских коней, подбрасывая им охапки сена. Переводчик Чингиз-хана Махмуд-Ялвач сидел неподалеку от кагана, настороженно следя за всем; позади него три писца из бывших его приказчиков, сидя на пятках, быстро писали на полосках цветной бумаги распоряжения или пропуска через монгольские посты.

Монгол в длинной шубе до пят, обвешанный оружием, пробрался через ряды сидевших и, наклонясь к уху Махмуд-Ялвача, пробурчал ему:

— Мой разезд задержал двух людей — одного вроде шамана, в высоком колпаке, другого мальчика. Когда мы хотели их прикончить, старший сказал по-нашему: «Не трогай нас! Махмуд-Ялвач наш приемный отец — аньда...» Так как нам приказано шаманов и колдунов щадить, да еще он «аньда», я приказал их пока не трогать. Что прикажешь с ними делать?

— Приведи их сюда!..

Монгол привел Хаджи Рахима и мальчика Тугана. Махмуд-Ялвач жестом руки приказал им сесть на ковре рядом с писцами.

Чингиз-хан никогда, даже на хмельном пиршестве, не терял ясности ума и все подмечал. Он взглядом сделал знак Махмуд-Ялвачу, и тот подошел.

— Что за люди?

— Когда, по твоему повелению, я проезжал через пустыню и меня ранили разбойники, этот человек вернул мне жизнь. Разве я не должен позаботиться о нем?

— Разрешаю тебе за это его возвеличить. Объясни мне, почему у него такой высокий колпак?

¹ Имам — у мусульман руководитель богослужения в мечети.

² Улемы — сословие мусульманских богословов и законовевов (араб.).

— Это мусульманский искатель знаний и певец. Он умеет вертеться волчком и говорить правду. Таких людей простой народ почитает и дает им подарки.

— Пускай он повернется передо мной волчком. Посмотрю, как пляшут мусульмане.

Махмуд-Ялвач вернулся на свое место и сказал дервишу:

— Наш повелитель приказал, чтобы ты ему показал, как пляшут вертящиеся дервиши. Ты знаешь, что, не исполнив воли Чингиз-хана, ты потеряешь голову. Постарайся, а я буду играть тебе.

Хаджи Рахим положил на ковер сумку, миску, кяшкуль¹ и посох. Он покорно вышел на середину круга между пылающими кострами. Он встал так, как это делают дервиши в Багдаде, — раздвинул руки, правая ладонь пальцами вниз, а левая рука ладонью вверх. Дервиш несколько мгновений ждал. Махмуд-Ялвач заиграл на свирели жалобную песенку, переливавшуюся то как всхлипывание ребенка, то как тревожный крик иволги. Музыканты тихо ударили в бубны. Дервиш бесшумно двинулся по кругу, скользя по старым каменным плитам, и одновременно стал вертеться, сперва медленно, потом все ускоряя темп; его длинная одежда раздувалась пузырем. Все жалобнее и тревожнее пела свирель, то замолкая, когда гудели одни бубны, то снова начиная всхлипывать.

Наконец дервиш быстро завертелся на одном месте, как волчок, и упал ничком на ладони.

Нукеры² подняли его и положили около писцов. Чингиз-хан сказал:

— Жалую бухарскому плясуну чашу вина, чтобы разум вернулся в его закрутившуюся голову. А все же наши монгольские плясуны прыгают выше и песни поют и громче и веселее. Теперь мы желаем послушать монгольских песенников. <...>

Мальчик продолжал:

С гор снеговых поток вливался в Зеравшан.

Клубился черный дым, померкли небеса.

Лишь слышен жалкий плач детей и пленных жен:

И братья и отцы — все полегли в боях!

Снова хор девушек повторил припев:

Лишь слышен жалкий плач детей и пленных жен:

На-а! На-а! На-а!

И опять все бухарские старики отчаянным воплем подхватили:

О Хорезм! О Хорезм!

Только один хорезмиец, Махмуд-Ялвач, сидел молча и косился на стариков, холодный и настороженный.

¹ Кяшкуль — миска для подаваний в виде лодочки, изготавливаемая обычно из коcosового ореха.

² Нукеры — дружинники на службе знати XII—XIII вв. в Монголии.

— Что поет этот мальчик? — спросил его, еще всхлипывая, Чингиз-хан. — И почему так воют эти старики?

— Они поют так, как ты любишь, — объяснил Махмуд-Ялвач. — В этой песне оплакивается гибель их родины. А все старики стонут: «О Хорезм!» — и плачут, что их былая слава пропала.

Темное лицо Чингиз-хана собралось в сеть морщинок, рот растянулся в подобие улыбки. Он вдруг захохотал, точно лаял большой старый волкодав, и захолопал большими ладонями по грузному животу.

— Вот это для меня веселая песня! Хорошо воет мальчишка, точно плачет! Пусть плачет вся вселенная, когда великий Чингиз-хан смеется!.. Когда я сгибаю непокорную голову под мое колено, я люблю смотреть, как мой враг стонет и молит о пощаде, а слезы отчаяния текут по его исхудалым щекам. Мне нравится такая жалобная песня! Хочу часто ее слушать. Откуда этот мальчишка?

— Это не мальчик, а бухарская девушка, Бент-Занкиджа. Она умеет хорошо читать и писать и потому ходит в чалме, завязанной так, как ее носят ученые писцы. Она была переписчицей книг у шахского летописца.

— Такая девушка — редкая пленница! Пусть она всегда поет свою жалобную песню на моих пирах, и чтобы все мусульмане при этом плакали, а я радовался! Мы приказываем всех взятых в Бухаре девиц раздать моим воинам, а эту девицу возить повсюду со мною.

— Будет сделано, великий!

Чингиз-хан встал. Сидевшие вокруг монголы разом поднялись и выплеснули недопитые чаши на землю «в честь бога победы».

— Я еду дальше, — сказал Чингиз-хан. — Подайте мне коня. Таир-хан останется в этом городе наместником, и все должны ему подчиняться.

Освещенный заревом костров и бледным светом полумесяца, Чингиз-хан поднялся на широкогрудого саврасого коня. Телохранители побежали между кострами к своим коням, которых стерегли бухарские старики, и через несколько мгновений вереница всадников, гремя копытами по каменным плитам, потянулась через площадь, въезжая в темную улицу.

Битва началась

<...> В полдень этого черного дня киевляне стали лагерем на высоком берегу Калки. Они, как обычно, поставили кругом повозки, когда мимо них пронеслась лавина обезумевших половецких всадников.

Одиннадцать князей, бывших в киевском войске, сказали:

— Здесь наша смерть! Станем же крепко!

Они перецеловались друг с другом и постановили биться до последнего вздоха.

Киевляне теснее сдвинули повозки, оградились красными щитами и залегли за колесами. Они поражали налетевших татар стрелами, отбивались мечами и секирами.

«И бысть сеча зла и люта...»

Тучи пыли носились над широкой высохшей равниной, и где особенно клубилась пыль, там рубились люди, мчались кони без всадников, раздавались стоны раненых, крики ярости, треск барабанов, пронзительные звуки труб.

Субудай-багатур¹ находился на холме, окруженный сотней отборных тургаудов². Он посылал всадников узнать: «Как держатся багатуры³? Не видать ли свежих русских войск? Не грозит ли откуда-нибудь беда?» Но гонцы возвращались и говорили, что монголы всюду одолевают, что урусы отступают к Днепру, бьются, падают, раненые продолжают отбиваться, но ни один не просит пощады, ни один не сдается в плен.

— Волчья порода! — сказал Субудай. — Волчья им смерть!

Узнав, что киевское войско окружило себя повозками, отстреливается и отбивается, Субудай посылал на этот лагерь отряд за отрядом, приказывая: «Опрокинуть телеги! Прорвать кольцо! Поджечь кругом степь!»

Монголы, напирая на русские заслоны, метали копья, натягивали большие луки, пускали меткие стрелы с закаленными иглами на конце, подкатывали зажженные связки сухого камыша — но русские держались так же стойко, сбивая стрелами и камнями подлетающих близко всадников, и татары не могли сломить русскую силу.

По приказу Субудая на русский лагерь двинулись, спешившись, сбродные спутники монголов из разных племен; они взбирались на телеги, размахивая булавами и кривыми мечами, издавая дикие вопли и подбадривая друг друга. Русские встретили их ударами топоров на длинных рукоятках, мечами и дубинами и сбивали нападавших, которые валились с разбитыми черепами.

На третий день Субудай призвал старшину бродников Плоскиню. Он пришел почерневший, худой от голода. Высокий, сильный, Плоскиня теперь еле шел. Два монгола стояли сзади него и покалывали ножами, чтобы Плоскиня двигался вперед. Субудай сказал:

— Поди к своим братьям урусам и уговори, чтобы они побросали мечи и топоры. Пусть уходят домой. Мы их не тронем. За это получишь от меня свободу.

¹ Рашид ад-Дин.

² Тургауды — телохранители.

³ Багатур — рыцарь-воевода.

Плоскиня, придерживая рукой цепь от ножных кандалов, направился к русскому лагерю. Два монгола шли следом за ним и держали конец сыромятного ремня, накинутого на шею Плоскини. Он остановился в нескольких шагах от русских телег. Русские поднялись на телеги и с удивлением смотрели на странного истощенного человека с тяжелой колодкой на шее. Некоторые его узнали: «Это Плоскиня-лошадник, он пригонял в Киев табуны половецких коней и был у половецких ханов переводчиком!»

Плоскиня начал кричать русским:

— Мне приказал хан татарский, Субудай-богатырь, сказать вам, чтобы вы больше зря не бились. Если вы ихней милости покоритесь, то они вас на все четыре стороны отпустят. Только побросайте все ваше добро — тулупы, повозки и топоры. Все это татарам нужно за их хлопоты, потому в походах очень они поиздержались.

— Да врешь ты все, пустобрех Плоскиня, как врал на торжищах, когда продавал нам запаленных коней!

— Не слушайте его! — кричали старые воины. — Лучше выйти вместе с мечами и пробиваться к Днепру. Хоть половина доберется до избы, а так, без топоров или мечей, мы все в степи поляжем!

Но Плоскиня клялся, что говорит правду, снял нательный крест, целовал его, плакал и говорил:

— Могу ли я говорить иначе, если татары меня сзади ножами подкалывают!

А татары кивали головами и подтверждали, подымая большой палец, что правильно говорит их переводчик.

Несмотря на возражения старых воинов, все же великий князь киевский Мстислав Романович приказал сдавать татарам оружие. Тогда киевские воины стали прощаться друг с другом, кланяясь в пояс, и выходили поодиночке, бросая оружие в одну кучу. Первым делом воины побежали к реке — три дня они не пили воды. Когда же последние воины вышли из лагеря и в пыли потянулись к шляху, разминая плечи и радуясь, что увидят родину, татары стали их нагонять и беспощадно рубить.

Теперь в пустынной бескрайней степи, без оружия, гибель всем казалась неминуемой. Русь далеко, и помощи ждать неоткуда!

Монголы выделили одиннадцать князей, бывших вместе с князем киевским. Они пригласили их на пир к хану Субудай-багатуру. Всадники окружили их тесным кольцом и повели в татарский лагерь.

Субудай-багатур с сотней телохранителей-тургаудов проезжал в стороне от киевского лагеря и наблюдал за бойней. Безоружные урусы бились как могли, бросая камни и комья сухой земли. Раненые схватывались с татарами, стаскивали их с седел, вырывая их кривые мечи, и снова бились. Один высокий урус, принесся из ла-

геря оглоблю, бился ею, как дубиной, хотел ударить подъехавшего всадника, и удар пришелся по голове коня. Конь взвился на дыбы и упал вместе с монголом. Урус набросился на лежавшего, вырвал его меч, зарубил, и, вскочив на коня, продолжал биться мечом. Туча пыли все закрыла.

Но силы были неравные, и монголы одолевали.

Субудай-багатур въехал на холм и оттуда продолжал наблюдать за передвижением по шляху всадников; он первый заметил, что с севера движутся три тучи пыли.

— Что это? — спросил Субудай, показав пальцем на север.

— Это возвращаются монголы Тохучара! — заговорили тургауды. — Это кипчаки¹ гонят быков!

— Нет, это идет свежее войско! — сказал Субудай. — Трубите сбор! Сзывайте скорее всех воинов! Довольно сдирать сапоги с мертвых урусов! Будет новый бой!

Пронзительно задребезжали трубы. В нескольких местах, где шла свалка, ответили сигналами другие монгольские трубачи. Некоторые монгольские всадники, оставляя дорогу, где отбивались русские, вскачь неслись к холму, где виднелись пятихвостый бунчук Субудая и неподвижный, как каменный идол, полководец на коне.

А с севера, из степи, все ближе надвигались три облака пыли. Потом пыльные тучи отделились от земли, поплыли в воздухе и медленно рассеялись. Субудай молча смотрел в ту сторону. Его тургауды вполголоса заговорили:

— Идут три отряда. Кто это? Если не кипчаки, то это урусские всадники. Там впереди камыши. Они теперь идут через болото, оттого и пыль кончилась. Смотрите, вот и они!

На полях, за которыми тянулись камыши, среди зарослей показались первые всадники на белых и рыжих конях. Появляясь со всех сторон, вырастая точно из земли, группы всадников все сгущались и вскоре заполнили равнину.

Некоторое время всадники спокойно оставались на месте, точно приводя свои ряды в порядок. Всадники растягивались полукругом, показались три треугольных знамени — черное с золотом посредине и два красных по сторонам.

Татары, рубившие безоружных киевлян на шляху, окруженные густой пылью, долго не замечали прибытия нового войска, и свалка продолжалась, постепенно подвигаясь на запад, к Днепру.

Вдруг середина прибывшего войска рванулась вперед и помчалась с оглушительным криком, направляясь в самую гущу боя.

¹ Кипчаки (половцы) — тюркоязычный народ, живший в XI в. в южно-русских степях.

Правое крыло оторвалось и понеслось дальше, все ускоряя бег, направляясь к тому холму, где находился Субудай-багатур.

Старый полководец колебался только несколько мгновений. Он крикнул: «За мной!» Хлестнув иноходца, он быстро спустился с холма и понесся в ту сторону, где стояли войска Тохучара. Там было пусто — Тохучар принял участие в битве, — и Субудай неся все дальше. Но русские его не преследовали. Они сделали полукруг и помчались, вздымая тучи пыли, выручать уходивших к Днепру киевлян.

Субудай остановился, разослав гонцов-нукеров сзывать растянувшиеся по шляху монгольские войска, приказывая немедленно возвращаться к берегам реки Калки.

— Пока победа на нашей стороне, — сказал старый полководец. — Урусы плодovitое, упорное племя! Из степи может еще появиться войско урусов и отрежет нам возвращение на родину. Пора поворачивать коней!

Джебэ-нойон¹ во главе трехсот всадников, меняя коней, без передышки проскакал до Днепра. Сопровождавший его как переводчик бродник Плоскиня расспрашивал раненых русских:

— Где Мстислав Удатный?

Некоторые отвечали, что видели его мчавшимся как буря на чертовском сивом коне.

На берегу Днепра Джебэ заметил отплывавшую черную лодку. В ней алел плащ Мстислава. Князь сидел на корме и поддерживал за повод пльвшего за лодкой коня. В лучах вечернего солнца ярко блестел золотой шлем Мстислава, но он не оглядывался на оставленный им «злой берег».

Джебэ наставил лучшую стрелу и натянул тугой лук. Стрела, не долетев до лодки, плеснула по воде. Джебэ соскочил с коня, упал грудью на землю и, обхватив руками голову, в ярости грыз пожелтевшую сухую траву.

Он встал, посмотрел еще раз на удаляющуюся лодку с алым плащом и, не зная, на ком сорвать свое бешенство, выхватил кривой меч и на несколько частей рассек теперь ему ненужного закованного бродника Плоскиню.

Джебэ вскочил на рыжего коня и, свернув в степь, поскакал обратно, удаляясь от шляха, где в черных тучах пыли продолжались последние схватки и передвигались тысячи людей.

...В битве при Калке и на длинном Залозном шляхе погибло много славных русских богатырей и рядовых удальцов. Они пали, выручая безоружных киевских воинов, избиваемых татарами, которые поклялись не сделать сдавшимися урусам зла. Русские люди не забудут сложивших головы в этом бою ростовского богатыря Алешу

¹ Нойон — предводитель древних монгольских аристократических родов.

Поповича и его верного щитоносца Торопа, рязанского богатыря Добрыню Золотой Пояс, молодого помощника Алеши — славного Екимы Ивановича и других суздальских, муромских, рязанских, пронских и иных храбрых северных витязей¹.

Русские отряды, пробивавшиеся смело, не бросая оружия, дошли до Днепра, где ожидавшие лодки перевезли их на другую сторону. Те же, что поверили татарским уговорам и побросали мечи и топоры, почти все были перебиты, как говорит старая песня:

Серым волкам на растерзание,
Черным воронам на вознаграенье...

Так по вине недалновидных, завистливых и враждовавших между собой князей, не пожелавших соединить свои силы в единое, крепко спаянное русское войско, Залозный шлях вместо пути великой победы стал «слезным шляхом», — отважные русские ратники усеяли его своими белыми костями, полили своей алой кровью.

Татарский пир на костях

*...А князей имаше, издавиша и покладаше
под доски, а сами верху седоша
обедати. И тако князи живот
свой скончаша.*

Троицкая летопись

На берегу Калки, на высоком кургане, Субудай-багатур созвал всех своих тысячников и сотников на торжественное моление богу войны Сульдэ. Этого потребовал угрюмый лохматый шаман Бэки. В остроконечной шапке, с медвежьей шкурой на плечах, обвешан-

¹ В 1223 году, зимой, в Суздальской земле, в «славном Ростове, красном городе», был съезд и совещание дружинников, служивших у разных князей. Все говорили, что на Руси «великое неустроение», что князья друг с другом не ладят и, на радость половцам, ляхам и другим иноземцам, в этих усобицах князья гонят дружинников и своих мужиков избивать друг друга.

На этом съезде дружинники «положили ряд» (заключили договор) — ехать им всем в древнюю мать русских городов Киев и там служить только одному великому князю киевскому. Дружинники двинулись после съезда из Суздальской земли на юг к Киеву.

Услышав уже в пути, что все южные князья вместе с князем киевским пошли к Синему морю (Азовскому) походом на «татар хана Чагониза», весь отряд дружинников свернул с главного пути в южные степи и малоезжими дорогами направился на соединение с ушедшим вперед русским войском.

Калмиусской тропой северные витязи прибыли к Залозному шляху в тот кровавый день, когда татары, отняв на честное слово оружие от киевских воинов, стали избивать безоружных.

Северные богатыри погибли в схватке с татарами, но дали возможность растянувшимся по шляху русским воинам восстановить порядок и, успешно отбивая натиск татар, добраться до Днепра.

ный ножичками, куклами и погремушками, старый колдун ударял колотушкой в большой бубен и, приплясывая, ходил по кругу, где в середине лежали связанные Мстислав Романович, великий князь киевский, и другие одиннадцать доверчивых русских князей.

Покачивая головами и причмокивая, татары их осматривали и жалели, что среди пленных не хватало «князя Мстислаба» — очень им хотелось посмотреть на прославленного «русского Джебэ».

Шаман Бэки выкрикивал молитвы и, прижав к волосатому лицу бубен, то свистел дроздом, то гукал, как филин, то рычал, как медведь, или завывал волком — это он «беседовал» с могучим богом войны Сульдэ, подарившим монголам новую победу.

— Слышите, как гневается бог Сульдэ? — ревел шаман. — Сульдэ опять голоден, он требует человеческой жертвы!..

Тысячи татарских воинов расположились на равнине вокруг кургана. Они развели костры и кололи молодых кобылиц.

Татары принесли оглобли и доски, оторванные от русских повозок, и навалили их на связанных князей. Триста татарских военачальников уселись на этих досках. Подымая чаши с кумысом, они восхваляли грозного бога войны Сульдэ, покровителя монголов, и славили непобедимого Потрясателя вселенной краснобородого Чингиз-хана. Отказавшись от денег за выкуп знатнейших русских князей, татары жертвовали богу Сульдэ этих пленных, дерзнувших вступить в бой с войсками «посланного небом» Чингиз-хана. Багатуры гоготали, когда из-под досок неслись стоны и проклятия раздавленных князей. Стоны и крики постепенно затихли, и их заглушила ликующая песня монгольских воинов:

Вспомним,
Вспомним степи монгольские —
Голубой Керулен,
Золотой Онон!
Сколько,
Сколько монгольским войском
Втопано в пыль
Непокорных племен!..
Мы бросим народам
Грозу и пламя
Несущие смерть, Чингиз-хана сыны.
Пески
Сорока пустынь за нами
Кровью трусов Обагрены.

Во время пиршества встал полководец Тохучар-нойон, и просвистел сигнал, сзывающий стрелков на облавной охоте. Все затихли,

услышав знакомый призыв. Тохучар поднялся и стал кричать воинам:

— Великий каган Чингиз-хан — самый мудрый из людей! Он все предвидит и за сто дней и за сто тысячу лет. Он послал меня за вами с туменом¹ храбрецов, чтобы я разыскал непобедимых тигров — Джебэ-нойона и Субудай-багатура. Каган сказал мне, что лучший вам от него подарок — это прислать воинскую подмогу в день битвы.

— Верно, верно! — воскликнули монголы.

— Нигде не останавливаясь, мы проходили разные страны. Всюду мы видели следы несокрушимого монгольского клинка. Мы спрашивали: «Где славные багатуры Джебэ и Субудай?» Испуганные жители, падая на колени, махали руками на запад. Мы примчались сюда перед началом битвы, и в нее врезались мои десять тысяч всадников. Соединившись с вами, мы быстро разгромили длиннобородых урусов.

— Слава тебе, Тохучар! Ты прибыл вовремя!

Тохучар продолжал:

— Великий владыка мира Чингиз-хан подумал о вас и через меня прислал свою волю. Его священное письмо привез нарочный гонец. Десять тысяч моих всадников оберегали меня, как драгоценный алмаз, и доставили невредимым сюда. Смотрите, вот он!

К Субудай-багатуру подошел старый кривоногий монгол, увешанный бубенчиками, в шапке с соколиными перьями. Из-за пазухи он достал кожаную трубку. В ней хранился запечатанный свиток. Скрюченными пальцами Субудай отодрал восковую печать. Седобородый писарь в мусульманской чалме развернул свиток, прочел написанное про себя, пошептал на ухо Субудая. Тот встал и закричал:

— Великий каган повелевает! С почтением внимайте!

Все военачальники разом поднялись. Видя это, вскочили остальные татары. Начальники повалились на землю, и за ними воины всего лагеря упали ничком. Подняв голову, они кричали:

— Великий каган приказывает! Мы покоряемся!

Субудай-багатур продолжал:

— Единственный и непобедимый начертал такие слова:

«Когда письмо получите, поворачивайте обратно морды коней. Приезжайте на курултай² обсудить покорение вселенной.

Бог на небе, каган — божья сила на земле. Печать повелителя скрещения планет, владыки всех людей».

¹ Тумен — высшая организационно-тактическая единица монголо-татарского войска в XII—XIV вв. численностью 10 тыс. воинов.

² Курултай — совет знатнейших феодалов правящего рода. Присутствовали так же главные военачальники.

Субудай обвел взглядом склоненные к земле спины монголов и поднял руку.

— Теперь говорить буду я!.. Меня слушайте!

Все выпрямились и, стоя на коленях, затаив дыхание, смотрели на «барса с отгрызенной лапой».

— Сегодня мы еще повеселимся, а завтра, после восхода солнца, мы все отправимся назад, к золотой юрте нашего владыки. Кто промедлит — будет раздавлен!

Все воины завывали от радости и, снова усевшись, с криками и песнями продолжали пиршество.

[5, 158—160, 163—164, 281—289]

Летопись

Разорение русской земли полчищами Батыя.

Восстание против завоевателей в 1262 г.

В лето 1236. Той же осенью пришли из восточной стороны в Болгарскую землю безбожные татары и взяли славный Великий город Болгарский, и перебили оружием (всех жителей) от старца и до юного и до сущего младенца, и захватили много имущества, а город их сожгли огнем и всю землю их пленили...

В лето 1237. Зимой пришли из восточной стороны на Рязанскую землю лесом безбожники татары и начали воевать Рязанскую землю и захватили ее до Пронска, попленили Рязань всю и сожгли и князя их убили. Схваченных же одних рассекали, других стрелами расстреливали, а иным назад руки связывали. Много же святых церковей огню предали, монастырей и сел сожгли... потом пошли на Коломну. В ту же зиму. Пошел Всеволод сын Юрьев, внук Всеволода, против татар, и сошлись около Коломны, и была сеча великая, и убили у Всеволода воеводу Еремея Глебовича и иных мужей много... и прибежал Всеволод во Владимир с малой дружиной, а татары пошли к Москве. В ту же зиму взяли Москву татары и воеводу убили Филиппа Нанка, (павшего) за правоверную христианскую веру, а князя Владимира Юрьевича схватили руками, а людей от старца и до сущего младенца перебили, а город и церкви святые, и монастыри все, и села сожгли и, захватив много имущества, отошли. В ту же зиму. Выехал Юрий из Владимира с малой дружиной, оставив вместо себя сыновей своих Всеволода и Мстислава, и пошел на Волгу с племянниками своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Владимиром и стал на Сити станом, ожидая к себе брата своего Ярослава с полками и Святослава с дружиною своею.

[1, 53]

Евпраксия

(Отрывок из поэмы)

Но грозные татар полки,
Неистойой отваги полны,
Уже вдоль быстрья реки
Как шумные несутся волны.
С угрозой дикой на устах
Они готовы в бой кровавый.
Мечи с серебряной оправой
Сверкают в крепких их руках.
Богато убраны их кони -
Не медь и не стальные брони
От копий груди их хранят,
Но тонкие драгие ткани —
Добыча азиатской брани —
На персях хищников блестят.
Батый, их вождь, с булатом в длани
Пред ними на младом коне.
Колчан с пернатыми стрелами
Повешен на его спине,
И шаль богатыми узлами
Играет над его главой.
Взлелеянный среди разбоя,
Но пышной роскоши рукой,
Он друг войны и друг покоя
В дни праздности, в шуму пиров.
Он любит неги наслажденья
И в час веселый упоенья
Охотно празднует любовь.
Но страшен он в жару сраженья,
Когда с улыбкой на устах,
С кинжалом гибельным в зубах,
Как вихрь он на врагов стремится
И в пене конь под ним дымится.
Везде лишь вопли пораженных,
И звон щитов, и блеск мечей...
Ни младости безгрешных дней,
Ни старости седин почтенных
Булат жестокий не щадит.
И вдруг раздался стук копыт.
Отряды конницы славянской
Во весь опор стремятся в бой,
Но первый скачет князь рязанской
Роман, за ним Олег младой
И Евпатий, боярин старый
С седую длинной бородой.

Ударам вслед гремят удары.
Всех пылче юноша Олег.
То с левой стороны, то с правой
Блестит его булат кровавый.
Столь неожиданный набег
Привел моголов в изумленье.
Ужасны суздальцев набег.
Они летят, татары смяты
И, холодным ужасом объаты,
Бегут, рассеясь по полям.
Напрасно храбрый сын Батя,
Нагай, противится врагам
И всадников ряды густые
Один стремится удержать.
Толпой бегущих увлеченный,
Он сам невольню мчится вслед...
Так челн средь бури разъяренной
Мгновенно борется с грозой,
Мгновенно ветры презирает,
Но вдруг, умчавшись с быстротой,
Волнам сердитым уступает...

[3, 142—143]

1824

В. Г. Ян

Княгиня Евпраксеюшка

(из романа «Батый»)

Проходили дни, а от посольства, отправившегося к татарам, все не было вестей. В Рязани стали тревожиться не на шутку. «Что с послами? Почему не шлют гонцов? Скоро ли приедут?»

Княгиня Евпраксеюшка места себе не находила:

— Зачем я отпустила Феодора? Почему не упростила его взять меня с собой? Берегла бы его там.

Часами просиживала она в высоком тереме. Без устали глядела в окно на далекую снежную равнину — не покажутся ли долгожданные путники!..

Но уныло простиралось бескрайнее поле, пустынное, неприветное. Напрасно искали темные глаза Евпраксеюшки, — не видно было поезда посольского. Туманились прекрасные глаза, бледнело молодое лицо. Заливаясь слезами, роняла она голову на беспомощные руки.

— Ну что ты, родная, убиваешься! — уговаривала ее старая нянька. — Ладно ли так? Приедет князь-батюшка, что скажет? Не уберegli тебя. Смотри, как исхудала!

— Измучилась я. Чует сердце беду.

— Полно, что ты! Еще накличешь.

Старуха торопливо крестилась и кланялась иконам в переднем углу.

Евпраксия, в тоске и тревоге бродя по хоромам, услышала озлобленные, раздраженные голоса и вошла в гридницу. Там собрались съехавшиеся на совет князя, бояре и воеводы. Они сидели и спорили, кричали, шумели. Один говорил одно, другой не соглашался, и решить ничего не могли. Ели и пили за длинным столом и снова принимались за споры.

— Надо еще раз послать гонцов во все большие города, — говорил угрюмый седой князь. — Надо собрать всех князей, весь народ, надо всем миром, сообща, идти против татарских полчищ.

— Соберешь вас! — возражал Юрий Ингваревич. — Посылал я во Владимир Суздальский к князю Георгию, а что толку? Даже не ответил!

— Неужто великий князь владимирский не оставит своей гордыни? Неужто не двинет свои полки на подмогу?

— Будет медлить! Наше разорение ему на руку: он давно хочет себе примыслить рязанские земли.

Старый князь, сдвинув брови, покачал белой головой:

— Пора бы оставить раздоры и ссоры. Каждого из нас в отдельности легко татары осият. Будем вместе стоять, тогда им с нами не справиться. Надо нам соединиться, одной головой думать!..

Молодой князь вспыхнул и вскочил с места:

— А этой головой не тебя ли назначить?

— Куда мне! Я стар!

— Знаю я тебя! Ты давно ищешь власти, а я к тебе под начал не пойду!

— Довольно ссориться! — вмешался Юрий Ингваревич. — Если к Батыге под начал попадем, хуже будет! Я мыслю выйти с моими рязанцами навстречу татарам в Дикое поле, чтобы задержать их там, пока из Владимира не подойдет подмога.

— Одних рязанцев больно мало, — возразил старый князь. — Надо поднять народ всей земли русской, призвать всех, и землян и городских...

— Что толку от простых смердов сиволапых! — запальчиво вставил слово один воевода.

— Может, больше толку, чем от иных воевод! — вызывающе ответил молодой князь.

Сидевшие вскочили и бросились друг на друга.

— Стыдитесь, князь! — успокаивал споривших князь Юрий. — Одумайтесь! Всем нам погибель грозит, а вы что делаете?

— А сам ты что сделал? — крикнул дерзкий голос.

— Я сына не пожалел, к татарам отправил! — с достоинством отвечал Юрий Ингваревич. — Бог знает, что с ним случилось! Нет ли беды? До сих пор нет вестей.

— Может, удалось ему уговорить царя Батыгу? Может, не пойдут на нас татары?

— А чего нам их бояться? Кто их видел? Может, и не страшны они вовсе?

Князья снова заспорили, снова зашумели, стараясь перекрыть друг друга.

Евпраксия постояла в дверях, послушала и печально вернулась в свой терем. Еще тоскливее стало на душе.

Упросила Евпраксия старушку позвать ворожею. Пришла гадалка в платке затейного узора. Зерно сыпала, воск лила, на тень смотрела.

— Скоро гость к тебе будет, княгинюшка! Подарков привезет заморских, радость тебе будет дивно хрушкая¹... Ты о чем все кручинишься? Твое сердце далеко, здесь нет его... Взял с собой его добрый молодец. Ты о нем не спишь ночи долгие? Успокойся: беда не грозит ему. Видишь — путь его ждет какой дальний. Ну, смотри сама, коль не веришь мне: вон соколик твой, а вон дорога длинная-преддлинная!..

Евпраксия смотрела, и неясная тень на белом полотенце казалась действительно милым обликом мужа. Обрадовалась Евпраксия. Отпустила ворожею, щедро одарив ее. Ободрилась и нянька:

— Видишь — правда моя! Говорила тебе — нечего раньше времени плакать! Вернется голубчик, князь наш. Чай, путь ему не близкий.

Позвала девушек Евпраксеюшка, работа закипела в ее проворных руках. Надо приготовить новое красивое платье для встречи мужа. Князь Феодор любил рядить ее, часто баловал свою княгинюшку, любовался ее красотой. Девушки с песнями мелкими стежками сшивали мягкий шелк, а Евпраксия взялась за вышивание, искусным узором покрывала цветными шелками атласную сорочку — подарок любимому мужу.

Работа спорилась дня два, потом снова выпала из рук. Напрасны были уговоры нянюшки, напрасно девушки старались развлечь княгиню. Снова тоскливо смотрела она на далекую безлюдную дорогу, снова лились из глаз непослушные слезы.

Старая княгиня, скрывая собственную тревогу, утешала любимую сноху. Даже невестки пытались развеселить ее, но Евпраксия никого не слушала. Бесцельно бродила она по опустевшим горницам и думала все ту же безрадостную думу: «От князей защиты не дождешься, а Феодора все нет!.. Придут татары. Кто укроет, кто

¹ Дивно хрушкая — очень большая.

заступится? Князья все спорят да ссорятся, каждый верховодить хочет. Погубят они землю русскую! Придут татары. Зарежут аль увокоут к себе».

Семена ножонками, подошел к ней сынишка. Крепко прижавшись к матери, поднял на нее отцовские глаза. Хоть и мал был, а чувствовало дитя, что у матери горе. Обняла Евпраксия любимца, с трудом сдержала слезы:

— Нет! Не отдам тебя татарам, Ванюшка! Не будет рабом татарским сын Феодора! Не будет татарской наложницей и жена его Евпраксеюшка!

Снизу послышался странный шум. Захлопали двери, раздался громкий вопль и рыдания.

Сердце оборвалось у Евпраксии. Не помня себя, с ребенком на руках, опрометью бросилась она вниз, вбежала в горницу. На руках у плачущих женщин билась старая княгиня Агриппина. Князь Юрий, казалось, потерял разум. Он рвал на себе одежду и кричал:

— Я виноват в его кончине! Я!..

Впереди стоял старый Апоница, верный слуга и пестун князя Феодора. В рваной и грязной одежде, с запекшимися кровавыми ранами, измученный и похудевший, он тоже заливался горькими слезами:

— Изрубили его, окаянные! Никого в живых не оставили! Меня отпустили вам поведать. На моих руках скончался наш соколик!

Евпраксия не закричала, не забилась в слезах и причитаниях. Молча повернулась и, прижимая к груди сына, вышла из горницы. Поднялась по витой лестнице в свой терем, подошла к окну, распахнула его и вместе с ребенком бросилась на черневшие внизу камни.

[5, 516—519]

Комментарии

Батыево нашествие. Западный поход монголов. В 1227 году Чингисхан умер, завещав монголам завоевать все земли, лежащие к западу от их родных степей, и дойти до «последнего моря» («моря франков»). В 1235 году на курултае было решено начать западный поход. Во главе монгольского войска встал внук Чингисхана Батухан (Батый). Его воинам предстоял долгий путь через Волжскую Болгарию, половецкие степи и Русь в западноевропейские королевства.

Нет надежных указаний о численности войск Батыя. В дореволюционной литературе говорилось о 300 тыс. человек. Но 300 тыс. монгольских всадников имели около миллиона лошадей. Прокормить такое количество животных при переходе через степи, особен-

но зимой, было крайне сложно. Поэтому современные ученые полагают, что войско Батые насчитывало не более 120—140 тыс. человек (во многих работах утверждается, что монголов было 30—40 тыс.).

Русь имела около 30 тыс. воинов, в большинстве своем пеших. Объединенной армии русских княжеств не существовало.

Монголо-татары в северо-восточной и северной Руси. В 1236 году монголы разгромили Волжскую Болгарию и подчинили живущих в Поволжье башкир и буртасов. После этого Батый повел часть воинов на Русь, а остальные двинулись на половцев. Весной 1237 года разбитые половцы во главе с ханом Котяном бежали в Венгрию и осели там, как некогда печенеги. Другие половцы слились с тюркоязычным населением завоеванных монголами земель.

Зимой 1237 года войско Батые подошло к границам Рязанского княжества. Хан потребовал у рязанских князей «десятой части от всего»: «каждого десятого из князей, десятого из людей и из коней». На что князья гордо ответили: «Когда нас всех не будет в живых, то все это ваше будет».

Рязанцы попросили помощи у Юрия Всеволодича, князя владимирского. Но тот подмоги не прислал, «задумав один сразиться с Батыем».

16 декабря Батый осадил Рязань. Завыли монгольские стрелы (восточные лучники прилаживали на древко свистки, которые в полете издавали протяжный звук). От горящих стрел запылали кровли. Защитники поливали врагов со стен горячей смолой, бросали на них ледяные глыбы и камни.

На шестой день осады, 21 декабря, монголо-татары подвели стенобитные машины и прорвались в город через пролом в стене. К вечеру столичный град Рязань перестал существовать: монголы сожгли его. (То, что мы ныне зовем Рязанью, до XX в. называлось Переяславль-Рязанский. Около старой Рязани, на самом берегу Оки, под городской горой теперь маленькое село Старая Рязань.) Все рязанские города и села были разорены.

В. Г. Ян

Батый

(Отрывки из романа)

Народный сполох

<...> — Доспевайте, православные! Не попустите окаянному царю Батыге владети русскою землею! — продолжал надрываться священник. — Все вступайте в большой полк князя Юрия Ингваревича!

— А куда идти-то? Где сбор? — прогудел Дикорос.

В толпе послышались возгласы:

— Где собираться? Кто поведет?

Священник ответил:

— Сейчас вам слово скажет дружинник князя рязанского, славный витязь Евпатий Коловрат! — Священник спрятал медный крест за пазуху и засунул замерзшие ладони в широкие рукава.

На паперть вбежал высокий воин в коротком полушубке и железном шлеме. На туго затянутом ремennom поясе была привешена длинная кривая сабля в зеленых ножнах. Он взмахнул боевым топориком с золотой насечкой и, выпрямившись, окинул толпу веселым взглядом. Затем низко поклонился на три стороны:

— Бью вам челом, крепкие ратники, медвежьи охотники, лихие удалыцы, узорочье и воспитание рязанское! Дайте мне слово сказать!

— Говори, говори, Евпатий! Слушаем!

— Знаю я, кто такие эти табунщики-татары! Своими глазами их видел, своими руками их прощупал и хребты им сам ломал. Да и мне они оставили немало рубцов на груди. Вот эта железная шапка и кривая сабля сняты с побитого князя татарского.

— Ишь какой наш Евпатий Коловрат!

— Двенадцать лет назад — многие из вас это помнят — ходил я вместе с ростовскими дружинниками против этих татарских лиходеев. Далеко мы зашли, к самому Синему морю, на Калке встретились с татарской ратью. Тогда нам впервой было видеть, как они налетают, как увертываются от боя, как бегут от нас, будто со страху, а сами заманивают нас на свою засадную рать. Здорово бьются, только не стойкие, чуть им что сразу не далось, удирают без оглядки и снова скопляются вдали.

Кудряш подтолкнул в бок Дикороса:

— Слышь, что татаровья делают? Нам бы не сплошать.

— С таким бы нам воеводой пойти, как наш медвежатник Евпатий! Вместе мы на медведей ходили, с ним будет нам сподручней и татар бить.

Евпатий сказал еще несколько горячих слов, призывая всех идти в Рязань, на княжий двор, и там присоединиться к большому полку. Он быстро сбежал с паперти и, проходя сквозь расступившуюся толпу, увидел Дикороса.

— Здорово, Савелий, — сказал он. — Небось воевать собрался?

— Вот и сына с собой веду. И соседи идут. В твоей дружине биться хотим.

— Возьму. Поспевайте в Рязань. Найдете меня на княжем дворе.

Два дружинника подвели большого горячего нравом коня. Евпатий вскочил на него и поскакал в сторону Рязани.

Рязанское вече

<...> Старая Рязань на высоком обрывистом берегу Оки, вся засыпанная снегом, казалась серебряной. Высокие земляные валы вокруг города и детинец¹ внутри, окруженный тыном и сторожевыми башнями, сложенный из столетних дубовых кряжей, делали город грозной, стойкой крепостью.

Что может угрожать Рязани? Почему так настойчиво гудит медный «вечник»? Опять свара князей? Опять пошлют мужиков бить друг друга, как двадцать лет назад на речке Липице? И для чего? Чтобы спихнуть со своей шеи одного князя и посадить другого? Пусть князья меж собой дерутся, зачем же гнать на бойню мужиков? <...>

Великий совет Чигизидов

Вечер был спокойный, без ветра. Легкий дождь прибил докучливую пыль. Кругом пылали костры, и доносился запах жареного бараньего сала.

Ханы подъезжали с пьяным смехом и грубыми возгласами. Они остановили коней в десяти шагах от большого золотисто-желтого шатра, — дальше их не пустили тургауды, преградив путь копьями. Ханы хотели гурьбой направиться к шатру, но три главных шамана встали перед ними:

— Проходите между огнями. Мы обкурим вас священным дымом. Он очистит сердца от злых помыслов, прогонит черных духов тьмы.

Часовые стояли двумя рядами по сторонам дорожки, ведущей к шатру. Ханы и их военачальники проходили медленно, останавливаясь около восьми жертвенников, сложенных из камней и глины. На них дымились костры. Шаманы размахивали опахалами, сплетенными из камыша, раздували огонь, стараясь, чтобы дым направился в сторону ханов. Другие шаманы колотили в бубны и громко распевали старинные заклинания.

У входа в шатер двое дозорных поддерживали копьями дверную занавеску и, наклонившись, наблюдали, чтобы входившие не коснулись ногой священного порога.

Внутри шатра, на высоких бронзовых подставках, горели светильники, распространяя аромат амбры, мускуса и алоэ. Кругом на разостланных пестрых коврах лежали сафьяновые и шелковые подушки. В глубине шатра с потолка спускалась, закрывая заднюю стенку, широкая малиновая шелковая занавеска, расшитая золотыми птицами и цветами.

¹ Детинец — Кремль, крепость (восточнослав.).

Субудай-багатур, в парадной китайской одежде, сверкая золотом, стоял у входа и приглашал входивших снимать оружие и складывать его у двери, затем проходить дальше и садиться по правую сторону. Менгу-хан и четыре брата Бату-хана расположились слева. За ханами садились их главные военачальники, знатнейшие нойоны и багатуры. <...>

Злая ночь

Бату-хан, сидя на пушистых шкурах, беседовал с верным своим советником Субудай-багатуром. Арапша почтительно остановился у входа.

— Злые боги урусотов испортили нам праздник, — говорил Бату-хан. — Они нагнали бурю, ливень и холод на моих храбрых воинов, чтобы напугать нас, чтобы не пустить нас в свои земли.

Резкий порыв ветра потряс стенки шатра. Бату-хан поднял голову:

— Слышишь, как ревет Итиль? А мы все же его переплыли!

Бату-хан умолк и снова прислушался к яростному реву волн. Сквозь шум непогоды донеслись спорящие голоса. Арапша вышел из шатра. Он вскоре вернулся:

— Какой-то незнакомый человек хочет видеть тебя, ослепительный! Он говорит, что знает важное.

— Пусть войдет.

Арапша приоткрыл дверь. Свистящий порыв ветра вырвал ее и швырнул в юрту дверную занавеску, обдав холодом и ледяными брызгами. Пламя заколебалось. Стало темно.

Но вскоре светильник, мигая, разгорелся. Тусклый огонь снова осветил юрту. У двери стоял высокий худой человек.

Незнакомец снял темный колпак с мокрым бобровым околышем и отряхнул его. Он шагнул вперед и опустился на ковер.

— Кланяюсь великому царю мунгалов! — проговорил он хриплым, низким голосом. — Слава твоя летит впереди твоего могучего войска.

— Будь гостем, — милостиво отвечал Бату-хан. — Что привело тебя сюда в такую непогоду?

Монголы с любопытством разглядывали ночного посетителя. Он говорил по-татарски, но не был похож на татарина. Большой нос с горбинкой придавал хищное выражение его худому и костлявому лицу. Из-под нависших густых бровей горели темные, глубоко сидящие глаза. Он часто проводил по длинной черной с проседью бороде узловатой, сухой рукой.

— Великий хан! Ты видишь перед собой не простого путника, а человека, рожденного богатым и сильным. Я великий князь — Глеб Владимирович рязанский!

Бату-хан прищурился:

— Ты посол из Резани, коназ Галиб? Почему же ты один?

Князь Глеб поморщился:

— Нет, великий хан! Не послом пришел я к тебе. Я пришел предложить тебе взять меня твоим союзником.

— Что это значит?

— Я знаю все дороги и города великой русской земли. Я буду тебе полезен.

— Субудай-багатур! Покажи коназу землю урусутов.

Субудай-багатур развернул на ковре лист пергамента.

— Вот, коназ, смотри: вот Итиль, вот твоя Резан, вот Ульдемир¹. Здесь все урусутские города, и реки, и дороги.

— Чертеж земель русских! Откуда? Как ты мог промыслить его?

— Я все могу! — Бату-хан положил руки на пергамент. — Вот так земля урусутов будет смята под моей рукой! Я заставлю всех покориться мне! Может, ты за этим пришел, урусутский коназ?

Князь Глеб, пораженный, молчал. Бату-хан продолжал, явно насмехаясь:

— Где же твои покорные нукеры? Где твой народ? Где твои подарки, великий коназ Галиб?

Князь Глеб потрянул полуседыми кудрями:

— У меня больше нет ни народа, ни дружинников, ни богатства! Враги отняли у меня все. Мне пришлось бежать. Уж много лет я живу изгнанником у половцев.

Бату-хан нахмурился:

— Чего же ты хочешь от меня?

— Я хочу помочь тебе разметать моих врагов.

— Кто твои враги?

— Князья, правящие теперь Рязанью.

— Я сам наказываю своих врагов! Когда мы придем, погибнут все, не только коназы.

— Я ненавижу весь народ рязанский! Рязанское вече меня изгнало².

Бату-хан взглянул на мрачно молчавшего Субудай-багатура:

— Что скажешь ты, мой мудрый советник?

— Бессмертный воитель, твой великий дед оставил в поучение потомкам мудрые законы. Они говорят, что «лазутчики, лжесвидетели, все люди, подверженные постыдным порокам, и колдуны — приговариваются к смерти». <...>

¹ Ульдемир — город Владимир.

² Князь Глеб Владимирович рязанский, желая захватить единодержавную власть, пригласил на пир своих братьев и родственников. С помощью наемных ловцов он их всех перебил. Это вызвало возмущение в народе. Князь Глеб был вынужден бежать к половцам, где он скитался много лет.

Последние дни Рязани

*Сий бо град Резань, и земля Резанская
изменися доброта ея, и отиде слава ея,
и не бе в ней ничто благовидети — токмо
дым и пепел. Не бе бо в граде пения, ни зво-
на, в радости место всегда плач творяще.*

*«Повесть о разорении Рязани Батыем».
XIII век*

С утра татары подошли близко к рязанским стенам, подтаскивая за собой лестницы. Они были разные: и связанные из нескольких коротких тесин, и сбитые сосновые лесины с перекладинами, были и сделанные наспех из длинных бревен с двухсторонними зарубками.

Под городскими стенами раздавались крики татар, вопли избиваемых пленных, стук топоров и заунывный визг дудок, которыми татарские воины подбодряли себя перед штурмом.

Лестницы стали выдвигаться на стены одновременно со всех сторон. Они представляли некоторую опору для нападающих.

Первыми полезли русские пленные, подкалываемые сзади копьями. Полуголые, в рваных посконных рубахах, посиневшие от холода, они с трудом подымались по лестницам и кричали, умоляя защитников Рязани не бить их:

— Пощадите нас, братья! Дайте перевалить через тын. Вместе с вами обернемся на татар. Не своей волей идем, нас сзади рубят.

Сверху отвечали:

— Поворачивайте назад! Трусы, заячьи хвосты! Вырывайте мечи у татар, бейте их, ломайте лестницы!

Некоторые пленные, не желая биться со своими же братьями рязанцами, дойдя до половины лестницы, бросались вниз и скатывались по застывшим наледям. Внизу они схватывались с татарами и падали изрубленные.

Повсюду кипел отчаянный бой.

Савелий, вооруженный топором на длинной рукояти, ждал на стене, готовый сбить всякого, кто подыметя по лестнице. Приблизилась сразу концы трех лестниц. По ним быстро, один за другим, карабкались люди. Кто они — русские или татары? Полуголые, в отрепьях, с дубинами в руках, они лезли с отчаянием ужаса и кричали, не помня себя.

Савелий крикнул:

— Наш аль нет?.. Перекрестись!

Первый не ответил, а вопил диким голосом, держа над головой дубину, и хотел ударить ею Савелия. Но дубина вылетела, и он покотился вниз со ската.

Следующий кричал:

— Дикорос! Сват! Не тронь. Я Ваула! За мной Звяга.

Топор Савелия застыл в воздухе. Мужики грузно перевалили через дубовую стену. За ними быстро карабкался молодой татарин с кривым блестящим мечом. Он полетел вниз с рассеченной головой. Савелий бил с яростью и силой, так же уверенно, как привык рубить в лесу старые вековые ели.

Звяга и Ваула встали рядом с Савелием. Они сталкивали жердями каждого, кто подымался по лестнице. Тут же на стене отчаянно защищались остальные рязанские ратники, отбивая приступ.

Им помогали женщины. Они выливали ведра кипящей воды на штурмующих. Бросали камни и глыбы льда на всех, кто пытался взобраться по лестнице.

К полдню штурм был отбит. Татары притихли и отошли. Внизу, под стенами, двигались, ползали, отчаянно кричали раненые. Татары ходили между ними, своих они оттаскивали, а русских добивали.

Штурмы повторялись и днем и ночью в течение пяти суток. Рязанцы упорно стояли на своих местах. Но ряды их уменьшались, и некому было заменить павших. Женщины становились на место мужчин, убитых стрелами или раздробленных пудовыми камнями. А татары посылали на приступ все новые, свежие отряды. Они лезли упрямо, надеясь на скорую поживу: кто первый ворвется, будет грабить все, что захочет.

Савелий, Звяга и Ваула помогали друг другу, чередуясь. Во время недолгого затишья они ложились тут же, на стене, и засыпали мгновенно, сунув под голову руку.

Вслед за камнеметной машиной к воротам подползли два тарана — большие бревна с железными наконечниками, подвешенные на прочных подставках. Работавшие возле таранов монголы и пленные, прячась за кожаные щиты, раскачивали бревна, со страшной силой ударяя ими в городские ворота. Дубовые доски трещали, отлетали щепки. Со стены лили кипятки, горячую смолу, метали стрелы и камни.

А тараны упорно били и били без остановки и наконец раскололи ворота.

С криками торжества ворвались в ворота татары и натолкнулись на толстую каменную стену, наглухо закрывавшую вход. Ее сложили за дни штурма рязанские женщины, которым помогали дети.

Татары не прекращали натиска и, добавив лестниц, снова посылали отчаянных воинов, старавшихся сломить упорство рязанцев.

Защитники города видели, что силы их слабеют, понимали, что конец близок.

Двадцатого декабря вдова князя Рязанского, Агриппина, с молодыми снохами и ближними боярынями сошлись в соборной церкви. Они решили встретить здесь неминуемую гибель. Их окружили

многие рязанские женщины. Епископ и священники пели молитвы и сулили райское блаженство всем, принявшим мученическую кончину.

Слепой звонарь неустанно продолжал звонить в большой набатный колокол. Звон, казалось, говорил, что борьба продолжается, что никто не сдастся, что русские люди лягут костями за родную дедовскую землю.

На шестой день осады, 21 декабря, татары снова двинулись по лестницам, неся горящие факелы. Непрерывные потоки татар ползли одновременно со всех сторон. Одни бились кривыми саблями, другие стрелами сбивали защитников.

Наконец татары стали одолевать. Дикий, радостный вой несся со всех концов города. Татары уже бежали по улицам, врываются в дома и рубили всех, старых и малых, никому не давая пощады.

Они разбили церковные двери, вбежали внутрь храма, изрубили женщин и священников, подожгли здание. Они бросали в огонь маленьких детей, вырывая их у матерей, которых тут же, на глазах у всех, насиловали, после чего распарывали им животы.

К вечеру в Рязани в живых не осталось никого. Современник пишет:

«Некому было стонать и плакать, некому скорбеть о погибших, родителям о детях, детям о родителях, братьям о братьях — все вместе лежали мертвые.»

Савелий, взглянув в этот день со стены, ужаснулся: к нему ползли восемь лестниц, а внизу чернела толпа татар, готовых идти на приступ. Савелий сбрасывал глыбы земли, сбивал влезавших, но лестницы поднялись и справа и слева. Татары перевалили через стену. Савелия они не тронули — им было не до него. Стараясь перегнать друг друга, побежали они к детинцу, где были княжеские хоромы, кладовые, склады и скотные дворы.

Савелий попал в волну убежавших рязанцев, которые, отбиваясь от татар, теснились к выступу стены, нависшей над рекой. Рязанцы перелезали через стену, скользили по обледенелым накатам и падали в реку в том месте, где был проломан лед. У кого хватало силы, тот переплывал реку и бежал полем в сторону леса.

Татары спешили поскорей начать грабеж и не преследовали убежавших: «Далеко не уйдут, все равно наши будут».

В числе немногих спасшихся был Савелий. Несмотря на ледяную воду, он переплыл Оку. В мокрой одежде, с топором за поясом, он вылез на противоположный берег и остановился. В последний раз оглянулся на Рязань.

В вихре пламени и дыма выделялись колокольные горевших церквей. Савелий ясно слышал покрывавший вой и крики победителей равномерный одинокий звон набатного колокола, в который продолжал бить слепой звонарь.

Так, до последнего вздоха, пока его не прикончил разъяренный татарин, звонил старый слепой звонарь, призывая русский люд на защиту родины.

Прощание с павшими

Штурм окончен. Пожар угасал. Рязань, за ночь засыпанная снегом, вся в обугленных развалинах, лежала, как страшно изуродованная покойница под парчовым серебристым покровом.

Бату-хан пожелал проехать через покоренный им стольный город. Гонцы поскакали в ближайшие отряды «непобедимых» с приказом через день к восходу солнца выстроиться против ворот Рязани.

Татарские отряды растянулись неровной волнующейся линией вдоль берега замерзшей Оки. Сотни построились в десять рядов. Перед каждой полусотней, с копьём, увенчанным цветным лоскутом, сидел на коне лихой багатур. Сотню возглавлял полновластный джагун¹. Позади неподвижно застыли барабанщик с двумя котлами, обтянутыми кожей, трубач с рожком на перевязи через плечо и щитобоец с круглым медным гонгом².

Сотни заметно поредели. Во многих десятках не хватало где по одному, где по три всадника. Среди оставшихся было немало перевязанных — со следами русских мечей и стрел.

Вдоль реки, на скатах городских валов и на дороге, валялись трупы. Голые человеческие тела, уже запорошенные снегом, лежали в самых необычайных положениях: одни — свернувшись, другие — раскинув руки и ноги, некоторые — упав головой вниз, в выбоину. Из глубокого снега торчали разутые ноги, на которых сидели крикливые галки.

Тысяча «непобедимых» уже давно выстроилась вдоль реки. Кони застоялись и тянули повод. Вдали протрубил боевой рожок. Другие рожки повторили сигнал. Джагун первой сотни проревел:

— Внимание и повиновение!

— Внимание и повиновение! — повторили за ним сотники и десятники. Воины выпрямились, подобрали поводья. Тысяча замерла в напряженном ожидании.

Из посада, со стороны уцелевшей от пожара церкви, выехала группа всадников. Впереди скакали трое, средний держал белое пятиугольное знамя с девятью широкими развевающимися лентами. Под золотой маковкой копья висел рыжий конский хвост жеребца Чингисхана. На знамени был вышит золотыми нитками кречет, державший в когтях ворона.

Позади ехал другой всадник. Он вез воткнутую на копьё голову рязанского воеводы Вадима Данилыча Кофы. Глаза были закрыты,

¹ Джагун — сотник.

² Гонг — медный щит для сигнала спешного сбора или отступления.

лицо строгое и спокойное; ветер развевал длинную седую бороду и серебряные кудри.

Далее два скорохода в белых кафтанах, белых замшевых сапогах и высоких белых шаманских колпаках вели под уздцы ослепительной красоты белого жеребца с черными горящими глазами. Он изгибал шею, перебирал легкими ногами с черными копытами и плясал, стараясь вырваться. Покрытый малиновой бархатной попоной с золотыми вышивками, конь, как нарядная игрушка, блистал в лучах утреннего солнца.

Монголы с почтением смотрели на белого коня. Они верили, что на нем невидимо едет бог войны Сульдэ, любящий монголов, давший им новую победу.

— Бату-хан своеволен, — шептали монголы. — Сегодня он посвящает белого коня богу Сульдэ, а захочет — завтра сам на нем поедет. Сегодня он сел на вороного коня урусутов, а завтра взберется на бурого медведя.

Бату-хан ехал на рослом вороном жеребце с белыми до колен ногами и белой отметиной на лбу. Джихангир был в серебристой, переливающейся в солнечных лучах кольчуге и в золотом шлеме с длинным белым пером. На коне была серебряная с золотыми бляхами сбруя, чепрак, расшитый золотом, — все сделанное русскими мастерами. Конь был убран так, как обычно ездили русские князья.

За джихангиром на разукрашенных жеребцах ехали ханы. Среди них выделялся страшный толстый и сутулый Субудай-багатур на саврасом коротконогом иноходце в самой простой ременной сбруе.

Бату-хан проехал вдоль линии войск. Татары и монголы кричали: «Уррагх!»¹ Им вторили кипчаки: «Яшасын»².

Джихангир повернул обратно. Сотня «непобедимых» отделилась и последовала за ним. Бату-хан со своей свитой переехал реку, где на льдинах чернели большие промоины и человеческие трупы.

Городские ворота были уже расчищены. У стены работали пленные. За ними присматривали монгольские воины, держа на правом плече блестящие кривые мечи.

Город был совершенно разрушен. Деревянные дома сгорели. Повалившиеся обугленные бревна чадили. Пахло паленым мясом. Из тлеющих пожарищ стекали грязные ручейки.

Бату-хан подъехал к развалинам соборной церкви и поднялся на каменное возвышение, возле которого прежде собирался народ. Здесь еще сохранился почерневший от дыма медный колокол. Перекладины, на которых он висел, обгорели, и колокол-вечник боком лежал на снегу.

¹ Уррагх! — Вперед!

² Яшасын! — Да живет!

Мрачное зрелище открылось перед глазами монгольского владыки. На середине площади были сложены бревна, доски, двери, оконницы, колеса, сани, оглобли и обугленные остатки рязанских домов. На этой груде правильными рядами тесно лежали мертвые воины Бату-хана — монголы, татары, кипчаки, все, кто пал, штурмуя Рязань.

Сколько их? Кто сосчитает! Кто узнает, откуда они родом? Кто скажет, что будет с юртами, где целыми днями родные глаза смотрят на запад, ожидая возвращения сына, отца, брата, обещавшего вернуться с конями и верблюдами, нагруженными богатой добычей?..

Безмолвные, со страшными ранами, с застывшими лицами, искаженными страданием, лежали они на спине, уставив открытые глаза в чужое холодное небо.

Шумливые спутники джихангира затихли при виде недавних товарищей. Они ушли навсегда в тот неведомый небесный мир, где за облаками умершие воины призрачными тенями собираются в отряды Священного Воителя. Так учили шаманы.

Мертвые воины оставались в своих обычных одеждах. Никто не осмелился бы снять с покойника синий чапан или расшитую узорами безрукавку: воин должен явиться к тени Чингисхана в благообразном виде. У многих воинов на груди стояла медная или деревянная чашка, наполненная зерном или кусочками мяса. Выдающиеся багатуры уходили в царство сказок и песен со своим кривым мечом, привязанным к застывшей ладони.

В наступившей тишине прозвучал протяжный жалобный стон. Он донесся из середины нагроможденных оледеневших тел. Стон повторился, отчетливо донесли слова:

— Тяжело. Воды!..

Монголы заволновались:

— Нельзя разбирать священный костер!..

Бату-хан оставался неподвижен. Он процедил сквозь зубы:

— Начинайте скорей!

Один из приближенных ханов сказал нараспев:

— Счастлив тот, кто вместе с багатурами, павшими за величие монгольского улуса, улетит, захваченный дымом священного костра! Он попадет за облака в алмазный дворец бога Сульдэ!

Загремели барабаны. Затрубили рожки. Тридцать шаманов в белых одеждах, с медвежьими шкурами на плечах, издавая пронзительные вопли, приплясывая и ударяя в бубны, пошли вокруг огромного костра. Некоторые монголы, потерявшие близких, сойдя с коней, последовали за шаманами, подняв в правой руке шелковый расшитый платок.

Китайские мастера с восьми сторон подожгли паклю, намоченную горючей жидкостью. Черный дым за клубился над костром

и быстро побежал по сухим бревнам и доскам. Пламя разгоралось, охватывало лежащие тела и желтыми языками взлетало к небу.

Жар становился все сильнее. Монголы попятнулись от костра, но никто не смел удалиться, пока джихангир, неподвижный и молчаливый, прощался со своими нукерами. Джихангир не уезжал, ожидая, пока его верные слуги не пошлют ему прощального привет.

Пламя облизывало трупы. Промасленная одежда вспыхивала желтыми языками. От жара трупы шевелились, скрючивались, двигали руками. Мертвый монгольский сотник, большой и могучий, приподнялся и, точно прощаясь, повернул голову, оглянулся на стоящих вокруг боевых товарищей.

Воины, прикрывая глаза ладонями, жадно вглядывались в огненные языки и клубы сизого дыма. Им казалось, что багровые языки пламени обращаются в призрачных скачущих всадников на коротконогих монгольских конях, которые в снопах ярких искр взмываются вверх, улетая в заоблачный мир, в священное царство воинственного правителя, Чингисхана.

Жар стал нестерпим. Горячий вихрь закрутился по площади. К небу полетели раскаленные головни и обломки досок.

Бату-хан, закрываясь рукавом, крикнул:

— Байаралла, баатр дзоригей!¹

Он хлестнул плетью коня и, вырываясь из дыма, поскакал с площади вниз, к реке. За ним, звеня оружием, теряя порядок и сталкиваясь, помчались монгольские всадники с прощальными криками:

— Байартай! Байартай!²

Подожженная поминальным костром Рязань загорелась вторично. Целые сутки были видны вспышки огней и доносился удушливый запах паленого мяса.

Войско отдыхало три дня. Воины резали пригнанный скот. Ханы ели вареную жеребятину и пили вино, найденное в подвалах рязанского князя. Простые нукеры пили чай, сваренный с коровьим салом и мукой, и переговаривались шепотом:

— Гей, ой-о! Если при штурме каждого города будет гибнуть столько воинов, то много ли багатуров вернется на родину?.. Чуй! Не будем думать о завтрашнем дне! Сегодня будем веселиться, пить и наедаться!..

Скорбные дни города Владимира

Татары появились перед городом внезапно. Еще на рассвете из городских ворот выехало несколько десятков крестьянских саней;

¹ Спасибо, доблестные богатыри!

² Байартай! — До свидания!

на них уезжали горожане, желавшие спастись в лесах, — а в полдень город Владимир уже был отрезан от всего мира.

Сперва татары подходили к городу медленно, мирно, совсем как народ, в престольный праздник съезжавшийся на торжище. С каждым часом их становилось все больше, и вскоре они заполнили все окрестные поля. Всюду задымили костры, возле них расположились обозы. Татары отпрягли коней и вели себя так, точно ничто им не угрожало, точно они совсем не боялись русского войска.

Потом их всадники на крепких конях, держась кучно, стали быстро пронеситься под стенами Владимира. Одеты они были в долгополые, бурые, как земля, шубы, в меховые колпаки, прикрывавшие опущенными отворотами лицо и шею, так что видны были только раскосые глаза. Татары громко кричали, бранились. В тихом морозном воздухе ясно звучала их непонятная, странная речь и дикие возгласы.

Все население Владимира поспешило на стены взглянуть на воинов невиданного народа, о странных обычаях и жестокостях которого передавалось столько жутких рассказов.

Княгиня Агафья и снохи ее, княгини Мария и Христина, в сопровождении ближних боярынь и нянюшек, тоже поднялись на крепостную стену близ Золотых ворот. Здесь уже находился воевода и молодые князья Всеволод и Мстислав. Все они внимательно следили за передвижением татарских войск.

К Золотым воротам подъехал отряд, в котором выделялись нарядно одетые ханы в красных полосатых и пестрых одеждах. Под ними были отличные рослые кони с дорогой сбруей, отделанной золотом. Некоторые всадники были в кольчугах, другие в блестящих панцирях. Ханов сопровождала сотня воинов с длинными тонкими копьями.

Толмач, по виду половецкий перебежчик, на чубаром коне приблизился к воротам и обратился к стоявшим на стене:

— Не стреляйте! Слушайте! Великий джихангир, Бату-хан, прибыл сюда со своим могучим, непобедимым войском. Знает ли великий князь и государь Георгий Всеволодович о прибытии в его земли великого хана? Почему же ваш князь до сих пор не явился к великому хану с поклоном? Почему он не шлет даров, не дает клятвы верности, не открывает городских ворот? Где прячется ваш князь? Приведите его сюда, мы с ним будем говорить!..

Стоявшие на стенах бояре тихо перешептывались. Воевода вздохнул:

— О, времена тяжкие!

Некоторые из нетерпеливых владимирцев пустили стрелы. Раненый татарский конь закружился на месте. Татары сейчас же ответили десятком стрел. На стене кто-то вскрикнул.

Татарский толмач продолжал:

— Не стреляйте! Смотрите сюда: узнаете ли, кто перед вами?

Два всадника тащили на аркане высокого худого юношу. Он не упирался, а шатался от слабости, ноги передвигались, как деревянные. Его поддерживала веревка, закрученная на шее. Всадники натягивали концы веревки. Так иногда охотники ведут опасного дикого зверя, натягивая веревки в разные стороны, не давая зверю броситься на провожатого.

Отчаянный крик донесся со стены. Это закричала княгиня Агафья, узнав в пленном своего сына, князя Владимира, уехавшего оборонять Москву. Женщины, стоявшие рядом с княгиней, громко зарыдали, видя юношу, оставленного в жестокую стужу в одних холщовых портах и в рубахе, с тряпками на ногах вместо сапог.

— Сын мой, Владушка! — стонала в слезах княгиня Агафья. — Что они с тобой сделали?

— Матушка моя, не плачь! — ответил снизу князь Владимир. — Крепко стойте за родной город! Побивайте их и ничего не бойтесь! Они долго в нашей земле не останутся и скоро уйдут в Дикое поле! Они мучили и ущемляли меня, но сломить не могли. Не бывать их воле над нами! Стойте крепко! Отбивайте недругов!

Проводники стали стегать Владимира плетьюми.

— Довольно! — вмешался толмач. — Замолчи! Слушайте, упрямые владимирцы! Перед вами неразумный гордец, молодой князь Ульдемир. Смотрите, какую жалкую судьбу он себе приготовил. Он наказан за то, что не хотел покориться великому джихангиру. Вот, что ожидает каждого, кто дерзок и упрям. Города Рязань, Пронск, Ижеславль, Мушкаф и девяносто девять других взяты и обращены в пепел. Непокорные жители перебиты или уведены в плен. Князь Ульдемир перед вами, и мы его водим на веревке, как медведя, на потеху людям. И вы хотите того же? Сдавайте ключи от городских ворот, и вам, под властью нашего великого Бату-хана, будет хорошо, спокойно и светло!..

— Не слушайте его! — кричал Владимир. — Отбивайтесь. Татары жалости не знают. Если вы покоритесь, они все равно вас вырежут! Врут они, окаянные!

— Умрем, но не покоримся! — ответили со стены.

Князя Всеволод и Мстислав и толпа на стене подхватили:

— Умрем, но не покоримся! Уезжайте в свои степи! На русской земле делать вам нечего!

Татары повернули обратно. Два всадника, сторожившие Владимира, сбили его с ног и потащили за собой по снегу, как мертвую тушу.

В тот же день татары поставили на бугре против Золотых ворот желтый шатер и по обе стороны его десяток круглых, как шапки,

белых и черных войлочных юрт. Кругом задымили костры многочисленной стражи.

Жители Владимира жадно наблюдали с крепостных стен за поведением татар. Никто не говорил о сдаче, о покорности. Все знали, какая участь ждет пленников, все слышали об уловках татар, старавшихся хитростью проникнуть в город; «только пусти их, а потом жителям пощады не будет».

Князя Всеволод и Мстислав хотели вместе со своими дружинниками выйти из городских ворот для битвы с татарами:

— Умрем, но умрем с честью, в поле!

Старый воевода Петр Ослядукович не дал им на это разрешения:

— Умереть мы сумеем и даже много татар перед тем уложим.

Но разумнее выждать. Наш государь, великий князь Георгий Всеволодович, даром не сидит. Он собирает великую рать, скоро явится сюда на выручку и спасет нашу землю и стольный город.

Пока татары готовились к приступу, большой их отряд отделился и направился к Суздалью. Город защищался два дня. На третий — татары ворвались в Суздаль, разграбили его, подожгли княжий двор и Дмитриевский монастырь, перебили жителей. Спаслись из суздальцев только те, кто ранее убежал в леса. Татары безжалостно рубили всех: стариков, беспомощных старух, калек, слепых и, вопреки своему обыкновению щадить церковников, перебили в Суздале и попов, и монахов, и монахинь. Остались в живых молодые монашки, уведенные татарами в плен.

От разгрома спасся стоявший в стороне, среди густого леса, Богородицкий девичий монастырь. Татары его не нашли, торопясь вернуться обратно в свой лагерь под Владимиром.

Шестого февраля¹ тысячи татар подтащили к стенам города странные, сложенные из бревен сооружения, каких владимирцы раньше не видывали. Татары подвозили на санях большие камни, глыбы замерзшей земли, хворост и бревна и сваливали все это грудами, возводили леса и складывали примет², по которому собирались взобраться на крепостные стены.

Они спешно окружили город сплошным тыном, чтобы перехватить убежавших горожан.

Никаких надежд у владимирцев больше не оставалось. Татар было так много, что на одного горожанина приходилось по двадцати противников. Владимирцы в слезах прощались друг с другом:

— Завтра, в день памяти святого Феодора Стратилата, снежная вьюга споет всем нам вечную память!

¹ В 1238 году, а по летоисчислению того времени — «в 6746 году от сотворения мира».

² Примет — навал из земли, бревен и т. п. с внешней стороны крепостных стен.

Седьмого февраля на рассвете татары бросились со всех сторон на город.

Княгиня Агафья и две ее снохи, ближние боярыни и старейшие попы и монахи укрылись в каменной соборной церкви. Там их ждал епископ, владыка Митрофан, высокий, худой, с черной бородой и воспаленными черными глазами. Рядом с ним на амвоне перед иконостасом, в погребальных черных ризах, стояло все духовенство. Они пели хором молитвы. Епископ низким сильным голосом призывал всех спокойно, мужественно, с верой встретить неизбежную мученическую кончину.

— Вместо сопротивления врагу покоряйтесь воле Божьей и думайте о спасении душ наших. Я постригу вас великим постригом, и вы, облекшись в схиму, обретете лик ангельский, убиенные безбожными татарами, и возлетите прямо ко Господу нашему Вседержителю в обители райские... Воззри на нас, Господи, и прости невидимую руку твою! Прими в мире души рабов твоих!

Бывшие в храме поочередно подходили к владыке Митрофану. Он отрезал у каждого прядь волос, в знак пострига, и чертил священным маслом крест на лбу. Посвящаемые в схиму¹ надевали себе на голову черные куколи² и брали друг друга крепко за руки. Все стояли тесными рядами и пели священные псалмы. А снаружи доносились грубые голоса разъяренных татар и дикие пронзительные вопли убиваемых женщин.

Уже слышались тяжелые удары бревен в церковные двери, треск ломаемых досок, как вдруг княгиня Агафья хватилась, что приемной дочери Прокуды нигде не видно. Прокуду стали звать, нянюшки подымались наверх, на хоры и колокольню, но нигде Прокуды не нашли.

— Погибнет девка без пострига, без покаяния! — стонала княгиня Агафья. — Не попадет она со мной в обители райские! Бедная я, бедная! Всех родных сразу потеряю!

Живой костер

С высокого берега Клязьмы Бату-хан внимательно следил за штурмом города Владимира. Багровые отблески пожара переливались на золотой сбруе его коня. Красными искрами вспыхивала золотая насечка стального шлема.

К главным воротам, волна за волной, подъезжали все новые и новые татарские всадники. Они оставляли коней внизу, лезли вверх по примету и осадным лестницам.

¹ Схима — монашеское облачение; торжественная клятва (обет) православных монахов соблюдать особо строгие аскетические правила поведения (ср.-греч.).

² Куколь — остроконечный черный колпак с нашитым белым крестом.

Наверху, на каменной стене, шел отчаянный бой. Владимирцы упорно отбивались. Татары схватывались с ними, старались спрыгнуть со стены внутрь города. Русские ратники спешили на место погибших, но бойцов становилось все меньше, а новые толпы татар непрерывным потоком с буйными криками влезали на стены.

Слева от Бату-хана на низком саврасом коне, как неподвижный истукан, сидел широкоплечий, приземистый Субудай-багатур. Он молча смотрел в сторону города, откуда слышались грохот и протяжный вой. Справа от Бату-хана на толстоногом иноходце съезжился худой и сутулый темник Бурундай.

— Смотри, джихангир! — Бурундай повернул к Бату-хану желтое безволосое лицо. — Воины хана Гуюка подожгли город с двух концов!

Лицо Субудая перекошилось.

— Воины Гуюк-хана всегда опаздывают! Это не они, а сами урусуты подожгли свой город.

— Что же медлят «непобедимые»? — крикнул Бурундай.

— Не слушай Бурундай! — огрызнулся Субудай-багатур. — Осажденные храбры и упрямы только по утрам. Надо выждать: в полдень сюда приплетутся дрожащие старики в парчовых шубах и поднесут тебе на золотом блюде ключи от города. Да!.. Так всегда бывало и в Китае, и в Тангуте, и в Бухаре, и в Самарканде! Так будет и сегодня здесь!

Но Бату-хан не хотел ждать. Он визжал и бесновался. Его вороной жеребец перебирал ногами, прыгал на месте и порывался броситься вперед.

— Темник¹ Бурундай! Скачи к воротам, проверь, не улегся ли там спать китайский мастер Ли Тунпо?

Бурундай хлестнул плетью. Чалый иноходец стрелой унесся вперед.

У ворот длинный тяжелый таран с железным набалдашником с грохотом выскакивал из бревенчатого сруба на полозьях и ударял в ворота. Полуголые пленные раскачивали таран под равномерный счет:

— Вдарь сильней! Вдарь еще!

Монголы стегали плетями пленных, понуждая их бить сильней. Некоторые пленные отказались помогать врагам. Монголы их тут же зарубили.

Сверху, из бойниц и из окон церковки на Золотых воротах, в монголов швыряли кирпичи, горящие головни и метали стрелы. Под ударами тарана дубовые створки ворот трескали и наконец раз-

¹ Темник — военачальник в монголо-татарском войске, командовавший туменом.

валились. Татары с ликующим воем бросились вперед, сбивая натиском коней встречных защитников.

Узкая улица была загорожена бревнами, телегами, санями, наваленными заборами. Владимирцы встречали татар ударами топоров и тяжелых дубин. Защитники сидели на крышах домов, стреляли из тугих луков, швыряли сверху тяжелые камни... Улицы все более загромождались трупами, но ничто не могло удержать ворвавшихся разъяренных насильников. Они прыгали с коней, сдирали одежды с мертвецов, грабили дома и лавки, снова вскакивали в седла и пробивались дальше. Их маленькие крепкие кони, спотыкаясь, карабкались на преграды, перебирались через бревна, падали вместе с всадниками. Нукеры упорно расчищали путь для следовавшего за ними Бату-хана и его свиты.

Джихангир ехал медленно. Вороной конь поводил ушами, храпел, прыгал через еще двигавшихся раненых. Стоны, дикие вопли и торжествующие крики неслись со всех сторон.

Бату-хан остановился перед каменным собором на главной площади, где толпились «непобедимые». При его приближении воины прекращали грабеж и падали лицом в снег. Бату-хан, не глядя на них, сохранял надменное величие. Изредка хищная улыбка кривила его неподвижное лицо. Он сказал Субудай-багатуру:

— После Булгара и Рязани я беру уже третью столицу!

Субудай прохрипел:

— Да! К концу великого похода монголов на твоём ожерелье будет девяносто девять столиц!..

— Где же обещанные тобой старики с ключами? — насмешливо спросил тонким голосом подъехавший Бурундай.

— Если они сейчас не придут, тем хуже для них! — отвернулся Субудай.

— Тем хуже для них! — повторил Бату-хан. — Я не стану слушать просьбы о милости. Весь город будет вырезан! Сегодня оскорбленная тень хана Кюлькана напьется вдоволь урусутской крови.

Высокий величественный собор, сложенный из белых камней, казался неодолимой твердыней. Около его входных дверей суетились татары, стараясь разбить топорами темные дубовые створцы, украшенные тонкой резьбой. Из собора доносилось плавное протяжное пение многих голосов.

— Что там поют? Где толмач? — спросил джихангир.

— Я здесь! — откликнулся князь Глеб. — Люди, укрывшиеся в соборе, сами поют себе панихиду, чтобы легче было умирать.

Нукеры притащили длинное бревно. Раскачивая его на руках, они стали равномерно ударять в соборные двери и вскоре выломали их.

Пение послышалось сильнее. В темном отверстии под входной аркой показались искаженные ужасом женские лица. В черных

куколях с нашитыми на лбу белыми крестами и в черных одеждах, держа зажженные восковые свечи, женщины протяжно пели: «Со святыми упокой!..»

На возвышении посреди собора, в черной ризе, с золотой митрой на голове, стоял епископ Митрофан. Двумя руками он высоко подымал золотой крест, благословляя им на четыре стороны, и кричал звучным голосом:

— Кайтесь, братья и сестры! Настал день судный! Страх не имейте!.. Души убиенных в селениях праведных успокоятся!.. Кайтесь!..

Бледные трепещущие женщины, держась цепью ряд за рядом, в страшной тесноте, широко раскрывая рты, кричали:

— Спаси нас, Господи!.. Каемся!..

Другие продолжали заунывно петь: «Со святыми упокой!..»

Бату-хан влетел по ступеням на каменную паперть, заглянул внутрь собора и бросил толпившимся нукерам:

— Уррагх! Смелые соколы! Перед вами белоснежные цапли и жирные утки. Хватайте их, добыча ваша!

Монголы радостно закричали:

— Уррагх! Кху-кху, монголы!

Двери были слишком узки для толпы теснившихся монголов, желавших проникнуть в собор. Монахи в длинных черных подрясниках встречали их яростными ударами топоров, избивая напавших воинов. Куча изрубленных тел росла в дверях, закрывая доступ к добыче.

— Огня! — шепнул джихангиру Субудай-багатур.

— Разведите костер! — крикнул Бату-хан.

Нукеры разломали соседние заборы и сложили на паперти огромный костер. Высокое пламя закрыло темный вход. Огненные языки врывались внутрь собора, лизали прочные каменные стены. Из верхних окон собора повалили клубы черного дыма. Сквозь дым и огонь из собора доносилось все то же протяжное заунывное пение, прерываемое отчаянными криками женщин.

Все выше взвивалось пламя, все тише становилось пение. Монголы ждали, пораженные упорством и непримиримостью владимирских женщин.

Последние крики затихли. Донесся одинокий жалобный плач и оборвался. Слышался только треск горевших досок.

Монголы разметали костер и бросились внутрь собора. Они вытаскивали полубесчувственных женщин, волокли их на площадь, вырывали из их рук детей и швыряли в пылающие кругом дома. Они срывали с женщин одежды, набрасывались на них; насытившись, отрезали им груди, вспарывали животы и спешили к своим коням. Нагрузив их узлами с добычей, монголы отъезжали в поисках новой поживы.

Бату-хан сохранял надменное спокойствие, ожидая на площади своей доли «священной добычи¹».

На разостланных женских шубах росли груды разноцветных ожерелий, серебряных и золотых крестов, запястий, колец и других дорогих украшений. Сюда же бросали парчовые поповские ризы, боярские шубы, серебро с икон, золотые священные чаши. Поверх всего красовалась золотая митра епископа Митрофана.

Сюда же монголы приволокли потерявшую сознание великую княгиню Агафью и положили ее у копыт вороного коня.

Бату-хан равнодушно смотрел, как воины сорвали с нее шелковую одежду, головные жемчужные подвески, красные чеботы с серебряными подковами, складывая все в общую кучу.

— Дзе-дзе! Кто хочет урусутскую красавицу? — спросил Бату-хан. — Уступаю!

— Конечно, темник Бурундай! — закричали, смеясь, монголы. — Бурундай любит больших женщин!.. Смотри, Бурундай, какая грудь: это розовое вымя, как у самой добротной буйволицы!..

Бурундай подъехал к обнаженному беспомощному телу, долго рассматривал его. Чалый конь, опустив голову, фыркал и пятился. Бурундай, кряхтя, слез с коня. Несколько тысячников, сдерживая нетерпение, почтительно теснились полукругом, желая после Бурундая попробовать почетную добычу.

Княгиня Агафья очнулась. Она не плакала, не кричала. Стараясь прикрыть руками свое обнаженное тело, она вся съежилась от стыда и ужаса и остановившимися глазами смотрела на приближавшуюся к ней сухую костлявую фигуру.

Монголы притащили к Бату-хану могучего старика. Он был скручен арканами, но упрямо старался вырваться.

— Джихангир! Ты приказал показывать тебе смелых вражеских багатуров! — сказал подошедший сотник Арапша. — Этот старик оставался последним в доме урусутского бога. Он бился один против всех. Ни дым, ни огонь, ни три стрелы в бок не свалили его.

— Берикелля! — сказал Бату-хан. — Коназ Галиб, расспроси старика!

Князь Глеб спросил пленного, как его зовут, давно ли он служит в войске.

— Меня зовут Шибалка. Я тридцать лет простоял дозорным на городской стене у Золотых ворот.

¹ Согласно строгим законам «Ясы», каждый нукер и просто воин после битвы должен был подъехать к джихангиру, и, опустившись на правое колено, сложить перед ослепительным самую ценную пятую часть всего захваченного. Кроме того, особая часть откладывалась для отправки в Монголию великому кагану.

— Я прощаю твою вину! — сказал величественно Бату-хан. — Я беру тебя к себе нукером.

— Шибалка! — перевел князь Глеб. — Великий царь татарский оказывает тебе большую милость. Он прощает тебе, что ты по неразумению своему осмелился биться против его царского величия. Он берет тебя к себе на службу. Стань на колени и земно благодари!

Шибалка свирепо поводил налитыми кровью глазами, широко раскрывал рот, задыхался, — три стрелы торчали в его боку.

— Ладно, послужу я ему верой и правдой! Дайте мне мою рогатину, я воткну ее в толстый живот великого царя татарского! И тебя, отступника, зарублю! — И, собрав последние силы, старик плюнул кровавой пеной князю Глебу в глаза.

— Желтоухая собака! — завизжал Бату-хан, стегнув плетью по лицу Шибалки. Тот, не дрогнув, продолжал стоять. Четыре монгола крепко повисли на его руках.

— Эй, нукер! — прохрипел Субудай-багатур.

Ближайший нукер соскочил с коня, вытащил из ножен кривую саблю и наискось вонзил ее по рукоять в живот Шибалки.

Кровь показалась на губах старика и ручейком потекла по седой бороде.

— Придет день! Будет свободной наша земля! — крикнул Шибалка, медленно осел и упал лицом в снег.

Так погиб славный город Владимир — краса северо-восточной Руси, быстро поднявшийся среди остальных городов русской земли, как бы на смену великому Киеву.

Замечательные белокаменные храмы украшали его. Далеко славился его великолепный княжеский дворец, вызывавший восхищение всех иностранцев. Его Золотые ворота — соединение триумфальной арки с крепостным сооружением — говорили о мощи города как военной твердыни. Подобно тому как в Киеве, на его торговой площади, шумели купцы, прибывшие с востока, юга и запада. В его ремесленных кварталах шла постоянная работа. Высоко ценились повсюду искусные изделия владимирских мастеров, еще шире разносилась слава владимирских каменных дел мастеров, создавших в городах Суздальщины прекрасные храмы, украшенные снаружи художественной скульптурой.

Богат и славен был Владимир не только своим изобильным благосостоянием, не только богатством своих бояр и купцов, но и своим просвещением, своей библиотекой, чудесной стенописью своих храмов, собранием художественных произведений великокняжеской казны.

И вот теперь, растоптанное дикими монгольскими ордами, все это лежало в прахе и пепле.

Ночная схватка

*Хоть мало нас, но мы — славяне!
Удар наш меток и тяжел...*

Н. М. Языков

Хоть мало нас, но мы — славяне!
Удар наш меток и тяжел.

Евпатий узнал от встречных селян, что в усадьбе великого князя Георгия Всеволодовича близ Суздаля пирует и бесчинствует какой-то татарский отряд и что туда проехали важные ханы со знаменами и значками.

«Может, там стоит сам царь Батыга? — подумал Евпатий. — Теперь иль никогда я сосчитаюсь с ним!..»

И отряд, разделившись, спешно направился к Суздалю. Конные, «ястребки», делали большие обходы, чтобы миновать многолюдную дорогу, где рыскали татарские отряды в поисках поживы. Пешие, «волчата», шли напрямик, лесными тропами.

Подъехав к усадьбе, Евпатий задержал конных черниговцев за рощей, а сам пробрался вперед, на опушку.

Из-за высокого бревенчатого тына слышались заунывные песни и переливные трели татарских дудок. Сумерки быстро сгущались. Из ворот усадьбы выехало около сотни татарских всадников. Один из них держал белое девятихвостое знамя. Монголы стегнули коней и вскачь помчались по дороге.

Когда совсем стемнело и над спящим лесом поднялась яркая луна, к Евпатию подобрался Звяга:

— Волчата здесь, стоят наготове. Не пора ли?..

— Начинайте! — отвечал Евпатий. — Не подымайте шума. Бейте молча!..

Сторонники напали тихо, без единого крика. Спавшие крепким хмельным сном монголы долго не могли понять, что случилось, откуда свалились неведомые враги. Быстро носились по широкому двору усадьбы безмолвные всадники. Переливались голубыми искрами их стальные кольчуги. Длинные прямые мечи и тяжелые палицы поражали татарских воинов. Только хриплые стоны нарушали тишину.

— Крылатые мангусы!¹ — пронесся крик. Его повторяли в ужасе просыпавшиеся татары. Очнувшись, они метались по двору усадьбы, стараясь вырваться, бежали к воротам, где их встречали неведомые люди и рубили топорами.

¹ Мангусы — сказочные кровожадные чудовища, вампиры, вредящие человеку и обладающие сверхъестественной силой. Войной с мангусами занимались герои-богатыри монгольских былин.

Отчаянный бой продолжался всю ночь в багровом дыму разгоравшегося пожара. Старые деревянные постройки пылали яркими огнями. Монголы, застигнутые врасплох, перепутались в общей суматохе и с воем отчаяния бегали между пылавшими избами и конюшнями.

В эту ночь сторонники вырезали многочисленный татарский отряд, но и сами в жестоких схватках потеряли немало своих.

Берендеево болото

Узнав о гибели отряда монголов, Бату-хан разослал во все концы нукеров, сзывая войска, рыскавшие по суздальской земле. Указано было место, где встретиться, — около города Переяславля-Залесского. Отряды должны были стягиваться кольцом, как на облавной охоте, затягивая петлю и сгоняя встречных в середину круга.

Новые вестники донесли Бату-хану, что неуловимые «летучие урусуты» перебили еще несколько татарских отрядов и опять исчезли в дремучих лесах.

Тем временем Евпатий со своими сторонниками продвигался на север. От встречных убежавших в леса селян Евпатий узнал, что татары не идут дальше, а повернули обратно. Это известие встревожило Евпатия. Татары стали появляться со всех сторон, нужно было проскользнуть между ними, пробиться дальше, а корм кончался, не было ни сена, ни хлеба.

Лесными тропами Евпатий вышел на Берендеево болото, из которого берет начало речка Трубеж, впадающая в Плещеево озеро. По руслу реки Евпатий думал вырваться из кольца татарских отрядов и уйти к Угличу.

На гладкой поверхности замерзшего болота неожиданно показались татарские всадники. С копьями наперевес, на маленьких крепких конях, они выезжали из густого леса и мчались к растянувшемуся по льду отряду Евпатия. Не доезжая нескольких шагов, татары пускали стрелы и быстро скакали прочь, точно завлекая за собой противника.

Евпатий знал татарские уловки и вел свой отряд в сторону Плещеева озера. Однако на пути показалась новая густая толпа конных татар. Они медленно отступали в лес, уклоняясь от боя. Евпатий продолжал двигаться прежним путем, приближаясь к руслу речки Трубеж.

Впереди подымалась возвышенность, поросшая сосновым лесом. На ее обнаженной вершине виднелись каменные развалины старых древних построек, засыпанных снегом.

— Палаты царя Берендея! — заговорили сторонники. — Здесь жил «царь Берендей, до колен борода»!

Около развалин на холме появился новый татарский отряд. Впереди развевались длинные концы пятиугольного знамени.

— Батыга там!.. — крикнул Евпатий. — Вперед, соколики! — И вместе с конниками помчался в сторону холма.

Пешие сторонники продолжали идти ровным шагом, готовые помочь черниговцам. Татары на холме зашевелились и стали спускаться на лед. У подножия конники сшиблись с татарами. Евпатий отбросил нескольких встречных татар и помчался вверх к белому знамени с изображением кречета.

Наперерез Евпатию скакал на рыжем коне огромный монгол с поднятым кривым мечом. Евпатий изловчился, повернул своего коня в сторону и, поравнявшись, понесся рядом с монголом. Тот замахнулся, но Евпатий рубанул по мечу монгола с такой силой, что кривой меч переломился. Вторым ударом Евпатий рассек монгола до пояса, и тот свалился с седла. Крики ужаса слышались среди татар:

— Уй! Тогрул убит!.. Вай-дот! Тогрул убит!..

Евпатий снова бросился к холму. Подоспевшие конники скакали рядом с ним, сшибаясь с налетавшими врагами. Татары, бывшие на холме, умчались врассыпную.

Евпатий остановился на вершине и оглянулся. Татары появлялись со всех сторон. Все новые и новые отряды выезжали из леса и кольцом окружали холм, где на древних развалинах собрались бесстрашные «ястребки» и «волчата».

Бой длился долго. Бесчисленные татары густым строем наступали на русских воинов. Спешившиеся черниговские всадники стояли плотной стеной, не уступая стремительным нападениям. Плохо вооруженные сторонники в яростных схватках уложили немало татар. Но ряды русских быстро редели.

Там, где всего больше теснилось воинов, где чаще свистели стрелы, где громче звенели мечи, — выделялись два высоких воина. Они не пригибались к земле, укрываясь от удара; они не прятались от смертоносных стрел. Выпрямившись во весь рост, они отчаянно бились, не отступая.

Рядом с ними сражались плотными рядами русские ратники. Меткие татарские стрелы отлетали от крепких кольчуг, кривые сабли их не задевали. Несокрушимой стеной стояли они и отбивали буйные налеты татар.

Изредка сквозь страшные звуки сечи — дикий визг татар, крики русских, ржание коней, лязг железа, вопли раненых — слышался густой раскатистый возглас:

— Держись, друже Евпатий! Рази их, окаянных!..

В ответ раздавался звучный голос, которым, бывало, на вече любовались рязанцы:

— Не бойся, отче Ратибор, держусь!

Прямой блестящий меч свистел в руках Евпатия. Рядом Ратибор сокрушал наседавших татар своей страшной палицей.

Лучших всадников посылали сюда ханы. Но кони испуганно поднимались на дыбы и уносились в сторону. Другие падали вместе с седоками, сраженные ударами витязей. Кто успевал увернуться от меча Евпатия, того настигала палица Ратибора.

Громадный, с блестящим шлемом на длинных седых кудрях, с горящим смуглым лицом и сверкающими темными глазами, с тяжелой палицей в руках, Ратибор приводил в ужас нападающих, Евпатий был также грозен в своей решительности и мужестве.

И в страхе отступили татары.

В стороне, верхом на вороном жеребце, окруженный главными темниками, Бату-хан наблюдал за битвой. Движением руки он позвал Субудай-багатура.

— Повелеваем: привести мне обоих урусутов живыми!

Субудай послал отборную сотню, за ней вторую. Воины не вернулись, а урусуты продолжали биться.

Взбесившийся конь примчался, на нем едва держался в седле раненый. Он тяжело упал к ногам Бату-хана:

— Джихангир! Их взять нельзя! Это сам урусутский бог Сульдэ!..

Последние слова раненый прошептал чуть слышно. Он вздрогнул, вытянулся и затих. Нукеры оттащили его в сторону. Бату-хан отвернулся. Лицо его исказилось гневом.

— Почему спят мои шаманы? — прошипел он.

Прибежавшие шаманы выли, били в бубны, плясали. Они просили всемогущего монгольского бога Сульдэ сразить урусутского бога. На разные голоса призывали они своих заоблачных богов, молили их о помощи, обещали им девять лучших вороных коней и девяносто девять пленных юношей.

Но бог Сульдэ был сердит. Он не захотел помочь и спуститься в глубокие снега, в бездонные болота. Да и шаманам не нравилась злая земля урусутов, где выли свирепые метели и трещали жестокие морозы. Им хотелось скорей обратно, в привольные монгольские степи, где остались их милостивые боги.

А воины все падали вокруг страшных урусутских витязей.

Уже давно длилась битва. Но Ратибор и Евпатий не чуяли усталости. С прежней сокрушающей силой взлетала страшная палица, с прежней верностью косил острый меч. Так же громко звучал призыв Ратибора. По-прежнему уверенно отвечал Евпатий.

Русские воины, забывая усталость, сомкнув ряды, продолжали сражаться. Они наступали на татар, подбадривая друг друга громкими криками:

— Вперед, черниговцы!.. Держись, Рязань!.. За волю русскую!..

Бату-хан напряженно, не отрываясь, следил за битвой. Он завыл, увидев, как третья сотня полегла от ударов грозных урусутов:

— Я теряю лучших моих воинов!..

Теснившиеся около джихангира темники попятнулись.

— Вай-дот! — кричали они. — Что с ними делать? Это не люди, а крепкие камни!

Бату-хан ударил себя по щекам и завизжал:

— Субудай! Субудай!

И бросил подсказавшему старому полководцу какое-то распоряжение.

Забегали нукеры. Послышался тяжелый топот коней, странный скрип и шум. Прозвучали новые татарские выкрики, треск и грохот. Резкие удары в медные щиты отозвали с холма татарских воинов, схватившихся с урусутами.

Евпатий, видя отступление татар, высоко поднял меч:

— Вперед!.. За.

Но страшный удар в грудь прервал его могучий голос. Он упал, обливаясь кровью.

С ужасной силой, сбивая все встречное, летели в теснившихся на холме русских воинов огромные камни. Это татары подтащили на полозьях китайские камнеметные машины.

Взвыл Ратибор волчьим голосом. Отшвырнул палицу, бросился к любимому другу. В отчаянии теребил его:

— Жив ли ты, Евпатий?.. Откликнись, друже!

Осторожно припал к нему ухом. Конечно! Больше не придется им вместе биться за родную Русь.

Он поднял голову, оглянулся. Со всех сторон с диким грохотом падали страшные камни, сокрушая русских храбрецов.

Ратибор поклонился мертвому другу, поднялся во весь свой громадный рост и пошел, безоружный, большой и грозный, с бурно дышащей грудью и горящими глазами, навстречу неминуемой смерти.

«А Русь-то снова строится!»

В марте в Перуновом Бору было безлюдно и тихо. Ратники, ушедшие по призыву рязанского князя, — как доходили слухи — бились и под Суздалем, и на Берендеевом болоте, и на берегах Сити и Мологи.

Вернутся ли? Вороги немилостивые никого в живых не оставляют.

На месте сгоревших изб разгромленного татарами селения остались только глиняные печи и груды черных, обугленных обломков. Только несколько крайних к озеру избенок сиротливо прижались друг к другу. Там ютились оставшиеся в живых ребяташки. Их пестовала жена Звяги, еще более исхудавшая, и две бездомные старухи. Они каждый день проверяли в озере мережи¹ и приносили линей и карасей. Тем все и кормились, да еще коржиками, спечеными из мякины и толченой сосновой коры.

¹ Мережа — ставное рыболовное орудие типа ловушки.

Весеннее яркое солнце растопило снега, завалившие вековые леса. Вокруг Перунова Бора нельзя было ни пройти, ни проехать. Птицы налетели дружными стаями, свистели, перекликались, пестрые дятлы долбили стволы и почикивали: «Чок-чок!»

В начале апреля на лодках переехали озеро первые сбег¹. Они говорили старухам рыбачкам вполголоса, точно все еще боялись, что их услышат татары:

— Много их еще бродит по дорогам, но, кажись, главная их сила ушла в Дикое поле. Теперь последние отряды татар потянулись туда же. А мы хотим к вам пристать. Здесь жито сеять. Не откажите! Тут нам любо: и от больших дорог подальше, и тихо, и рыбка в озере поплескивает. Наши яровые взойдут, и никто уже нашего хлебушка не отберет.

Понемногу стали прибывать еще сбег. Когда спали весенние воды, подсохли дороги, приплелись также первые кони, заморенные, взъерошенные, но они приволокли сохи и бороны.

В Перуновом Бору стало веселее. Застучали топоры, перекликась с малиновками, дятлами и грачами. Длинными рядами вырастали белые срубы из еловых лесин. Откуда-то прибежали лохматые собаки и тьякали днем и ночью.

О татарах было все менее слышно. Мужики судили и рядили, что дальше будет? Все думали, что татары отхлынут в Дикое поле, как раньше делали половцы, и назад на Русь не вернутся.

Пришла высокая, худая, как скелет, женщина. Она подталкивала упиравшуюся, такую же отощавшую корову. Все кости выпирали. Бабы окружили рыжую корову, покачивая головами, указывая на высохшее вымя, висевшее как тряпка. А владелица коровы не унывала:

— Моя кормилица будет! На весенних травах поправится. Я здесь все места знаю, где какая трава растет.

— Разве здешняя?

— А то как же! Вот печь от моей избы. Сызмалетства я здесь выросла.

— Да ты, поди, Опалениха? — закричала вдова Звяги и выбежала из толпы. Обе женщины, обнявшись, плакали навзрыд.

— Куда твоя краса подевалась, Опалениха? — причитала одна. Другая всхлипывала:

— А где твой семеюшка? Поди, лежит где-нибудь под ракитой?

Они расспрашивали о всех, ушедших с погоста на ратное дело, но рассказать толком ничего не могли.

— Савелия, говорят, убили на реке Сити, Ваулу видели среди сторонников под Суздаем. Торопка лихим удальцом стал, да и его, поди, уложила татарская стрела.

¹ Сбег — беженцы.

В мае на погост явился пеший Торопка, целый и невредимый; только вырос очень и стал костлявый: давно не ел. <...>

«Много монгольской крови пролилось и на пашнях урусотов, и в их дремучих лесах, и в Кипчакских привольных степях... Еще более пролилось крови мирных народов, сопротивлявшихся беспощадному войску кочевников. Все это делалось для величия и ужаса монгольского имени.

Возвращением в Кипчакские степи закончился первый поход джихаегмра Бату-хана для завоевания земель болгар, урусотов, буртасов и других северных народов.

Но этим не ограничились грозные замыслы молодого полководца, внука Чингизова. Пробыв два года в Кипчакских степях и поправив истощенных походом монгольских коней, Бату-хан со своей огромной ордой предпринял новое, еще более потрясающее наше сознание на Запад — сперва на златоверхий урусутский город Кивамень, а затем дальше на вечерние страны, обрушив на них ужас и смятение.

Однако обо всем этом мною написано в другой книге. К ней я отсылаю любознательного читателя, пожелав ему мирной и долголетней жизни, без страданий, которые приносит народам пожар бушующей войны...»

Выписка из «Путевых заметок Хаджи Рахима»

[5, 418, 448—449, 468—470; 6, 33—40, 85—95, 115—120, 184—185]

В. Г. Ян

К «Последнему морю»

(Отрывки из романа)

Последнее вече Киева

*...Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.*

А. С. Пушкин

Ранним утром в конце ноября этого страшного года стал тревожно звонить вечевой колокол. Он звонил часто, упорно, настойчиво, своим зовом поднимая сонных киевлян, призывая идти не мешкая «постоять вече» на площади перед собором св. Софии, послушать и решить неотложные дела. Все почувствовали в этом частом звоне, что вече будет необычное. Все узнали чистый беспокойный звон вечевого колокола, слегка надтреснутого, и сразу отличали его от равномерного звона других благозвучных колоколов киевских церквей.

Вадим в это утро, как всегда, уже побывал в своей иконописной мастерской. Накануне наставник строго ему наказывал:

— Списывать образ надо точно, без самочинных вольностей, от которых расшатывается древнее благочестие!

Поэтому Вадим старательно всматривался в икону сурового праведника греческого письма и старательно воспроизводил каждую морщинку, «нарубал» каждую прядь волос, каждую складку одежды великомученика Власия.

«Да я и сам уже становлюсь великомучеником, — думал Вадим. — Жжет меня тоска неугасимая, гнетет пуще вериг железных.»

В мастерскую вбежал его товарищ, соученик по иконописной работе, юный послушник Касьян, и стал торопить:

— Бросай работу! Вечевой колокол, говорят, общий сход выбивает. Зовут на большое вече всего Киева. Бежим туда вместе! Я тебя проведу прямо к тому месту, где всего виднее.

Испросив благословение у своего наставника, оба юноши направились по узкой заснеженной улице. По обеим сторонам тянулись плетни и дощатые заборы, за которыми виднелись голые верхушки деревьев и камышовые крыши побеленных хаток. Над крышами летали сизые и пестрые голуби, из глиняных труб вились дымки — хозяйки, верно, пекли хлеб. Все казалось таким мирным и благодатным. В одну открытую калитку они увидели, как две лохматые собаки с лаем бросились на распушившуюся кошку, вскочившую на плетень. Все — как всегда!

Однако, повернув на следующую улицу, юноши стали замечать, что тревога уже начала охватывать киевлян: громко хлопали калитки, выходили, запахивая шубы, хозяева, выползали старые деды, подходили друг к другу и, приложив ладонь к уху, спрашивали: что случилось? Все ускоренными шагами направлялись к Софийской площади в верхний город.

— Эй, Вадим, иди к нам! Земляков встретишь!

Это были кузнец Григорий и Андрей, днепровский плотовщик, спокойный, уверенный как всегда. Через плечо висела кожаная котомка, на пояс за спиной засунут топор с длинной рукоятью, какой носят лесорубы.

— Татар видел?

— Каких татар? Неужели пленных пригнали? — спросил Вадим.

— Вишь, чего сказал! Сперва сумей их поплнить! Иди за мной, сейчас покажу.

Андрей повел своих молодых друзей через переулок на холм, заросший старыми липами, где обычно летом собиралась молодежь и водила хороводы. Теперь здесь было пусто и все засыпано снегом. С этого холма открывался вид на далекие просторы заднепровских степей.

— Гляди туда, к восходу. Видишь много черных дымок?

— Это камыши горят?

— Нет! Это татары греются у костров. <...>

Дмитро могучим голосом горячо закончил речь:

— Люди киевские! И наши внуки и правнуки будут вспоминать, как в Киеве их деды и прадеды не склонились перед жестоким врагом, а бились до последней капли крови. И потомки наши будут вспоминать нас с любовью и учиться, как нужно защищать родину, отдавая жизнь за нее.

Отовсюду слышались крики:

— Встанем за родную землю! Защитим наших жен и детей! Умрем, но не сдадим Киева!

С этого часа все киевляне без устали продолжали подготовку своего города к защите: и днем и ночью они укрепляли старые стены, поперек улиц делали завал из бревен и камней. К стенам привезли большие котлы, чтобы кипятить воду и смолу.

Люди стекались также из окрестных селений под защиту киевских стен и увеличивали число добровольных бойцов. Вооружались кто чем мог. Оружейники и кузнецы заготавливали воинские доспехи, ковали щиты и мечи, рогатины, секиры, стрелы, а уличные старосты раздавали оружие всем горожанам.

Последний час Киева

Во время самого отчаянного боя Бату-хан долго находился на колокольне одной из церквей, откуда наблюдал за всем происходившим и давал гонцам приказания.

Постепенно, с большим трудом монголам удалось прорваться сквозь завалы из камней и бревен до площади, где перед древним храмом происходила последняя отчаянная битва.

Когда Бату-хан прискакал на эту площадь, то увидел повсюду груды тел убитых и раненых воинов и тяжело храпящих бившихся коней. Бой кончался у высоких дверей Десятинной церкви. Даже на ее кровле находилось множество людей, метавших в татар стрелы и камни.

Бату-хану указали на пожилого статного воина в блестящих латах. Из-под рассеченного шлема по лицу стекала кровь. Он стоял, прислонившись к стене храма, и, широко раскрывая рот, тяжело, с трудом дышал.

— Этот высокий багатур — главный начальник здешних войск, Дмитро, — объяснил толмач Бату-хану. — Если прикажешь, твои нукеры прикончат его.

— Мертвый он мне не нужен. Взять его живым и невредимым привести в мой шатер. Я хочу говорить с ним.

Ловко брошенный аркан обвился вокруг раненого воеводы и свалил его на землю. Татары, связав Дмитро, положили его поперек коня и, прикрутив веревками, увезли.

Красивый каменный храм с позолоченными куполами был переполнен женами и детьми самых знатных людей города, нашедшими там свое последнее прибежище. Туда же были снесены их ценные вещи, меха и одежды, которые так надеялись захватить хищные и жадные монгольские воины, каждый из которых лелеял мечту о сказочном обогащении при взятии Киева.

В полутемном храме было душно, кругом слышались причитания и стоны, некоторые громко молились, надеясь на какое-то чудесное спасение. Плакали дети.

Несколько человек еще накануне начали рыть подкоп, чтобы выбраться из храма на противоположный склон холма и ночью, пользуясь темнотой, скрыться в ближайшем лесу.

Землю из подкопа вытаскивали наверх в деревянных ведрах с помощью длинных веревок. Подкоп был уже достаточно глубок. У людей появилась надежда на спасение. Они твердо решили не открывать осаждающим дверей.

Однако монголы не могли больше ждать, так как кругом все сильнее бушевал пожар и уже трудно было оставаться среди дыма, огня и падавших отовсюду, подхваченных вихрем горящих досок и обломков зданий и заборов.

Тогда Бату-хан в гневе приказал:

— Проломить каменную стену «дома молитвы»!

Вскоре притащили стенобитный таран. Опытные нукеры поставили его против одной из стен храма и стали раскачивать бревно, тяжелое, с железным наконечником, упорно ударяя им в стену, пока она не была пробита, и прекрасное здание рухнуло, похоронив под своими развалинами всех, кто укрывался внутри, вместе с их богатствами. Монголам так и не удалось ничем воспользоваться.

На площади уже нельзя было оставаться: кругом пылали дома. Бату-хан со своими приближенными помчался прочь, с трудом вырвавшись из огненного кольца.

Приказание татарского владыки было выполнено: к его походному шатру на левом берегу Днепра нукеры привели связанного воеводу Дмитро.

Придворный летописец Хаджи Рахим вместе с лекарем Дудой Праведным омыли и перевязали раненого, стараясь остановить кровь целебными травами. Дмитро держался мужественно и не издал ни одного стога. К нему подошел Бату-хан. Он долго пристально смотрел на израненного воина, как бы изучая его и что-то обдумывая, потом медленно сказал:

— Ты настоящий багатур. Я охотно возьму тебя в мое войско, чтобы ты служил мне.

Воевода молчал.

— Что же ты мне посоветуешь: оставаться ли моему войску здесь, на земле урусотов, или же сейчас двинуться дальше, покорять

«вечерние страны»? За правдивую речь я не наказываю, а награждаю. Отвечай мне правдиво.

Дмитро заговорил с трудом:

— Оставаться здесь татарам нет выгоды. Русская земля тобою уже покорена. Город Киев сожжен. В нем не осталось ни одного целого дома, ни одного неизраненного защитника. А ты любишь войну, ищешь новых побед и захвата новых богатых городов. Скорее уходи дальше, завоевывать другие земли. Да ведь ты и сам не останешься здесь.

Дмитро говорил медленно, то и дело облизывая сухие запекшиеся губы.

Бату-хан с подозрением посмотрел на него и тихо сказал Субудай-багатуру:

— Я думаю, что он потому мне советует немедленно двинуться дальше, что хочет поскорее освободить свою землю от грабежа моих воинов.

Затем, обратившись снова к воеводе, спросил:

— А где, в какой стране я найду самые лучшие корма для наших коней?

— Конечно, в привольных угорских степях.

— Ты поедешь со мной, — сказал Бату-хан, — будешь в пути моим советником.

— Плохой я тебе советник: жить мне уже осталось немного, — ответил равнодушно Дмитро. — Скоро я умру и тебе желаю того же!

Бату-хан вздрогнул. Окружающие переглянулись. В эту минуту, запыхавшись, подбежали два татарских сотника и, подхватив Бату-хана под руки, быстро посадили его на коня.

— Великий джихангир! Здесь проклятое место! В Кыюве нам нечего больше делать. Пора уходить отсюда.

Удаляясь от Киева вслед за Бату-ханом, Гуюк-хан тихо говорил одному из своих приближенных:

— Вечно синее небо было здесь немилостиво не только к Бату-хану, но и ко мне: когда джихангир направил свое войско на осаду Кыюва и тумен за туменом уходил туда, а обратно ни один не возвращался, я сказал Саин-хану: «Великий джихангир! Бог войны Сульдэ дает победу только самым доблестным. Не следует ли тебе самому повести свой тумен непобедимых на этот непокорный город? При одном твоём приближении откроются ворота, а наши воины обретут новую силу сказочных багатуров». Он посмотрел на меня и промолчал, но совету моему не последовал. Жаль! Ведь по воле неба и он бы мог не вернуться, если бы ринулся в самую гущу боя, и тогда этому безумному походу наступил бы конец.

— А если бы войско все же захотело идти вперед, а не назад? — спросил собеседник.

— Тогда кто-либо другой, не менее доблестный, мог бы заметить Бату-хана, став во главе нашего войска.

— И это был бы ты! <...>

[6, 360—361, 366, 377—379]

Литература

1. *Епифанов П. П.* Хрестоматия по истории СССР (с древнейших времен до 1861 г.): Пособие для учителей / Сост. П. П. Епифанов. — Москва : Просвещение, 1980.

2. *Заболоцкий Н. А.* Стихотворения и поэмы. — Москва : Современник, 1981.

3. Певец во стане русских воинов: Стихи о ратном подвиге. — 2-е изд. / Сос., вступ. ст. Ю. Селезнева; Гравюры А. Зайцева. — Москва : Мол. гвардия, 1989.

4. *Черникова Т. В.* История России. IX—XVII вв.: Учеб. для 6—7 кл. общеобразоват. учеб. заведений / Под ред. А. Н. Сахарова. — 2-е изд. — Москва : Дрофа, 1998.

5. *Ян В. Г.* Собрание сочинений. В 4 томах. Т. 2. Чингиз-хан. Батый. — Москва : Правда, 1989.

6. *Ян В. Г.* Собрание сочинений. В 4 томах. Т. 3. Батый; К «Последнему морю». — Москва : Правда, 1989.

Куликовская битва

А. А. Блок

Из цикла «На поле Куликовом»

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной —
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!
Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

[3, 128]

7 июня 1908 г.

Нашествие Мамаю (Песнь Баяна)

Не туча над Русью всходила востоком,
Не буря готовила гибель земли,
Не воды с Кавказа срывались потоком, —
Под знамя Мамаю ордынцы текли.
Стеклися и хлынули в Русское царство!
Но дремлет ли в праздном бессильи орел,
Когда расстилает сетями коварство,
Готова великому тесный Удел?

Воскресло, воскресло ты, чувство свободы,
В сердцах, изнуренных татарским ярмом!
Так глыбой не держатся горные воды
И тощею тучею мещется гром.
Я зрел: на распутьях дружины теснились;
Из мирного плута ковался булат;
И плакали жены, и старцы молились,
И мщением искрился юношей взгляд.

Как листья дубравы под вешним дыханьем,
За Доном взвевались знамена татар;
Осыпаны вечера ярким сияньем,
Доспехи ордынцев горели, как жар;
Как листья дубравы под холод осенний,
С рассветом ложились без жизни ряды;
Тускнели доспехи под кровью сражений,
И долу клонилося знамя Орды.

Почто ж не любиешься с выси кургана
Воинственным полем, надменный Мамай?
Не зришь, как прежде, победного стана?
Бежишь, как безумный, в отеческий край?
Сын варварства! в нем ли найдется утрата?
Тебя оглушат там проклятия вдов;
Сестра там заплачет за лучшего брата,
Отец за надежду, последних сынов.

Не знал ты, что чувство свободы сильнее,
Чем алчность корысти, душ купленных жар;
Не знал ты, что сердцу звук цепи слышнее,
Чем звонкого злата о злато удар.
Днесь поздно клянeshь ты улусов кумиры,
На русское небо боишься взглянуть.

Беги! не сорвать тебе с князя порфиры:
Цепь рабства не давит уж русскую грудь!

[4, 117—118]

1825

Н. М. Языков

**Баян к русскому воину
при Дмитрии Донском,
прежде знаменитого сражения при Непрядве**

О бранный витязь! ты печален,
Один, с поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и немой,
Среди могил, среди развалин;
Ты видишь в родине своей
Следы пожаров и мечей.

И неужель трава забвенья
Успеет вырость на гробах,
Пока не вспыхнет в сих полях
Война решительного мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Железом страшные врагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи — злато приносили.
И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?

Когда с толпой отважных братий
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

Рука свободного сильнее
Руки измученной ярмом:
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее;
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножен:
За честь, за веру грянет он
В твоей опомнившейся длани —
И перед челами татар
Не промахнется твой удар!

На бой, на бой! — И жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Конец владычеству тиранов:
Ужасен хан татарский был,
Но русской меч его убил!»

[4, 126—127]

1823

Н. К. Старшинов

Там, за Непрядвою, за Доном...

(Отрывок)

1

Позади у воинов — Непрядва,
Слева — затуманившийся Дон.
И простор великий только на два,
Только на два стана разделен.

Вот сейчас — не в дальней дали где-то —
Здесь сойдутся, как гроза с грозой...
Грянул поединок Пересвета,
Вышедшего в бой с Темир-Мурзой.

До земли поникли травы луга,
И до неба поднялись дубы:
Всадники несутся друг на друга,
Встретились, и — кони на дыбы!

Копья устремив ожесточенно,
Оба пали под ноги коней...
И тогда сошлись полки у Дона —
Кто из них отважней и сильней?

Черной тучей конница Мамаю
Затянула весь простор степной.
Но, ее удары принимая,
Выстроились русичи стеной.

Вот порубит, как снопы соломы,
А потом — бесчинствуй и топчи.
Но крепки у русичей шеломы,
Но остры у русичей мечи!

Кони, обезумев, рвут поводья, —
И своих потопчут, и врагов.
И от крови, словно в половодье,
Скоро выйдет Дон из берегов...

«Други! Мы живем под небом божьим,
А в бою сражаться нам самим.
Братья! Лучше головы положим,
Но своей земли не посрамим!

Лучше пасть, достойно смерть приемля,
Чем позором жизнь свою сберечь.
Чтобы защитить родную землю,
Мы готовы в землю эту лечь!..»

2

Ой да как за Доном
Мы врага разбили,
Ой да как победу
Трубы протрубили!

Как врага угнали
До Красивой Мечи,
Чтобы русским людям
Вновь расправить плечи;

Чтоб покончить с игом —
Черным днем вчерашним,
Чтобы вновь вернуться
К позабытым пашням;

К малолетним детям,
К матерям и женам;
Чтоб сияло солнце
Над широким Доном!..

Ой да как за Доном
Кулики кричали,
Кулики кричали
О большой печали.

В небе полуденном
Солнце в тучах тонет.

Ой да как за Доном
Воинов хоронят.

Их, погибших в битве,
Их, причастных к славе.
Воинов хоронят
В зеленой дубраве.

И земля и небо —
Все объято грустью...
Но взывают трубы
Над воскресшей Русью:

«Надо нам, о други,
Быть в строю едином!
Честь и слава князю
И его дружинам!

В битве закаленным,
Не отдавшим воли
Ой да как за Доном,
В Куликовом поле!..»

3

Там, за Непрядвою, за Доном,
Где нынче вызрели хлеба,
В большом бою ожесточенном
Решалась и моя судьба.

Там, унимая супостата,
Дружины русских полегли.
На их крови выросли когда-то
Полынь-трава и ковыли.

Не потому ли и поныне
Еще хранит моя земля
И этот горький дух полыни,
И скорбный шелест ковыля...

4

Снова тучи проносятся, дыбясь,
Или дым синеву заволок...
Посмотри, как волнуется чибис,
Как дрожит у него хохолок.

Вот взлетел с дребезжанием крыльев,
Поднялся против ветра с трудом.
И, порывы его пересилив,
Над своим закружился гнездом.

Словно ждет, что накатятся с юга
Злые орды и бой закипит.
И тогда-то оглохнет округа
От жестокого грома копыт,

От воинственных криков и стона
И от посвиста стрел-близнецов.
Снова рати сойдутся у Дона
И растопчут бессильных птенцов...

Солнце, глянув на землю с испугом,
Закатилось в клубящийся дым.
Тучи ниже и ниже над лугом,
Чибис — выше и выше над ним.

Утопая в просторе великом,
Оглашает ненастную даль
Неземным и пронзительным криком...
О, высокая эта печаль!..

[3, 132—133]

Комментарии

Преподобный Сергей благословляет Дмитрия Донского на битву с Мамаем (1380 г.). Около 140 лет татары терзали Русь, раздробленную на уделы. Но в XIV в. возвысилась Москва, которая соединила Русь в одно целое. Появилось Великое Московское княжество. В то время как Московское княжество со времен Калиты постоянно усиливалось, Золотая Орда, напротив, слабела, истощенная междоусобицами ханов. С 1360 по 1380 год сменилось 14 правителей Орды. В результате Орда распалась на несколько частей.

Пользуясь этим, московские князья стали посылать ордынским ханам дани меньше. Во многих местах стали избивать татарские отряды, заходившие пограбить Русскую землю. Внук Ивана Калиты, Дмитрий Иванович, княживший в то время в Москве, понимал, что пришла, наконец, пора дать отпор ненавистным ордынцам.

Великий князь Дмитрий Иванович (родился в 1350 г.) — старший сын великого князя Ивана Ивановича Милостивого, прозванный также Красным, был женат на Евдокии Дмитриевне, дочери великого князя владимиро-суздальского Дмитрия Константиновича. Семейная жизнь великокняжеской четы проходила под духовным руководством митрополита Алексея. Оказывал на нее влияние и преподобный — печальник¹ земли Русской Сергей Радонежский.

¹ Печальник — покровитель, заступник, благодетель.

А. Н. Новоскольцев (1853—1919).

Преподобный Сергий благославляет Дмитрия Донского на битву с Мамаем. 1380 г.

Между тем во второй половине XIV в. Орда объединилась под властью одного хана — Мамаю, который немедленно потребовал от Дмитрия прежней дани и покорности. В ответ на это Дмитрий Иванович решил начать всенародную борьбу против монголо-татарских завоевателей. В 1378 году ордынский воевода Бегич с большим войском напал на Рязанское княжество. Дмитрий Иванович пришел на помощь Рязани. На берегу реки Вожи, притока Оки, его воины окружили и почти полностью уничтожили ордынцев. Это была первая победа русских над Ордою. Мамай решил расправиться с непокорной Москвой и задумал повторить батыево нашествие. Хан собрал сотни тысяч воинов, заключил военный союз с литов-

ским князем Ягайло и в августе 1380 года выступил в поход на Москву. Князь Дмитрий, узнав о движении ордынских войск, призвал русских князей объединиться для борьбы за освобождение от монголо-татарского ига. К князю Дмитрию приехали из Серпухова его двоюродный брат князь Владимир Андреевич, который посоветовал, что «лучше под мечом за Христову веру и за государя умереть, чем в рабстве век вековать». Решено было готовиться к решительному сражению. В этом решении поддерживал Дмитрия и игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский.

Перед походом Дмитрий вместе с братом Владимиром Андреевичем, князьями и воеводами, отправился в Троицкую обитель на холме Маковец близ Радонежа 17 августа 1380 года, чтобы помолиться Живоначальной Троице и просить благословение у Святого Сергия на битву с Мамаем. Перед походом на Дон великий провидец Сергей пригласил великого князя к себе откусать хлеба. После трапезы, окропив святой водой великого князя и бывших с ним, сказал: «Врага ожидает конечная гибель, а тебя милость, помощь и слава от Бога...» Затем, осенив князя крестным знамением, преподобный пророчески изрек: «Господь будет тебе заступником и помощником. Он победит супостатов твоих и прославит тебя». Вещие слова преподобного наполнив радостью и надеждой сердце великого князя. Кроме того, Сергей отпустил с ним двух иноков-богатырей из своей братии — Александра Пересвета и Андрея Ослябю, дав каждому из них схиму с нашитым крестом.

В жестокой битве на Куликовом поле русские, с огромными потерями, одержали победу над ордынским войском. Мамай бежал с поля брани. В этом бою был тяжело ранен и великий князь Дмитрий Иванович, заслуживший навеки этой битвой (8 сентября 1380 года) славное имя Донского.

[5]

К. Ф. Рылеев

Дмитрий Донской

Дума

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов:
За нас и Сергия молитвы
И прах замученных отцов!

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.
Туда! за Дон!.. настало время!
Надежда наша — бог и меч!
Сразим моголов и, как бремя,
Ярмо Мамаю сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обозревая,
Красуясь на коне, гремел
И, в помощь бога призывая,
Перуном грозным полетел...
«К врагам! за Дон! — вскричали поиски, —
За вольность, правду и закон!» —
И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят, как соколы, — и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и берега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, доли, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры.
Повсюду бердыши блестят.
Идут как мрачные дубравы —
И вторят степи гул глухой;
Идут там хан, здесь чада славы —
И закипел кровавый бой!..

«Бог нам прибежище и сила! —
Рек Дмитрий на челе полков. —
Умрем, когда судьба судила!»
И первый грянул на врагов.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли,
И мрак простерся по полям.

Повсюду хлещет кровь ручьями,
Зеленый побагровел дол:

Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол,
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тению кургана,
Презревший славу, сад и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет.
Там Белозерский князь и чада,
Достойные его любви,
И окрест их татар громада,
В своей потопшая крови.

Уж многие из храбрых пали,
Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали,
Татарин дикий свирепел.
К концу клонился бой кровавый,
И черный стяг был пасть готов, —
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский грянул на врагов.

Враги смещались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!» —
И побежала рать тирана,
И сокрушен гордыни рог!
Помчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях!..

Но кто там, бледен, близ дубравы.
Обрызган кровию лежит?
Что зрю?.. Первоначальник славы,
Димитрий ранен. страшный вид!..
Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вот к стнящему герою
Притек сонм воев и князей.

Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!»
И князь, воздевши к небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!
Велик! — речет, — к нему молитвы!

Он Сергия услышал глас;
Ему вся слава грозной битвы;
Он, он один прославил нас!»

[3, 126—127]

1822

П. Л. Проскурин

Затмение (из романа «Имя твое»)

<...> По всему пространному Куликову полю из края в край лилась кровь и люди умирали, а Пересвет видел только одного Челубея, узкие его глаза, вздернутые к вискам под длинной шапкою, и нацеленное копьё. Наскакав друг на друга, они враз ударили тяжёлыми копьями, и оба упали мертвыми, и, падая, Пересвет увидел жаркое солнце, и сердце его онемело. Он все еще словно скакал с копьём в руках вперед и вперед, к Красному холму, к самой его вершине, где желтел ханский шатер Мамаю, откуда хан с возрастающей тревогой, топоча в ярости бессильными от подагры ногами, следил за ходом неисчислимого побоища. Но и в мыслях своих Пересвет не доскакал до вершины Красного холма и повергся на землю, сердце в нем окончательно замедлилось, и тьма закрыла ему глаза.

Но и тут было чудо, он был убит, но все видел и все знал; и как крепко ступились вои, и как от тяжких их ударов стонали и долы, и холмы, трескались копьё, звенели доспехи, дробились щиты, разили секиры, гремели мечи и блистали сабли, и как ударил на ордынцев в последний, решающий момент запасный конный полк с князьями Серпуховским да Волынским во главе, и как дрогнули и побежали ордынцы от их неожиданного натиска. И как потом пришла после побоища сырая ночь, и Куликово поле из конца в конец стонало и шевелилось, и в тоскливом страхе от множества мертвых и раненых и запаха свежей крови выли в чащобах дикие звери, и как от одного русского города к другому уже летела весть о великой беде, потому что потом целых восемь нескончаемых дней оставшиеся в живых будут собирать и предавать земле тела погибших в этом ратном стоянии, и над их захоронением вознесется церковь Рождества Богородицы из крепкого дуба, и положит эта церковь начало знаменитой русской Родительской субботе — дню всеобщего поминовения предков. И жгучий плач, и светлая, горькая радость потекут по Русской земле одной дорогой, одной рекой.

И еще чуднее, что инок Пересвет будет помнить и то, как его тело положат в дубовую колоду, так же, как и тело убиенного его

друга инокa Андрея Осляби, и как их повезут долгой дорогой в Москву и захоронят в Симоновской обители, и как сам святой Сергей при несметном стечении народа московского будет служить по ним панихиду. Все это будет знать и слышать Пересвет, и только потом память его угаснет. <...>

[3, 138]

Задонщина **(Стихотворное переложение Бориса Примерова)**

(Отрывок)

Ой, сойдемся, братья русские,
Сыновья земли единой,
И поставим слово к слову,
Так, чтоб песня зазвенела,
Возвеличивая славных,
Возвеличивая русских!
Бросим мы печаль большую
С неба на страну Востока,
В Симов жребий, где широко
Залегли полки Мамаю.

Ой, сойдемся, братья кровные,
Други трав, дубов зеленых,
И восхвалим гром-победу
Над Ордою Золотою.
Воздадим почет и славу
Князю Дмитрию Донскому,
Князю Боровска и князю
Седоглавого Ростова.

Сыновья земли высокой,
Мы сойдемся. Грянут гусли
Непривычными словами
О деяниях похвальных
Да о нынешнем походе
На большого супостата.
Ибо соловей наш вещей
Возлагал персты горазды
На живые струны гусель,
Запевая славу русским:
Первым был могучий Игорь,
Игорь Рюрикович, дале —
Князь Владимир Святославич,
Киевский великий князь.

Третьим шел, как подобает,
Ярослав, что прозван Мудрым
За живое наставленье
Городам и весям нашим.

Я же истинный рязанец
По прозванию Софроний,
Старым гуслим в лад сегодня
Слово светлое скажу.

По подобию Бояна
Да по нынешним законам —
Слово, смелое, как ветер,
Про Димитрия Донского.
О его любимом брате,
Правнучке князей великих,
Коиx мужество и вера
Было их желаньем древним
Встать за землю православных
Против саранчи поганой.

А от Калкской битвы до Мамаева побоища 160 лет

Вот Московский князь Димитрий
И удельный князь Владимир,
Испытав свой ум отвагой,
Заострив бесстрашье сердце,
Думу ратную задумав,
Окружив себя полками,
Под шатром просторным неба
Крепко встали на земле.

О, крылатый жаворонок,
Птица летняя, степная,
Красных лет и дней утеха,
Залети на сине небо,
Посмотри на город сильный —
На Москву и Кремль державный,
На замах сей богатырский,
На зеленый свет дубравы.

Ты воспой, степная птица,
Славу Дмитрию Донскому
И испытанному князю —
Сыну грозного Андрея,
Внуку Калиты Ивана.
Разнеси хвалу о храбрых

От сухих степей до моря,
От Корсуни до Путивля.

О, лихая птица сокол,
Из большой земли Залесской
В половецкие просторы
Буря ль занесла тебя?!
Стай не перечесть сокольных
В небе низком басурманском
От рассвета до заката,
От зари и до зари.

На Москве золотоголовой
Кони ржут, мечи искрятся, —
Слава русская играет
На земле славянской всей:
На Коломне — медь-трубою,
В Серпухове — буйным бубном,
Стягом, на века стоящим, —
У истоков Дон-реки.

Колоколом новгородским,
Золотом святой Софии,
Говором мужей высоких,
Верностью славянских жен,
Колокол святой Софии
Бьет, сзывает люд на вече
Новгородцы, в круг собравшись
Возбужденно говорят:
— Уж нам, братья удалые,
Не поспеть на помощь нашим,
Войску Дмитрия, наверно,
Не дождаться нынче нас.

Как орлы всегда слетались
С дальних северных уделов.
Это не орлы слетались,
А съезжались князя
Под крыло Москвы единой
К стану Дмитрия Донского.

Говорят ему дружины
И князя уделов русских:
— Господин великий, княже!
Уж татары наступают,
Побирают земли наши,
Забирают в плен просторы,
Топчут вотчины и воды
Тихой северной страны.

У реки Мечи лесистой,
Меж Днепром и славным Доном
Рать неверного Мамаю
Хочет ныне брод держать,
Жизнь свою отдать — отныне
И вовек! — во славу нашу,
За рекою быстрой Доном
Беспробудно в поле лечь.

Господин великий, княже!
Мы пойдем с тобою тоже
За предел родного Дона
Поля ратного искать.
Для земель достанем диво,
Повести для самых старых,
Память крепкую для юных,
Испытаем храбрых — делом!

И ответил им Димитрий,
Храбрый князь земли Московской:
— Все мы из гнезда большого —
Князя киевского дети,
Рождены не на обиду
Мы ни ворону, ни злому
Ястребиному отродью,
Ни поганому Мамаю.

О, лесного лета птица,
Соловей в ветвях зеленых,
Что тебе мешает ныне
Спеть Литве большую песню
И воспеть земли Литовской
Двух князей, двух братьев кровных,
Ольгердовичей бесстрашных
И Боброка из Волыни!

Ведь они из самых храбрых
Сыновей родного края!
Кречеты — в лихое время,
Полководцы — хоть куда!
Пеленали их под трубы,
Под шеломами растили
И с конца копья вскормили
На земле Литвы седой.

И сказал один из братьев,
Ольгердовичей прекрасных:
— Сами мы два брата ясных,
Гедиминовых два внука,

Соберем, брат, панов милых,
Удальцов земли Литовской,
Встретим с первым солнцем ветры
Во широком ратном поле.

Пересядем мы с молитвой
На коней, борзых комоней¹,
И посмотрим быстра Дона,
Зачерпнем его шеломом.
Заградим щитами храбрых
Ворота на Русь святую,
Испытаем наши копыя
О байданы² басурманов.

И другой ответил брату: —
Брат, не пощадим мы жизни
За нетлеющую веру,
Правду неба, за обиду
Князя Дмитрия Донского,
Внука Калиты Ивана,
За притоптанную землю
Сапогом тупым Мамаю.

Уж стучит стук по оврагам,
Гром гремит по⁷над полями,
Будит птиц в укрытых гнездах
Белокаменной Москвы.
Это, брат, не стук тревожный
И не гром под облаками —
То червлеными щитами
Рать Дмитрия гремит.

То звенят сынов великих
Золоченые доспехи,
На груди удалых воев,
На святой груди Москвы.

Седлай, брате Ондрей, свои борзый комони, а мои готовы, раньше твоих оседланы. Выедем, брате, на чистое поле, посмотрим свои полки.

Уж споднялись сильны ветры
С моря да на устье Дона
И пригнали к Русским землям

¹ Комонь — конь.

² Байдана — разновидность колчатого доспеха. От кольчуги отличается лишь размерами и формой колец.

Черных туч большие рати.
А из туч тех выступают
Кровяным пожаром зори,
Сини молнии трепещут,
Дышат бездной нежилою.
Быть грозе великой, стуку
У реки Непрядвы тихой
Меж Днестром и Доном быстрым
На просторах Куликова.

Берегам крутым покрыться
Трупами людей убитых.
Кровью изойти последней
Рекам стонущей земли,

Уж, скрипя, ползут телеги,
Едут хитрые хинове¹
Тучей в русские пределы,
Подымая пыль горой.
Набежали волки с устья
Рек больших Днестра и Дона,
И по-волчьи воют стаи,
Кинуться хотят на Русь.

Только нет, не волчьи стаи
Набежали с устья Дона —
То хотят войной татары
Землю Русскую пройти.
Плещут лебеди крылами,
Гуси горестно гогочут,
Воды темно обнимая
На реке Мечи лесистой.

Ой, не гуси шум подняли,
Ой, не лебеди вскружили,
То Мамай поганый воев
В землю Русскую привел.

Но уже пасут их беды:
Птицы кружатся над ними,
Грают черные вороны,
Галки сумрачно галдят,
Клект орлиный раздаётся,
Серы волки грозно воют,
Брешут красные лисицы,
Чуя кости в чистом поле.

¹ Хинове — собирательное название восточных народов, враждебных Руси.
В данном случае — татары.

О Русская земля, ты теперь за царем, за холмом скрылась!

А уж соколы и кречеты
Рвутся из золотых колодиц
Белокаменного града,
Пути шелковые рвут,
Пронось под синим небом
Над рекою быстрой Доном,
Колокольчиками звонко
Разливаясь на лету.

Ой, хотят они ударить
На бесчисленные стаи
Лебединые и стаи
Серых испуганных гусей.

А богатыри русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамаю.

На поганого Мамаю
Силой вольной навалиться,
Чтоб земле родимой, русской
Сильной и веселой быть.

И тогда вступил Димитрий
В золотое свое стремя,
Меч десницей смелой вынул,
К богу думу обратил.

Солнце ясное с востока
Кажет путь ему счастливый,
А Борис и Глеб молитву
За сородичей творят.

Что шумит так рано в поле?
Что звенит так перед светом?
Князь Владимир Серпуховский
Расставляет рать свою.
И ведет ее к Непрядве,
Час победы приближая.

И молвит брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу. —
«Не ослабляй, брате, поганым татаровям, — ведь поганые уже поля
русские топчут, отчину нашу отнимают».

Отвечает князь великий,
Храбрый князь земли московской:
— Оба мы — гнезда большого,
Князя Киевского дети.

Рождены не на обиду
Мы ни ворону, ни злomu
Ястребиному отродью,
Ни поганому Мамаю.

«А воеводы у нас установлены 70 бояринов, и крепки князя белозерские Федор Семенович, да Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да два брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Валуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воев с нами — триста тысяч окованной рати».

Под собою мы имеем
Боевых борзых комоней,
Нашу грудь оберегают
Золоченые доспехи.
Крепко держат меч булатный
Молодецкие долони,
Нам открыты перевозы
И слышны дороги нам.

Вои рвутся в чисто поле
Головы сложить за князя,
За поруганную веру
И за жизнь своей земли.
Как живые, полыхают,
Развеваются хоругви¹,
Чести в брани себе ищут,
Славы — именам своим.

Уж как соколы взлетели,
Уж как кречеты вскружили
И ударились крылами
О стада гусей крикливых.
Это не сокольи стаи
И не кречеты вскружили —
То перевезлись внезапно
Сыновья земли славянской

И наехали едино
На татар, на злую силу.
Копья фряжские сломали
О татарские доспехи.
Возгремели вешним громом
Их булатные мечи,
Хлынули дождями стрелы
На поганого Мамая.

¹ Хоругвь — старое название войскового знамени (монг.).

Ой, черна земля родная
Под копытами комоней
И засеяно широко
Поле белыми костьюми.
Кровью ворогов полито
Русское большое поле
Близь Непрядвы, речки славной,
Меж Днестром и быстрым Доном.

На том поле Куликовом
Сильные полки сошлись,
Рослые холмы стоптали,
Воды в реках замутили.

Кликнуло Диво в Русской земле, велит послушать разным грозным землям. Шибко полетела слава к Железным Воротам, к Риму и к Кафе по морю, и к Тырнову, и оттуда к Царьграду на похвалу: Русь великая одолела Мамаю на поле Куликове.

Да, тогда сходились вместе
Сильные большие тучи,
Молнии из них сияли,
Громы тяжкие гремели.
Это с ворогом сшибались
Сыновья просторов русских
За великую победу,
За поруганную честь.

На груди у них сияют
Золоченые доспехи,
Громыкает о шеломы
Басурманов — их булат.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой Богородицы.

[3, 139—143]

С. С. Орлов

Монолог воина с поля Куликова

Их четырнадцать было, князей белозерских,
Я пятнадцатый с ними,
Вот стрелой пробитое сердце
И мое забытое имя.
И стою я в полку засадном
Вольный воин, как терний сильный.

Сотоварищи мои рядом,
Нету только еще России.
Нет России с песней державной
С моря синя до море синя,
Ни тесовой, ни златоглавой,
Нет еще на земле России.
Есть земель вековая обида,
Есть рабы, восставшие к мести:
Чем так жить — лучше быть убиту,
А для нас это дело чести.
Все сомнут лохматые кони,
По степи помчат на аркане,
Но на нас наткнется погоня,
Ну а мы отступать не станем.
Конь мой гривой мотает рыжей,
Прыщут тучей на солнце стрелы,
Кычут¹ коршуны, кружит крыжень²
А какое до них нам дело!
Как орда Мамаю качнется,
Как мы ляжем костями на поле, -
Так Россия с нас и начнется
И вовек не кончится боле.

[3, 197]

А. А. Блок

Баллада

В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосой
На небе зарево горит...
И, люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,

¹ Кыкать — кричать.

² Крыжень — кряква (дикая утка).

Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум — и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он, -
Свершилось! торжествуй, проклятый!..
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертью бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»

[1, 57]

1915

Ю. М. Лощиц

В родительском доме **(из книги «Дмитрий Донской»)**

Княгиня Александра родила своего первенца 12 октября 1350 года.

Весною муж ее, князь Иван, вместе с обоими братьями уехал в Орду, на поклон к хану Джанибеку. Хотя Джанибек (русские по привычке слегка коверкали ханские имена, и этого звали то Чанибеком, то Санибеком, то Жанибеком, а то даже и Жданибеком) по видимости покровительствовал сыновьям Ивана Калиты и хотя путь в Орду был для них накатанным, — пятый раз уже возили туда сундуки с «выходом» и коробья подарков, — однако и теперь жены провожали братьев с глазами, полными слез.

Можно понять особое волнение Александры — она уже знала о своей беременности. Успел князь Иван вернуться домой до рож-

дения мальчика или запоздал немного, в любом случае радость его была велика.

Решили назвать новорожденного Дмитрием (ровно через две недели предстояло праздновать память великомученика Дмитрия Солунского, воина и покровителя воинов). Имя это было нередким в роду Мономаховичей. Вспомнилось, наверное, что и славного предка московских князей — Всеволода Большое Гнездо — во крещении нарекли Дмитрием. <...>

<...> Дмитрию пошел третий год, когда на Москве обнаружилось моровое поветрие. Прихотлив и длинен оказался путь, которым страшная болезнь проникла в Междуречье. Очаг поветрия вспыхнул несколько лет назад на самом краю земли, в Китае. Постепенно с караванами торговцев зараза расплзлась по азиатским городам, занесло ее в Месопотамию, затем в Синюю и Золотую Орду. Ожидали было в страхе, что с волжского Низа перекинется язва на булгар и мордву, а от них и на Русь.

Но тогда беда миновала: поветрие избрало другую дорогу — через половецкие степи в Тану, оттуда в крымские города и в кораблях генуэзских и венецианских купцов вместе с живым товаром достигло италийских берегов. Вскоре все Средиземноморье оказалось жертвой торговой алчности.

В 1352 году болезнь достигла напоследок и русских пределов. Но не с юга она пришла сюда, а с севера, кружным путем.

«От Пекина до берегов Ефрата и Ладоги, — красноречиво пишет об этих событиях Н. М. Карамзин, — недра земные наполнились миллионами трупов, и Государства опустели».

Сначала мор обнаружился во Пскове, который первым стоял на пути немецких купцов. Человек вдруг начинал харкать кровью, а через три дня его уже укладывали в гроб. Вскоре некому стало и колоды дубовые выдалбливать. Возле церкви рыли общие ямы — скудельницы и укладывали в них по двадцать, тридцать, а в иные дни и по пятьдесят человек. Многие из знатных псковичей завещали свои имения храмам и монастырям, чтобы поминали их тут постоянно. Многие бродили по улицам, раздавая деньги и ценные вещи нищим, но те боялись брать, отбегали. Вот когда, кажется, с особой явностью означилось, что богатство — зло и что спастись богатому, по Христовой притче, трудней, чем верблюду пролезть в игольное ушко. Приехавший из Новгорода по просьбе псковичей престарелый архиепископ Василий Калека от свету до ночи отпевал умерших. Его бесстрашие понемногу ободряло людей, но мало кто и верил уже, что спасется. Василий отбыл, вскоре стало известно, что в дороге он разболелся и помер, не доезжая Новгорода.

Увы, увы печальной людской участи! — причитали в селах и градах. — Яко цветы сельные, прибирает нас свистящая коса. На что

матери рожают нас в муках? Век за веком минует, и нет предела человеческой пагубе. Боже правый, почто отвратил лице твое от стада твоего? Доколе пить нам чашу горечи смертной? Доколе род христианский будет посмешищем вселенной? Или уж до конца присудил ты изгибнуть земле русской?..

Из Пскова поветрие переметнулось на Новгород. Весь до последнего человека вымер Белозерск. Болезнь проникла в Смоленск, оттуда речным путем — в Чернигов, Киев. Участь Белозерска постигла город Глухов. И вот теперь, окольцевав Междуречье, смерть напоследок вползла и сюда. Уже в Суздале люди кровью плюют. В дни великого поста Семену Ивановичу доложили, что и по Москве ходит невидимый воров.

Голосили в подслеповатых посадских избах, угрюмо загудела колокольная медь наверху, в городских стенах. Началом марта помер митрополит Феогност, родом грек.

Но еще митрополита не схоронили, как смерть без стука вошла во двор великого князя. Скоротечно умерли Семеновы младенцы, надежда его несбывшаяся — двухлетний Иван и только что народившийся Семен. Беда эта надломилась невезучего родителя: тридцатипятилетний, он в считанные дни одряхлел душой и телом. И тут болезнь легко уязвила его, едва-едва успел в окружении духовника, братьев и старших своих бояр сказать, что кому завещает. Все волости с селами оставляет он княгине своей и своему... как тут скажешь?.. если она уже понесла снова и если у нее родится сын, то вот ему, ей и ему он все свое завещает... Бедный Семен Иванович! Эту его волю предсмертную записали, не посмели не записать, хотя каждый из присутствующих чувствовал, что тут уже ум княжий помрачается — на этом вот наивном, прегордом и трогательном одновременно чаянии возможного наследника...

И еще он сказал напоследок, обращаясь к братьям, будто что-то озарило его изнутри, выжгло там все сумеречное и бредовое. Братья, сказал он, отец приказал нам жить заодин, так и я вам приказываю заодин жити. А лихих людей не слушайте, которые начнут вас натравливать друг на друга, но слушайте отца вашего владыку Алексея, а также старых бояр, что хотели отцу нашему двора и нам хотят. А записывается вам слово сие для того чтобы не престала память родителей наших и свеча бы не угахла.

И так была для них волнующа эта его притча о свече — не о чем-то громадном, а о тоненькой зыбкой свече, которую ничего не стоит задуть, измять в руке, растоптать сапогом, но которая так пронзительно и сладко прикоснулась сейчас острым язычком к их душам! Много ли значит робкий ее свет перед беспредельностью внешне-го мрака, но от свечи зажигают свечу, а от той еще одну, и еще, и сколько раз они видели это, да смотрели, значит, бездумно, а брат их умирающий в простом и привычном прозрел то, что нужно

им с растроганной благодарностью принять как завет: чтобы свеча наша не угасла.

Отнесли брата в собор Архангела Михаила, туда, где и отец их лежит, опустили у южной стены в гробницу, вытесанную из белого камня.

В самом начале лета болезнь поразила и князь-Андрея. И его вскоре отпели в том же соборе. Боялись за Андрееву вдову, потому что княгиня Мария была на сносях. Но она, несмотря на горе свое, доносила тяжелый уже плод до положенного срока и на сороковины по покойному мужу родила мальчика, второго в их семье. Назвали его Владимиром. Этому мальчику суждено будет стать преданным товарищем и сподвижником своего двоюродного брата Дмитрия и заслужить вместе с ним славу Донского героя. <...>

[3, 32—51]

Ю. М. Лоциц

Дмитрий Донской

(Отрывок из романа)

Александр Пересвет и его брат Андрей Ослябя навидались на своем воинском веку всякого. Но зрелище, которое довелось им увидеть сегодня, своей чрезмерностью поневоле смутило и их. Самое поразительное для бывалых бойцов заключалось, пожалуй, в следующем: темная, медленно вползающая ордынская лава буквально втискивалась в поле, хотя оно имело в ширину несколько верст. Ощущение необыкновенной стесненности, зажатости войск противника возникало оттого, что почти не было видно обычных промежутков — свободного пространства между людьми и между отдельными полками.

Это ощущение еще усилилось, когда сблизились настолько, что стали заметны особенности построения пехоты противника. Ордынские пешцы шли сплошной стеной, плечо в плечо, ряд в ряд, затылок в затылок, они шли так, как ордынцы никогда обычно не ходили. Если первый ряд придерживал шаг и останавливался, ощетиниваясь копьями, пехотинцы второго ряда налагали свои копья на плечи передних. Этот прием у них, видимо, был хорошо отработай и получался быстро, без запинки, к тому же и копья у задних выглядели явно длинней, чем у передних.

Не зря русская поговорка гласит, что у страха глаза велики. Врог почему-то всегда кажется выше, дородней, свирепей, ловчей, чем ты сам. Опытный воин старается не поддаться такому ощущению, догадываясь, что и враг в это время переживает примерно такое же самое чувство. Как ордынская рать ужасала русскую сторо-

ну своей несметностью, диким видом своей пехоты (а из-за холма, обтекая его макушку, все переваливались и переваливались новые ряды, и не было этому конца-края, как будто сама земля извергала их из себя, забыв о мере), так и русское воинство, светящееся доспехами и оружием, овеваемое узорочьем стягов и хоругвей, подпираемое с одного и с другого плеча бронзовой крепью дубрав, смело и повсеместно выступающее вперед, бесчисленное, торжественно-праздничное (и это нищая Русь, захудалый лесной улус¹ Великой Орды?!), ошеломляло и приводило в ужас своих противников.

Судя по солнцу, наступил полдень, когда выдвинутые вперед сторожевые полки двух ратей окоротили шаг и застыли друг против друга на расстоянии полупоприща.

Грудью коня, как тяжелая лодка воду, раздвигая пехоту, из гущи ордынцев выезжал наперед всадник, и по мере его продвижения в обеих ратях становилось все тише. Когда он выехал, увидели, что это не знатный мурза, жаждущий покрасоваться перед началом боя, и не посол, которому поручено передать русской стороне какое-нибудь последнее условие. Тучный, дебелый, способный, видать, целого барана поглотить за один присест, он что-то яростно выкрикивал и гарцевал на своем коне-великане, у которого только что пламя не пыhalo из ноздрей. Он был, похоже, пьян — то ли от гнева, то ли от мяса и кумыса. Он рычал, как пардус², выпущенный из клетки, и насмешливо выкликал жертву, обещая разодрать ее в клочья и разметать по полю.

И русская сторона оскорбленно молчала. К появлению этого страшилища не были готовы. Русского единоборца — великана, ругателя и насмешника — в запасе не имели. Наступило замешательство, тягостное, стыдное, какое всегда бывает, когда среди своих не находится того, кто бы посмел принять вызов, ответить по достоинству за всех. Каждый думал про себя: «Да уж мне-то куда? осрамлю и себя, и все воинство...» Озирались пристыженно: ну кто же, кто?.. Или не найдется ни единого?.. И знали заранее, что подобного этому, точно, не найти, не уродились такие, среди многих десятков тысяч нет ни единого.

А единоборец все разъезжал перед своими и пуще багровел, и рычал, отрывивая обрывки то ли молитв, то ли ругательств, и за его спиной уже похохатывали.

Но вот облегчающий выдох прошелестел по русским рядам. Качнулись ряды, и вперед медленно, как бы в раздумье, выехал всадник в черной одежде схимника.

— Пересвет... свет... — прошелестело дальше, к тем, кто не мог видеть и еще не знал, почему остановились.

¹ Улус — удел, область.

² Пардус — зверь кошачьего рода: леопард, рысь.

Пересвет оглянулся, как бы кого разыскивая глазами и не найдя, и поклонился. И все напоследок рассмотрели его бледное взволнованное лицо в тени схимнического куколя. Он был велик ростом, плечист, красив и статен, но все же ордынец выглядел крупней его, куда крупней. Затем Пересвет отвернулся, выровнял на весу копьё, прижал его локтем к боку и пустил коня вскачь.

Ордынец сорвался ему навстречу. Они сшиблись глухо, кони под ними сразу стали заваливаться, рухнули замертво вместе со всадниками. Единоборцы лежали недвижно, окованные дремучим сном. Это случилось в один миг, и все, кто видел, опешили от неожиданности происшедшего.

...Позднее художники на миниатюрах в летописных сводах изображали Пересвета лежащим поверх поверженного им врага, с рукой, застывшей в благословляющем движении. Он будто показывал рукой то направление, в котором, минуя его тело, русские пойдут вперед, дальше, и сотворят наконец победу, начало которой положил сейчас он. [2, 286—289]

Комментарии

Битва. 8 сентября над Куликовым полем долго висел туман. Он рассеялся около 11 часов. Согласно преданию, битву открыл поединок двух богатырей. Ордынцы выставили Челубея, русские — Александра Пересвета. Копьем Пересвет выбил Челубея из седла, и тот упал замертво. Но и Пересвет погиб от удара пики богатыря Челубея.

Ордынцы сорвались с места и помчались вперед. Передовой полк был полностью уничтожен, ряды сторожевого смяты. Тяжеловооруженные пехотинцы большого полка выдержали атаку. Устоял и полк правой руки. Однако левый фланг русских под бешеным натиском ордынской конницы стал отходить к Непрядве. Владимир Серпуховской в лесной засаде рвался на помощь своим. Опытный Боброк его сдерживал.

Окончательно рассеяв левое крыло русских, ордынцы все глубже заходили в тыл большого полка, отрезая его от Дона. Воины Мамая уже торжествовали победу, как в тыл им ударил засадный полк Бобока и князя Владимира. Не так уж велики были первые потери ордынцев, но они побежали. Мамай ввел в бой резерв, который туч же смяли бегущие.

После битвы. Русские гнали и секли противника до реки Красивая Мечта. В неприятельском стане их ждала богатая добыча.

Ягайло, находившийся в дне пути от Куликова поля, узнав о поражении Мамая, повернул назад.

Вскоре русская рать двинулась в обратный путь. От преследования Мамаю отказались. Для длительного похода не было запасов и продовольствия.

Бегущего Мамаю у реки Калки подстерег Тохтамыш. Оставленный мурзами Мамаю бежал в Кафу (Феодосию), где и погиб от рук своих союзников генуэзцев, желавших завладеть его казной.

Тохтамыш, провозгласивший себя наследником Батыева престола, послал сказать всем русским князьям, что «он разбил их общего врага». Дмитрий Донской отправил Тохтамышу богатые дары. Но дары не дань. Честолюбивый Тохтамыш хотел властвовать над Русью, как Батый. Спор Руси и Орды не был закончен.

[6, 184—185]

Литература

1. Блок А. А. Собрание сочинений. В 6 томах. Т. 2. — Москва : Правда, 1971.
2. Лошиц Ю. М. Дмитрий Донской: Роман / Предисл. А. М. Разумихина. — Москва : ДОСААФ, 1989.
3. Меж Непрядвой и Доном / Сост. В. Крупин. — Москва : Современник, 1980.
4. Певец во стане русских воинов: Стихи о ратном подвиге. — 2-е изд. / Сост., вступ. ст. Ю. Селезнева; Гравюры А. Зайцева. — Москва : Мол. гвардия, 1989.
5. Русская история в картинах (из изданий С. В. Рождественского и И. Д. Сытина) / Сост. и авт. текста В. И. Шевченко. — РИО. Мос. тип. № 2, 1996.
6. Черникова Т. В. История России. IX—XVII вв.: Учеб. для 6—7 кл. общеобразоват. учеб. заведений / Под ред. А. Н. Сахарова. — 2-е изд. — Москва : Дрофа, 1998.

Централизация

М. А. Волошин

Святая Русь

А. М. Петровой

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали,
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданое копили,
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко —
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой, да силой бранной
Не была ль ты самую желанной
Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любы —
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да расстриги,
Соловьинный посвист да острог.

Быть Царевой ты не захотела —
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развей да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть — холопам, силу — супостатам,
Смердам — честь, изменникам — ключи.

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище,
И пошла поруганной и нищей,
И рабой последнего раба.

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, —
Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

[2, 148—149]

19 ноября 1917 г. Коктебель

М. А. Волошин

Заклинание (От усобиц)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.
Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

[2, 221—222]

19 июня 1920 г. Коктебель

М. А. Волошин

Заклятье о русской земле

Встану я помолясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота —
Утренними тропами,
Огненными стопами,
Во чисто поле
На бел-горюч камень.

Стану я на восток лицом,
На запад хребтом,

Оглянусь на все четыре стороны:
На семь морей,
На три океана,
На семьдесят семь племен,
На тридцать три царства —
На всю землю Свято-Русскую.

Не слышать людей,
Не видать церквей,
Ни белых монастырей, —
Лежит Русь —
Разоренная,
Кровавленная, опаленная
По всему полю —
Дикому — Великому —
Кости сухие — пустые,
Мертвые — желтые,
Саблей сечены,
Пулей мечены,
Коньми топтаны.

Ходит по полю железный Муж,
Бьет по костем
Железным жезлом:
«С четырех сторон,
С четырех ветров
Дохни, Дух!
Оживи кость!»

Не пламя гудит,
Не ветер шуршит,
Не рожь шелестит —
Кости шуршат,
Плоть шелестит,
Жизнь разгорается...

Как с костью кость сходится,
Как плотью кость одевается,
Как жилой плоть зашивается,
Как мышцей плоть собирается,
Так —
встань, Русь! подымись,
Оживи, соберись, срастись —
Царство к царству, племя к племени.
Кует кузнец золотой венец — Обруч кованный:
Царство Русское
Собирать, сковать, заклепать
Крепко-накрепко,
Туго-натуго,

Чтоб оно — Царство Русское —
Не рассыпалось,
Не расплавилось,
Не расплескалось.

Чтобы мы его — Царство Русское —
В гульбе не разгуляли,
В плясне не расплясали,
В торгах не расторговали,
В словах не разговорили,
В хвастне не расхвастали.

Чтоб оно — Царство Русское —
Рдело — зорилось
Жизнью живых,
Смертью святых,
Муками мученных.

Будьте, слова мои, крепки и лепки,
Сольче соли,
Жгучей пламени...
Слова замкну,
А ключи в Море-Океан опущу.

[2, 195—197]

23 июля 1919 г. Коктебель

Комментарии

Великий князь Иван Калита. Самым удачливым московским князем стал второй сын Даниила — Иван Калита (1325—1340 гг.). В 1327 году в Твери вспыхнуло народное восстание против ханских баскаков¹. Владевший великокняжеским ярлыком тверской князь Александр Михайлович присоединился к восставшим.

Иван Калита принял участие в карательном походе золотоордынских войск на Тверь и в разгроме восстания. За это хан Узбек передал ему ярлык на великое княжение. Строгой покорностью «ордынскому царю», щедрыми подарками Ивану Калите удалось заслужить полное доверие ордынских властей. Прекратились беспорядочные набеги на русские земли. Не зная ордынских насилий, подрастало новое поколение, готовое к борьбе за свободу.

Хан Узбек настолько доверял Ивану, что передал ему сбор ежегодной ордынской дани. Получив это право, Иван Данилович часть собранных со всей Руси средств стал оставлять в московской казне. Так он сделал свое княжество самым богатым на Руси. За это его

¹ Баскак – представитель монгольского хана в зависимых землях.

прозвали «Калитой» (денежным мешком). На полученные деньги он сумел купить немало земель у соседей. Иван Калита подчинил своему влиянию Ростовское княжество и Новгород Великий, назначив туда своих наместников. В Москве при нем были построены новый дубовый Кремль и первые каменные церкви.

[3, 158—159]

Д. М. Балашов

Бремя власти

(Отрывки из романа)

<...> Четыре человека в горничном покое представляют собою ныне высшую мирскую и духовную власть Владимирской Руси. Это Калита с сыном Симеоном и митрополит Феогност с Алексием, который давно уже тайно назнаменован наместником митрополичьим, однако въяве не имеет еще ни сана, ни звания, возносящего его над прочими. И об этом сугубо отай¹ и идет между ними разговор.

Разговор неспешный, перемежаемый сдержанною, хотя и изысканною трапезой. На столе, на серебряных блюдах и в поливных узорных ордынских чашах, были и нарезанная ломтями севрюга, и пирог с гречневой кашей и сметками, и алая, с жемчужным отливом, семга, и икра, и засахаренные фрукты, из восточных земель привезенные, и печения, и греческие орехи, и мед, и малиновый квас, и темно-багряное цареградское вино. Но ели мало, токмо отвеживали, пили и того меньше. Говорили неспешно, взвешивая каждое слово, и говорили в основном старшие — князь и митрополит. Но молвь велась без лукавства, без того неверия взаимного, с коим глаголют послы земель иноземных. Здесь говорили друг с другом с прямою искренностью соучастников, а взвешивали слова потому, что оба, и князь Иван и Феогност, знали цену слова и молвили токмо самонужнейшее и токмо избранными для мысли своей словесами.

Феогност давно уже утратил свое прежнее недоверчивое презрение к великому князю владимирскому. Давно оброс добром, волостями и кормами, давно повязал себя многоразличными связями здесь, на владимирской земле, крестил и венчал, рукополагал и ставил. А там, в Цареграде, творилось такое, что об ином соромно было и сказывать. И уже неволею начинал он ощущать своею русскую землю — землю служения своего. И в этой русской земле, понимал он теперь не менее князя Ивана, потребен свой митрополит, угодный и князю и наследнику княжому, мыслящий и живущий всеми

¹ Отай — тайно, скрытно, секретно.

нуждами и всеми болями этой земли. Короче говоря, и он тоже понимал, что лучшего наследника себе, помимо Алексия, ему не найти. А раз так, надлежало совокупною волей требовать у патриаршего престола поставления Алексия на наместничество. Сперва на наместничество...

— Отец мой! — говорит Калита, относясь к митрополиту. — Един Господь ведает меру лет человеческих, и кто знает свой день грядущий? Посему хочу поспешить в деле сем, его же мыслю угодным Господу!

Феогност думает. Калита упорен и терпелив. Какая нужда неволит его торопить события? Он взглядывает поочередно на отца и на сына и в глазах Симеона видит: «Надо спешить!» Смутная тревога охватывает митрополита. Князь еще бодр, и не время ему уходить из жизни! Особенно теперь, когда убит Александр Тверской и несть иной замены месту великого князя владимирского. Но и то надлежит молвить: князя, как и кесари византийские, презлиха тратят себя в пирах, ловитвах, телесной любви и заботах господарства своего. Век священнослужителя вельми протяженнее по сравнению с княжеским веком! Кто, кроме Всевышнего, ведает меру лет? Однако, раз князь спешит сугубо, надлежит исполнить волю его.

— Я давно не был в Цареграде и не ведаю нынешних ни синклита¹, ни двора. Многие ся переменяло, иные близкие умерли, другие удалились от дел! — вздыхает Феогност. — Надлежит паки отписать кесарю, и патриарху сугубо, а такожде. — Он перебирает в памяти имена сановников двора и членов клира, кои могут помочь князю Ивану продвинуть его просьбу. Называет одного, другого, третьего. Иван выслушивает, запоминая. Алексей скорописью заносит главное на черновую грамотку. Он уже не впервые берет на себя должность секретаря при Феогносте, и тот с молчаливым одобрением прочитывает потом толковые и немногословные записи княжеского крестника. Ныне, понимает Алексей, Феогност замыслил помочь князю неложно и указывает к тому ближайшие и вернейшие пути. Симеон выслушивает отца и митрополита. Осторожно спрашивает о дарах. Казна зело истощена, но для таковыя нужи... Калита кивает. Он умеет и может быть нескупым, когда дело требует того.

В некий миг беседа теряет свою высокую напряженность, все главное уже выяснено. Можно расслабить ум, волю и даже члены. Калита сильнее сутулит спину, Симеон встряхивает кудрями, Феогност вопрошает княжича о здоровье жены, крестник говорит крестному о неисправах, замеченных им в княжеском селе под Владимиром. Руки оживают, тянутся к вину и закускам. Идет уже не-

¹ Синклит — собрание, заседание избранных или высокопоставленных лиц.

обязательное, не о главном деле, застольное собеседование равных, близких друг другу и не часто собирающихся вместе людей. В этот час более даже, чем в предыдущий, они чувствуют свое единомыслие, и радуют друг друга, и понимают один другого. Сколь долгими годами трудов — и каких трудов! — достиг князь Иван сего доброго застолья! Завтра будут изготовлены грамоты, с коими бояре поскочут в далекую землю, а ныне Иван Калита подымает налитую появившимся из-за дверей молчаливым служкою чару темно-пурпурного вина и произносит, улыбаясь:

— Быть по сему!

— Быть по сему! — согласно отвечают сотрапезники, подымая чары, и улыбаются, хотя и мыслят про себя, что всего этого могло и не быть и не сидели бы четверо в этой тесной горнице, ибо хитроумный грек не так уж любит Калиту (невзирая на все старания последнего), как залесскую землю и свое на ней положение, премного подкрепленное волостями, кормлениями и церковною данью. А повернись по-иному судьба? Но судьба не повернулась по-иному! Он провожал Александра в Орду, он встречал тело убитого тверского князя и пристойно отпел его вкуче с игуменами и попами владимирских храмов. И Калита не поставил этого ему в упрек даже и в сердце своем. Калита был умен, и Феогност понял: теперь подошло время неложного союза с одним, единственным оставшимся в живых хозяином залесской земли. <...>

<...> Вот он, Калита, сидит в Твери, и полки его во граде стоят, и княжичи Александровы, безоружные, перед ним, а — не схватишь, не пошлешь в железах на Москву, не посадишь в затвор! Почему? Узбек может. Он — нет. Свои, русичи! Верно, с того. Но и своих ведь хватали! И губили, как князя Константина Юрко. Да тот же Коротопол, содеявший нынче злое дело над братом своим! И смог же он сам тамо, в Орде. А здесь, в Твери? Не схватит и не пленит никого. Почему? Не может. И даже думать о том соромно. Быть может, это ты, Господи? Воля твоя? Коими глаголами велишь ты рабам твоим? На каких скрижалях запечатлена правда твоя? И днесь не ты ли поставил мя над Тверью в посрамленье врагу моему, Господи? И не ты ли днесь удерживаешь мя от множайшего зла? Да будет воля твоя. Да святится имя твое! <...>

<...> Жене, что, почуявши недоброе, заботливо заглядывая ему в очи, прошала: «Почто кручинен князь?» — сказал, что хочет помолити Господа о здравии прихворнувшего младенца, внука Василия. Ульяна отступила, зная навычай¹ Калиты при всякой трудноте или с тем, дабы помыслить спокойно, скрыватися в церкву (и в те поры туда к нему уже никого не пускали).

¹ Навычай — привычка.

Накинув охабень¹, он неспешно прошествовал к церкви и затворился, оставя стражу за порогом. Малый храм, недавно расписанный изографами, был еще пуст и гулок. Еще веяло сырью от сияющих стен. Опускаясь на колени, на холодные плиты пола, Иван вздрогнул, перевел плечьями. Вспомнил покойного митрополита Петра. Осенил лоб крестным знамением. И тут, когда он остался наконец один, наедине с Богом, охватило его отчаяние.

С новым ужасом глядел он в пронзительный лик Христа, читая напряжение страсти в каждом движении кисти, в каждой морщине и складке, в изогнутых пробелах и в упорном, яром взоре Спасителя.

<...> Поясы золотые: простые и с жемчугом, с камнями, с капторгами², пояс золотой сердоничен, пояс золотой фряжский³ и золот пояс с крюком на черевчатом⁴ шелку, златые цепи, чары, чумы⁵, блюда с жемчугом и камнями, чаши, блюда серебряные, большие и малые, с рукоятями и письмом, ожерелья и обручи, монисто, подаренное Феотинье, червлень⁶ кожух, великий коч⁷ с бармами⁸, соболий бугай⁹, scarлатное¹⁰ портище¹¹, кожухи с аламами и жемчугом, наследственные сокровища: сардоничная коробка, икона на изумруде, шапка золотая Мономахова — все разделено по чести, по старшинству, по ряду.

Ни Переяславль, ни Дмитров с Галичем, ни Ростов, ни Бело-озеро не были указаны им в завещании. Дело то тайное, и ни для чьих глаз или ушей. «Удержи, сын, благоприобретенья отцовы! Удержи власть в русской земле! Не расточи по ветру трудов и дел родителя своего! Ибо жив отец в сыне своем, и доколе сын продолжает дело отца, дотоле стоит жизнь на земле. Не оставь, Симеоне, меня сиротою перед престолом господним!»

— Симеон?

Молчание.

— Симеон!

Кто-то, видно прислуга, шевелит в полутьме, погода отвечает негромко.

¹ Охабень — мужская верхняя теплая одежда.

² Капторга — застежка.

³ Фряжский — итальянский.

⁴ Черевчатый — красный, темно-красный.

⁵ Чум — половник, ковш с длинной ручкой.

⁶ Червлень — темно-красный.

⁷ Коч — старинная верхняя одежда, род плаща.

⁸ Бармы — род наплечников в торжественной одежде московских князей и царей.

⁹ Бугай — древняя великокняжеская верхняя одежда.

¹⁰ Scarлатный — бархатный.

¹¹ Портище — отрез ткани на одежду.

— Сынок еще не прибывши, Иван Данилыч!

— А ты кто?

— Сенная я ваша, доглядаю тут.

— Выдь. Попроси, послали б за Симеоном!

Дверь тихонько скрипнула, удалились робкие шаги.

— Свету мало!

Никто не отозвался. Пусто.

— Симеон! — снова зовет он в забытьи. — Семушка! Тяжко. Ты прости меня. Не доживу. Грешен я. И пред тобою грешен! Юрко мне оставил вражду противу Твери. А я, похотев большего, оставляю тебе теперь вражду с Литвою и Новгородом. Сыну ли, внуку ты оставишь бранный спор с Ордой! И так, без отдыха, вечная рать! И все, чтобы пахарь пахал свое поле, и бабы жали хлеб, и дети не помирали голодом на путях и торжищах. Слышишь меня, Симеоне? Твори по заповедям моим. За все отвечу я смерть. Ты один.

Голос князя переходит в шепот. Недвижно теплют свечи. Тишина.

— Симеон! — вновь хрипло зовет умирающий. Безмолвие. За стеною шорох. Скрипит дверь.

— Звали, батюшка?

Снова какая-то баба! А сына все нет.

— Симеон! — шепчет уже с отчаяньем умирающий, угасая. — Симеон! Слышишь ли ты меня?

Он прикрывает глаза. Кончается март. Скоро апрель погонит снега, а там смерды снова пройдут по полям, вспарывая острием сохи клеклую¹, затверделую землю. Эту землю, этот весенний свет оставляю тебе, Симеон! Володеть и править. Схож ли я с кесарями Константином и Устиньяном, как о том толковал даве духовный отец, причащая святых тайн? Пребудут века славы над моею Москвой — и стану равен тем великим кесарям. Исчезнет град мой в волнах времен невестимо — и в посмеях потомкам обратит ся имя мое.

Ты, сын! От тебя одного. На колыкой² тончайшей нити висит все содеянное мною! Но нет, ты не один! Есть преданные бояре, есть многие слуги верные, и еще Алексей — вот кто спасет и поддержит! Я многое совершил для тебя, сын!

Господи, дай, по слову крестника моего, святого спасителя русской земле! Дай мне веру и силы умереть спокойно! Сейчас снова взойдут, будут перекладывать, обтирать, поить и кормить, мучать лекарствами. А мне нужен только один Симеон — моя вера, надежда, спасение мое на этой земле! Где ты, сын? Услышь меня, прискачи на последний погляд!

¹ Клеклая земля — сухая и твердая, словно камень.

² Коликий — сколь великий; сколь многий.

Комментарии

Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе Василия II Темного (1433 г.). Одним из самых драматических событий в истории средневековой Руси считается война между представителями московского княжеского дома, продолжавшаяся с 1425 по 1453 год.

По завещанию великого князя Дмитрия Ивановича Донского было создано несколько новых уделов. Старший сын, Василий I, занял московский великокняжеский престол. Второй, Юрий, получил в удел подмосковный Звенигород и Галич в Костромской земле. Третий сын, Андрей, стал княжить в Можайске и Верее; четвертый, Петр, унаследовал Дмитров и Углич. Среди этих уделов наиболее значительным по размеру и количеству жителей был удел Юрия Звенигородского. Во время правления Василия I (1389—1425 гг.) Юрий ни на что, казалось бы, не претендовал. Он надеялся, что после смерти старшего брата московский великокняжеский престол перейдет к нему, согласно завещанию Дмитрия Донского. В то время, когда составлялось завещание, Василий I еще не был женат, и потому в случае его смерти Юрий становился единственным законным наследником.

Однако обстоятельства изменились. Летом 1390 года Василий I женился на дочери князя Литовского Ордена Витовта Софье. Он познакомился с нею в Литве, когда в 1386 году бежал из Орды от Тохтамыша и вынужден был искать защиты у Витовта. С условием, что Василий женится на его дочери, Витовт отпустил его.

В 1415 году у Василия I Дмитриевича и великой княгини Софьи Витовтовны родился сын Василий. Спустя десять лет, умирая, Василий I завещал московский престол не Юрию Дмитриевичу, а своему десятилетнему сыну Василию под опекуном его матери Софьи Витовтовны. Юного наследника поддержали московские бояре и митрополит Фотий. Но пятидесятилетний звенигородский князь Юрий Дмитриевич не захотел признавать племянника старшим и уехал в Галич собирать войско. С помощью митрополита Фотия между племянником и дядей в 1428 году было заключено временное перемирие, и Юрий признал Василия великим князем. Но мир был недолгим. Юрий разорвал договор с Василием II и потребовал ханского суда. В 1432 году оба соперника отправились ко двору хана Улуг-Мухаммеда. В Орде ловким и красноречивым защитником прав Василия стал хитрый и изворотливый московский боярин Иван Всевожский, который своими льстивыми речами смог уговорить хана утвердить Василия на великокняжеский престол. Однако Василий заплатил Всевожскому неблагодарностью: он в Орде обещал жениться на его дочери, но по возвращении

П. Чистяков (1832—1919).

Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе Василия II Темного. 1433 г.

оттуда по настоянию своей матери Софьи Витовтовны обручился с Марией Ярославной, княжной Боровской. Жестоко оскорбленный этим, Всеволжский уехал от Московского князя к Юрию на службу и стал подбивать его к войне с Василием II. Поводом взяться за оружие послужила ссора, вспыхнувшая во время свадьбы Василия II в 1433 году.

На свадебном пиру у великого князя в числе гостей были оба сына Юрия Дмитриевича: Василий Косой и Дмитрий Шемяка. На Василии был золотой пояс, усыпанный драгоценными камнями. Один из старых бояр, наместник Ростовский Петр Константинович, узнал этот пояс, который когда-то был дан в приданое жене Дмитрия Донского Евдокии, но оказался украденным во время свадьбы тысяцким¹ Вельяминовым в 1367 году. Переходя потом из рук в руки, он достался наконец Василию Косому. Узнав об этом, Софья Витовтовна при всех сняла с Косого пояс, который должен был по наследству достаться се сыну. Обвиненные в краже братья уехали с пира, поклявшись отомстить за такое оскорбление. Ссора на свадьбе послужила началом новой, жестокой, двадцатилетней междоусобной войны на Руси.

Иван III разрывает ханскую грамоту и басму перед татарскими Послами (1478 г.). После присоединения Новгородской земли

¹ Тысяцкий — военный предводитель городского ополчения («тысячи») на Руси.

Н.С. Шустов.

**Иван III свергает татарское иго, разорвав изображение хана
и приказав умертвить послов (1862).**

Московская Русь становится большим и сильным государством. К этому времени Золотая Орда распалась. От нее отделились Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское ханства. Заключив союз крымским ханом Менгли-Гиреем, великий князь московский Иван III Васильевич начал готовиться к разрыву с Ордой, которая продолжала своими набегами терроризировать Россию. Он окончательно отказался платить дань татарам.

До наших дней дошло предание, что в 1478 году хан Большой Орды Ахмат (Ахмед) прислал к Ивану III своих послов, которые должны были вручить великому князю ханскую грамоту (верительный документ) и басму¹, символы власти хана. По давнему обычаю великий князь обязан был преклониться перед басмою и, стоя на коленях, слушать чтение ханской грамоты. Иван Васильевич обычно уклонялся от этого унижительного обряда — скрывался больным. Прибыв в Москву к Ивану, ханские послы настойчиво требовали от имени Ахмата выдать дань за десять лет, в противном случае хан грозился растоптать всю Московскую

¹ Басма — пластинка, выдававшаяся монголо-татарскими ханами в XII—XV вв. как верительная грамота.

землю. Многие бояре испугались и готовы были на унижение. Долго думал, взвешивал Иван, слушал жену Софью Фоминишну, которая призывала к гордости, чести, самолюбию и непокорности Орде. Она добилась того, что ханским послам не позволили жить с прежним почетом в Кремле. На другой день Иван III отказался исполнить требование послов. В присутствии московских бояр и ордынских послов он разорвал грамоту и в гневе истоптал ногами басму, а послов велел всех казнить, кроме одного. Его он с позором отправил к хану Ахмату и сказал: «Прошли те времена, что русский народ уступал чужим хозяевам. Иди, объяви хану, что если он не оставит меня в покое, то с ним будет то же, что случилось с басмою».

Ахмат не стерпел такой обиды и, сговорившись предварительно с польско-литовским королем Казимиром IV, решил воевать с непокорной Москвой.

Летом 1480 года он с большим войском подошел к реке Угре, впадавшей в Оку недалеко от Калуги. Иван III поставил свои полки на противоположном берегу Угры, преградив татарам путь к Москве. Много раз татарские всадники пытались переправиться через реку, но русские встречали их дождем стрел и огнем пушек. Несколько дней продолжались бои за переправы, которые также не принесли ордынцам успеха. Вскоре противники заняли оборонительные позиции на противоположных берегах реки. Началось знаменитое «стояние на Угре». То и дело вспыхивали перестрелки, но на серьезную атаку ни одна из сторон не решалась.

Шли недели, месяцы, а Ахмат все ждал помощи от поляков. Но Казимиру IV было не до него. На южные земли Польско-Литовского государства напал крымский хан Гирей, союзник Ивана III. Ахмат получил известие, что отряды русских, посланные на судах по Волге Иваном III вместе с крымцами, напали на территорию Большой Орды и захватили ее столицу — Сарай. В ноябре начались морозы и река Угра покрылась льдом. Иван III приказал отвести русские силы от Угры к Боровску, который в зимних условиях представлял собой более выгодную оборонительную позицию.

И тут случилось неожиданное! Ахмат, решив, что Иван III уступает ему берег для решающей битвы, начал спешное отступление, похожее на бегство. В погоню за отступающими ордынцами были отправлены небольшие русские силы. Иван III с сыном и всем войском торжественно вернулся в Москву. Ахмат, спустя несколько месяцев, был убит в Орде соперниками.

Так, объединение русских земель в единое централизованное государство привело к освобождению Руси от ордынского ига. [5]

Отправка Марфы-посадницы и Вечевого колокола в Москву (1478 г.). Собираение земель вокруг Москвы и укрепление власти

московских князей, начатое еще при Калите, продолжалось и при Донском и после него. Но больше всех сделал для объединения русской земли правнук Дмитрия Донского — Иван III Васильевич. Когда Иван III вступил на великокняжеский престол, большая часть северной Руси была независима от Москвы и признавала над собой власть Новгорода.

Иван III главной целью своего княжения поставил уничтожение последних уделов и установление единовластия. Долго шла борьба между Московским княжеством и вольным Новгородом. Иван III многократно предлагал Новгороду присоединиться к Москве. В это время в Новгороде организовалась группа бояр, сильная своим влиянием на народ, выступившая за союз с Литвой против Москвы. Во главе этой группы стояли Дмитрий Борецкий, сын умершего новгородского посадника Исаака Борецкого, и вдова его Марфа, умная, властная и жестокая женщина. Марфа даже собиралась выйти замуж за вельможу литовского и от имени польского короля и князя Литовского Кашмира господствовать над своей землей. Активным помощником им был архиепископ новгородский Феофил. Правительство города пригласило из Литвы на княжение князя Михаила, а духовенство отказалось подчиняться московскому митрополиту. Марфа с сыновьями распространила слух, что Иван III не государь, а злодей, что Великий Новгород сам себе властелин, а не вотчина московских князей и что его жители вольные люди.

Иван III, который правил Москвой с 1462 по 1505 год, призвал бояр, помещиков и духовенство покарать правителей Новгорода за измену Руси и православной вере. Умный и ловкий политик, он сумел поднять против них не только Москву, но и большинство новгородцев. В 1471 году Иван III организовал поход на Новгород. На реке Шелони произошла битва, которая принесла победу московскому князю. Новгород подписал договор, по которому отказался переходить под власть Литвы и признал власть Москвы. По распоряжению Ивана III Дмитрия Борецкого казнили, заговорщиков-бояр посадили в тюрьму.

Но борьба на этом не прекратилась, местные бояре продолжали чинить произвол над новгородцами, признавшими власть Ивана III. В 1478 году, когда новгородские бояре отказались величать Ивана III своим государем, он без сражения взял Новгород. Марфу-посадницу с внуком Василием Федоровичем и их сторонниками заковали в цепи и отравили в Москву. Вслед за ними был увезен знаменитый вечевой колокол — символ новгородской вольности; его установили на колокольню Успенского собора Кремля. Остальные заговорщики во главе с архиепископом Феофилом были строго наказаны.

На картине академика А. Д. Кившенко изображена сцена отправления Марфы-посадницы, бояра и вечего колокола в стан великого тятя Ивана III, расположенный близ Юрьевского монастыря. Марфа-посадница идет впереди гордой поступью. Рядом внук Василий с поникшей головой. Сзади идут бояре новгородские. Колокол везут на санях. Масса народа сопровождает арестованных, некоторые плачут, вытирая рукавом слезы. По бокам и сзади арестованных — вооруженная стража и бояре московские верхом на лошадях. Событие происходит 5 февраля 1478 года. Следует обратить внимание на древний вид Новгородского Софийского собора, он пятиглавый.

[5]

М. Ю. Лермонтов

Новгород

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Все то, к чему теперь ваш дух летит.

[4, 159]

1830

Из московского летописного свода конца XV века о борьбе Ивана III за Новгород

«В лето 1469 ноября в 8-й день преставился [умер] архиепископ Новгорода Великого Иона. Новгородцы же, по старине и по обычаю своему, созвонили вече и начали избирать из священников владыку на архиепископство...

И послали к великому князю Ивану Васильевичу [чтобы он и митрополит Московский утвердили выбор новгородцев]. Многие лучшие люди, посадники их, тысяцкие были рады тому.

Посадничьи дети Исаака Борецкого с матерью своею Марфой и прочими иными изменниками, наученными дьяволом, начали нелепости говорить и на вече приходили и кричали: «Не хотим за великого князя московского, ни зваться отчиной его. Мы вольные люди. Великий Новгород, а московский князь великий многие обиды и неправду нам чинит. Хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира».

И так взметнулся весь город их и всколебались как пьяные. Один хотели за великого князя по старине, к Москве, а другие за короля, к Литве. Те же изменники начали нанимать худых [бедных] мужиков, вечников [имевших право прийти на вече], ибо те на все готовы были по их обычаю. Наняли злых тех смердов, убийц, шильников [ремесленников] и прочих безыменитых мужиков, которые скотам подобны, никакого разума не имеют, но знают только одно кричание, называют себя «государем Великим Новгородом». И те приходили на вече, били во все колокола и лаяли, как псы, нелепости говоря: «За короля хотим!» [Чтобы архиепископа поставил Литовский митрополит и князя в Новгород прислал бы король Казимир.]

Князь же великий Иван Васильевич начал посылать к ним слов, говоря: «Мы владеем вами, и жалуем вас» и обороняем отовсюду, и казнить вольны... за королем ни за одним, ни за великим князем литовским вы не бывали, с тех пор как земля ваша стала. А нынче от христианства [православного] отступаете к латинству [католичеству], нарушая крестное целование».

[3, 200]

Комментарии

Присоединение Новгорода к Москве. В отношениях с Новгородской республикой, имевшей обширные земли, большие богатства, связи с Литвой и Польшей, Иван III действовал осторожно, но решительно. Новгородская беднота, задавленная в XV в. побора-

ми и несправедливым судом, все больше верила сказке о «добром московском государе». Были сторонники союза с Москвой и среди бояр. Иван III их всячески привечал. Однако большинство «лучших людей» видели в правителе Великого княжества Московского угрозу новгородским вольностям, торговле и хозяйству. Всем было известно, как легко отбирают московские князья боярские вотчины и уделы местных правителей. По мнению бояр, гарантом вольностей Новгорода мог стать правитель польских, литовских, белорусских и украинских земель Казимир IV, ибо уничтожить эти вольности было не в его силах. Приверженцев союза с Казимиром возглавила вдова посадника Марфа Борецкая.

Сторонники Борецких кричали на вече: «Не хотим за великого князя московского, не хотим называться его вотчиной, мы люди вольные, не хотим терпеть обиды от Москвы, хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира!» Часть народа гудела: «Хоти, по старине, к Москве!» Верх одержали сторонники союза с Литвой, и с Казимиром был заключен договор. Король обязался давать наместника греческой веры, не строить в Новгороде католических храмов, не вмешиваться в выборы епископа и посадника, а если пойдет войной Москва — защищать от нее Новгород.

Впервые Новгород заключил договор против Москвы! Псковичи, узнав о том, заявили, что будут на стороне Москвы. Псков, первым встречавший набеги ливонцев, тяготел к Москве, так как от нее всегда получал подмогу, а Литва, хоть и была ближе, не шла дальше обещаний помощи.

В 1471 году Иван III двинулся на Новгород. Войска от Казимира не пришли, и 14 июля в битве на реке Шелони новгородцы были наголову разбиты. Новгородское ополчение уступало москвичам и по боевому опыту, и по организованности. Среди новгородцев не было единства. Призывая идти в бой других, каждый при этом говорил: «Я человек небольшой, подрастратился конем и оружием». Отряды архиепископа вообще отказались сражаться, сказав: «...послал нас владыка против псковичей».

Новгород заключил с Москвой мир, обязавшись отказаться от союза с Казимиром и выплатить большую контрибуцию. Новгородцы согласились считать свои земли вотчиной великого князя московского, а его самого — своим господином.

Однако новгородские послы, прибывшие к Ивану III в 1477 году, назвали его не господином, а государем. Казалось бы, небольшая разница. Но на языке того времени титул «государь» означал признание полной, безраздельной власти московского князя и в отличие от «господина» предполагал полную зависимость подданных.

Иван III — государь всея Руси

(Отрывки из романа)

Великий князь Московский

<...> Месяца мая в третий день назначено было открытие Священного собора для избрания нового митрополита всея Руси.

Иван поехал в колымаге, сопровождая недомогавшего отца. По дороге к каменным митрополичьим покоям Иван снова заговорил с отцом о выборах.

— Отец, — молвил он сурово, — ты сказал, что покойный владыка сам себе избрал заместника. Без тебя сие наметил митрополит?

— Нет, сыночек, нет, — торопливо ответил Василий Васильевич, — как можно сие деять без государя! Он меня просил о Феодосии, и я его мольбу принял, и владыки о сем ведают.

Иван успокоился и сказал с улыбкой:

— Помню яз, бабка мне, отроку еще, наказывала: «Богу молись, а попам не верь». Не все ведь такие доброты нам, как был святой Иона.

Надобно, чтобы церковь во всем послушна была государю московскому и могли бы мы государствовать властно для пользы всей Руси. Ворогов наших надобно смирять не токмо мечом, а и крестом. Митрополит же силу имеет целое княжество от церкви отлучить, прекратить в нем все требы церковные и даже звон колокольный.

— Истинно сие, сынок, истинно, — подтвердил Василий Васильевич, — князю и митрополиту надо заедин быти. Для всякого князя тяжко роптание народное, а народ не токмо возропщет, а и князя своего покинет, коли у него не будет единомыслия с митрополитом или когда негде будет ни детей крестить, ни мертвецов отпевать. Не может христианин-то без покаяния и приобщения святых таин жить, не может милости божьей лишиться в жизни земной и небесной.

Колымага остановилась у митрополичьих хором. Иван, помогая выйти отцу, шепнул ему:

— На соборе-то яз глаза и уши насторожу.

Владыки, почтительно ожидавшие государей на дворе возле самого красного крыльца, окружили их с приветствиями и повели во Владычную палату...

Тотчас же начался торжественный молебен, после которого все воссели на скамьи полукругом возле княжих столов, поставленных у стены против главных входных дверей.

На передних местах сидели архиепископы и епископы русские: Филипп суздальский, Ефросин рязанский, Геронтий коломенский и Вассиан сарайский¹.

Все они были владыки Московской земли, не было только никого от Новгорода Великого и от Тверского великого княжества.

Это встревожило Ивана. Он сидел молча и неподвижно, и лицо его было спокойно, казалось, что смотрит он на все безучастно и холодно. Но вот поднялись два протопопа и объявили, что прибыли с грамотами: один — от архиепископа новгородского, другой — от епископа тверского.

Иван вздохнул легче, но все же с беспокойством думал, как владыки этих двух от Москвы не зависимых земель отнесутся к выбору Феодосия и к великому князю московскому.

Один из протопопов развернул и стал читать грамоту за подписью обоих владык. После молитв и приветственных обращений к собору Иван услышал об избрании митрополита всея Руси такие слова: — «Кого восхощет господь бог и пречистыя мать его и великие чудотворцы и господин наш князь великий Василий Васильевич и братия наша, епископы русские, и иже с ними Священный собор, тот и будет наш митрополит.»

Едва заметная улыбка мелькнула на устах Ивана, и не слушает он далее, ясно ему, что власть московского князя в делах церкви непоколебима.

— После бога-то они государя своего на второе место ставят, — с удовлетворением прошептал он на ухо отцу, когда председательствующий на соборе епископ обратил слово свое ко всем присутствующим.

В лето тысяча четыреста шестьдесят второе весна выдалась поздняя, студеная, а марта первого, на самый новый год, мороз ударил такой, какого и в январе не бывало. Да и ныне холода стоят, а ведь пятый уж день после «сорока мучеников», но не только жаворонков не слышать, а и грачей не видать. Лежит кругом еще снег крепко, и лед на Москве-реке нигде не двинулся.

Такая погода на пользу Василию Васильевичу, не страдает он от сырости весенней, но душа у него неспокойна: только что схвачены были за злоумышление дети боярские князя Боровского и привезены в Москву.

Это так взволновало великого князя, что занемог он и слег в постель.

Думу о делах этих думали в опочивальне великого князя, где собрались Иван и Юрий, а из ближних бояр только князя Патрике-

¹ Епископ сарайский (сарский) — глава русской православной епархии, существовавший в Сарае до 1460 года.

евы и Ряполовские, да дьяки Федор Васильевич Курицын и Степан Тимофеевич Бородатый.

О «поймании» боярских детей князя Василия Ярославича докладывал Курицын, которому Иван еще в прошлом году розыск вести по этому делу повелел. Иван все уже знал о заговоре и не слушал теперь дьяка. Он думал о том, что вот опять готова была начаться новая смута в случае побега дяди его Василия Ярославича в Литву или к татарам.

Перед глазами его, как видения сна, прошла вся борьба с Шемякой, увидел он снова все сожженные и ограбленные деревни, беженцев, от смерти лютой бегущих и от полона, который еще горше, чем сама смерть.

— Будто от татар, бегал народ от своих князей русских, — беззвучно прошептал он, — и яз там, на Кокшенге-реке, градки и села жег и полон брал.

И враз вспомнилось ему, как среди лесов гонит полон стража его.

Маленькие лохматые лошаденки по льду реки волокут дровни со всяким харчем и жалким именишкой. За обозом понуро идут мужики и парни, женки и девки.

«Кому радость, а им слезы, — слышит он слова Илейки, — наигорше всего ведь с родной землей расставаться.»

Вот женка причитать начала, а мужики и парни молчат, только потемнели от злобы. Уследил Илейка, что глядит Иван на полон, и молвил, словно железом каленым прижег: «Глянь, государь, как вон та, молодка, убивается. Может, по ласке мужней, а может, по дитю малому.»

Вздрогнул Иван, очнулся от дум и слышит, как дьяк Курицын говорит:

— А пойманы в сем воровстве и злодействе боярские дети, человек двадцать семь, а наиглавные злодеи из них: Володя Давыдов, Парфен Бреин, Лука Посиньев, Назар Симкин, Иван Хабар, Петр Маслов, Семен Беспалов и Лександр Овчинников. Прочие же подручные их, кои.

Дьяк оборвал свою речь, взглянув на Ивана. Тот тяжело дышал, задыхаясь от гнева, брови его резко сошлись, глаза совсем почернели и остановились.

Ивану хотелось кричать от гнева и топтать ногами, но он молчал, стискивая зубы и угашая огонь, полыхавший в груди его.

Но бояре все, видя Курицына бледным и не отводящим глаз от молодого государя, тоже обратили на него свои взоры. Непонятный страх и смятение входили в душу всем от непереносного, леденящего взгляда юного государя.

От внезапного страшного молчания и Василия Васильевича охватила какая-то тревога.

— Пошто молчите все? — спросил он в волнении, приподнимаясь на ложе.

Иван оглядел присутствующих и неожиданно для всех внятно отчеканил:

— Казнить злодеев немилостиво. На лубке липовом волочите их по льду Москвы-реки, привязав коням к хвосту. Всех бить кнутием всенародно. Иным из них отсечь руки или ноги, иным носы урезать, а наибольшим вора́м — головы ссечь!..

Он замолчал. Слова его были так тверды, что никто не осмелился ничего возразить. Страшные же глаза Ивана медленно и строго оглядывали всех в жуткой тишине, будто желая прочесть в душе каждого.

Молчал и Василий Васильевич, но, пересилив волнение свое, он спросил сына:

— А не вельми ли тяжко сие наказание?

— Государь, — тем же твердым голосом сказал Иван, — а ты забыл про Шемяку. Пошто злодеев, врагов своих поощрять на кровь и разоренье народное? Ведь бежал бы в Литву князь Василий Ярославич, как надумали его дети боярские, али к татарам и пришел бы с ними вместе Русь зорить и грабить, полоны имать! Да и другие удельные тоже сему рады были бы, помогли бы дяде моему.

Снова тишина и молчание настали в опочивальне великого князя. Ждали все, что скажет Василий Васильевич. Великий князь, сдвинув брови, напряженно думал и, видимо, волновался.

— Господи, прости грехи мои, — наконец заговорил он, крестясь, — не для-ради злобы сие согрешение.

Василий Васильевич смолк от волнения, но, овладев собой, громко заключил:

— Ин будь, сынок, по-твоему, коли сие для-ради пользы государству, для-ради его крепости.

Великий князь запотел от усталости и, отерев лоб, бессильно откинулся на подушки.

Двадцать третьего марта ужаснулся народ на Москве от казней невиданных, которые на льду Москвы-реки происходили. Содрогнулись все от воплей и криков истязуемых, от крови людской, что лилась в изобилии, алая страшными пятнами на снегу и на льду реки. Пошло в народе роптание, что-де грешное дело государи свершают в канун благовещенья, — людей казнят, да казнят казнями, на Москве невиданными.

Дошел этот ропот и до хором княжих, до княгинь дошел через слуг дворских, и замерли все в страхе и ужасе, а Марьюшка бросилась к Ивану в покои его, но у дверей оробела вдруг и остановилась. Потом отворила двери неслышно и вошла.

Видит, Иван на коленях стоит перед кивотом¹ и шепчет громко, истово крестясь:

— Прости мя, господи, грешного! Прости мя, господи, за муки их! Не для-ради злобы и гнева сие, а для-ради блага всея Руси, господи.

Кланяется земно Иван, ниц на полу простираясь, встает опять на колени и снова шепчет то же самое с болью душевной.

Страшно вдруг стало Марьюшке, страшней рассказов дворских о казнях, и, не выдержав, крикнула она громко:

— Иване!..

Вздрыгнул Иван, вскочил на ноги и оглянулся. Марьюшка бросилась к мужу, протянув руки, но, взглянув в глаза ему, обмерла вдруг и упала у ног его.

Взволнованный и встревоженный, Иван поднял ее, как перышко, и посадил осторожно на пристенную лавку рядом с собой, обнимая и лаская ее. Но у Марьюшки, словно у мертвой, падали руки, не держался стан и свисала голова то в одну, то в другую сторону. Ужас охватил Ивана.

— Марьюшка, Марьюшка, — в отчаянии повторял Иван, нежно прижимая ее к себе, — неужто сие за грехи мои?! Господи, прости мя.

Но вот Марьюшка оживать стала и, не открывая глаз, но слушая ласковые слова, доверчиво, по-детски прижалась к мужу.

— Марьюшка, жива ты! — радостно воскликнул Иван. — Цвет ты мой благоуханный, радость моя! Пошто так с тобой содеялось?

Губы Марьюшки задрожали, и она прошептала, вздрогнув всем телом:

— Очей твоих испужалась.

— Очей моих? — с удивлением и недоверием спросил Иван. — Пошто ж ране ты не пужалась? Ну, погляди ж на меня.

Марьюшка нерешительно взглянула на Ивана сквозь ресницы и, вдруг широко раскрыв глаза, улыбнулась ясной, веселой улыбкой.

— Ты такой, Иванушка, каким всегда со мной, — молвила она ласково и прижалась щекой к бородатому лицу его.

На другой день, после утренних часов, еще до завтрака, призвал к себе Ивана Василий Васильевич.

Войдя в опочивальню, Иван увидел, что отец совсем ослаб. Лицо его осунулось и потемнело, а волосы как-то необычно прилегли, словно прилипли к голове.

— Будь здрав, государь, — тихо сказал Иван.

— А, сыночек, — слабым голосом ответил Василий Васильевич, — садись подле меня.

¹ Кивот — подставка для святых икон.

Замолчав, он задумался и двигал бровями, словно что-то вспоминал.

— В одной святой обители, — заговорил он тихо, — в какой — запамятовал уж, некий старец жил, имя его Христофор было. Беседе он имел со мной о государствовании. Из бояр он, а из каких — не помню, Иване, и постригся он еще не старым.

Василий Васильевич стал кашлять, содрогаясь всем телом. Отдохнув и отерев обильный пот, покрывший крупными каплями его лицо, продолжал:

— В давние времена сие было — еще свет божий не померк в очах моих.

Токмо забыл яз совсем про слова его и ни единого разу не вспоминал их.

Ночесь же, сна не имея, как бы сквозь дрему, монастырь оный и старца увидел и беседу с ним враз вспомнил. Господь на разум вложил мне беседу сию, дабы тебе довести о ней.

Великий князь слегка забылся.

— Что же старец-то сказывал? — спросил Иван.

Василий Васильевич вздрогнул и очнулся.

— Старец-то Христофор? — заговорил он снова. — А вот что: «Помни, — сказал он, — государство-то что конь. Спереди пойдешь — затопчет, сзади — залягает, а можно идти токмо вровень с конем. Умело им править.» Яз же завет сей нарушал, Иване. И вот оно, государство-то, и топтало и лягало меня, покуда яз вровень с ним не пошел.

Василий Васильевич смолк, продолжая о чем-то думать.

— А яз мыслю, — сказал твердо Иван, — не токмо вровень с конем идти надобно, а верхом сесть на него и управлять им твердой рукой.

Василий Васильевич слабо усмехнулся.

— Легко, Иване, сказать сие, — молвил он, — а как сесть? <...>

Дела московские

В лето тысяча четьреста шестьдесят пятое, сентября в тринадцатый день, оставил митрополит Феодосий митрополию свою. Принудить захотел попов и дьяков «идти путем божиим», и начал он их на всякую неделю созывать и учить, как надобно жить праведно. Овдовевшим попам и дьякам повелел он постригаться в монахи, а тех из них, у которых будут наложницы, наказывать без милости: снимая звание священства, расстригать и продавать в рабство.

Попы же и дьяконы того времени в большинстве своем мыслили только о пьянстве и блуде, были малограмотные бездельники. Но и этих пьяниц бездельных не хватало, ибо весьма много церквей на Руси поставлено было.

После же расстрижения многих попов и дьяконов немало осталось церквей совсем без службы, и затужили люди и начали проклипать и ругать митрополита Феодосия.

— Лишил нас владыка, — вопияли кругом, — закону божьего! Нельзя ныне нам ни свадьбы справлять, ни младенцев крестить, ни мертвецов погребать.

Прибрал бы господь от нас митрополита такого.

Начались среди сирот смуты и волнения. Сведав об этом, великий князь Иван поехал сам к митрополиту, взяв с собой только дьяка Курицына. Хотел государь иметь с владыкой беседу сугубо тайную. Сидя в колымаге, на пути к митрополиту, он долго молчал, но потом, обратясь к любимому дьяку, молвил:

— Помнишь, в самом начале чуял яз, Федор Василич, сие. Скинуть владыку придется. Не разумеет ничего он, опричь канона церковного.

— Помню, государь, — живо отозвался Курицын, — прав ты был. Дивлюсь яз прозорливости твоей. Сам же токмо ныне, когда смуты начались, узрил воочию правоту твою. Попы-то уж о Филиппе, владыке суздальском, бают.

— Сей, мыслю, — медленно продолжал Иван, — не по-церковному править будет, а как наместник мой и воевода. Первее всего государству служить будет.

Когда великий князь подъехал к крыльцу митрополичьих палат, владыка Феодосий успел выйти ему навстречу. Он был ласков, но печален и задумчив.

Благословив государя и пригласив к столу, владыка сам начал речь о делах и смутах церковных.

— Государь, — сказал он, — в тяжких грехах Русь наша, церковь же в сетях соблазна.

— А среди сирот смуты и волнения, — сурово сказал Иван.

— Ведаю, государь! — воскликнул Феодосий. — Невежество губит церковь нашу. Призову вот яз, грешный, попа сельского, дам ему евангелие читать, а он, деревенщина, этого не может вовсе, а токмо через пятое-десятое на память знает без всякого разумения! И все почти такие в невежестве, а пьянством и блудом все одинаковы. Как же таких не расстригать?! Христос-то бичом гнал из храма меня и торгашей, а сии боле еще скверны.

Митрополит горько поник головой и замолчал. Иван Васильевич тоже долго молчал, но вдруг заговорил тихо, с теплотой душевной:

— Отче святой, верю яз тебе. Добро ты хотел содеять, а содеял зло и христианам и государству. Христиан оставил без церквей, все едино что отлучил их, предав анафеме. От смут же — ущерб государству. Ты бы, отче, ране хороших попов и дьяконов подобрал, а потом бы мало-помалу ими худых заменял.

Феодосий обернул к великому князю изумленное лицо и, вдруг зарыдав, воскликнул горестно:

— Истинно, государь, истинно! Лишил аз по неразумию паству свою благодати божией. Казня злых пастырей, христиан отлучил от службы церковной!.. Спиду аз в келию к Михайлову Чуду в монастырь! И, приняв старца болящего, буду служити ем и омывати струны его, ибо недостоин святительства.

Сентябрь со старым бабьим летом пришел незаметно, будто продолжение последних дней августа, прохладных, но светозарных. Тишина кругом осенняя.

Во дворцовых садах звенят синицы, летают по Москве серебряные паутинки.

Невысокое уж солнце светит золотисто-янтарным светом, а в древесной листве видать кое-где золото и пурпур.

Иван Васильевич любит это время и, когда есть свободный часок, проводит его перед завтраком или обедом на гульбищах¹ своих хором со всем семейством, сидя на скамьях возле башенки-смотрильни.

Сегодня же, сентября второго, день особенно светлый и радостный. На гульбищах даже чуть пригревает от осеннего солнышка. Ванюшенька, уже семилетний мальчик, играет на полу, строя из чурочек крепость и расставляя вокруг нее деревянных конников. Марьюшка сидит рядом с Иваном Васильевичем, положив голову ему на плечо, и, ни о чем не думая, глядит на расстилающийся внизу город неподвижными, широко открытыми глазами и, слегка улыбувшись, произносит лениво:

— Гляди, Иванушка, скворцов-то сколь в саду у Ряполовских. Вон какой тучей поднялись. Вспугнули, верно. Хорошо, что в садах все ягоды давным-давно сняты.

Вдруг внизу закрипели ступени лестницы — кто-то быстро взбежал к гульбищам. Взглянув на запыхавшегося Курицына, государь взволновался, руки его похолодели. Он, зная хорошо своего дьяка, понимал, что в эти часы Федор Васильевич не будет зря беспокоить своего государя.

— Что? — спросил он кратко, предупредительно указав глазами на свою княгиню.

Курицын понял и ответил спокойно и ровно:

— Вестники прибыли, государь, с Дикого Поля, и беглец русский с ними из Орды бежал. Хочешь ли сам его видеть?

— Где они? — спросил князь Иван.

— В сенцах ждут, возле покоев твоих, с начальником стражи.

— Добре, — продолжал государь и, обратясь к княгине, ласково молвил: — Яз те, Марьюшка, расскажу потом про Орду-то.

¹ Гульбище — балконы и проходы между ними.

На лестнице внизу Иван Васильевич тронул Курицына за плечо, спросил опять так же кратко:

— Что у татар-то?

— Орда двинулась, — тихо ответил Курицын.

У себя в покоях Иван сел за стол и задумался, вспоминая все, что связано у него с Ордой.

— Федор Василич, — обратился он к своему дьяку, — чаю, злы они на нас, татары-то! На престол яз сел, их не спросясь, даней им не плачу.

Токмо бы Юрий успел полки нарядить по-новому, как яз ему указывал.

Иван Васильевич глубоко вздохнул и продолжал:

— Токмо бы господь хошь на годок один отвел от нас руку ордынцев! Ну, да зови беглеца-то.

В покои вошел ражий¹ парень, богатырь видом, светлокудрый, с курчавой бородой, с голубыми глазами. Одет он по-татарски в истертые и грязные с дороги одежды.

Увидав грозные глаза Ивана Васильевича, упал он ниц и, заплакав от радости, заговорил на чистом русском языке:

— Довел господь быть мне на Руси святой. Довел тебя, государя нашего православного, видеть.

— Встань, — сказал Иван Васильевич и, обращаясь к другим, спросил: — Кто тут из дозорных с Дикого Поля?

— Мы, государь, — ответил высокий старик, — мы вот трое. Мы парня сего к тебе сопроводили. Говорит, что из Орды вести везет, а скажет токмо тебе. Вот мы у него нож да ослоп² и коней двух взяли и сюды привезли.

Великий князь острым взглядом посмотрел на беглеца, но тот был радостен и весел.

— Как звать? — резко спросил государь.

— Захар, — быстро ответил парень, — а прозвищем Силован. Потому, государь, дороден я зело.

— Что же мне ты поведаешь?

Силован недоверчиво оглядел Курицына, дозорных и начальника княжой стражи Ефима Ефремовича.

— Говори, — молвил Иван Васильевич, — тут токмо слуги мои верные.

— Государь, — заволновался Захар Силован, — из сабанчей³ я, из села Карамыш. Еще родителей моих при отце хана Ахмата татары в полон угнали из деревни возле Каширы, мальцом я совсем

¹ Ражий — дюжий, крепкий, сильный.

² Ослоп — дубина, колья, палица.

³ Сабанчи — плужники, пахари, крепостные крестьяне у татар из захваченных в рабство пленников.

был. Потом на землю с другими православными, как рабов, посадили. В Карамыше я и возрос.

— Ну а ко мне прибыл зачем?

— От православных своих к тебе с вестью. Собрали поганые войско великое. Созвал хан всех эмиров своих. Старики наши знали, совет в Сарае был — на тебя идут поганые. Сам хан идет со всеми эмирами города наши грабить, полон брать. Снарядили меня старики тебя о сем предупредить, дабы готов ты был Русь святую оборонить. Чаю, идут уж татары.

— Когда вышли?

— Мыслю, государь, я на седмицу ране их пригнал. Верно, уже они у края Дикого Поля.

Иван Васильевич вдруг нахмурил брови, и страшные глаза его вонзились в лицо Силована. Тот смутился и оробел.

— А ежели изолгал ты? — тихо спросил государь.

— Грех, государь, сие мыслить! — горестно воскликнул он и, обратясь к иконам, крестясь истово, продолжал с волнением: — Клянусь тебе Христом богом, истинно все так, истинно так.

Потом, опять обратясь к великому князю, рассказал, как было в моленной, как все за Русь там молились и плакали, как старец вызвал охотника предупредить государя московского, как коней ночью у эмира своего они украли, как скакал он день и ночь до первых дозоров.

Ласково усмехнулся Иван Васильевич.

— Верю тебе, Захар, — сказал он и, обернувшись к начальнику стражи своей, добавил: — Позови, Ефим Ефремыч, брата моего Юрья, скажи, в поход немедля выступать надо против поганых на Оку и слать мне вестников.

Созовет пусть воевод нужных и придет сюды с ними. Да Касиму вестника, Касиму-царевичу.

В этот миг, постучав в дверь, поспешно вошел в покои государя дворецкий и ввел за собой вестника, молодого татарского конника.

— От царевича Касима, государь, весть тебе, — сказал дворецкий.

— Живи сто лет, государь, — заговорил татарин по-русски, земно кланяясь. — Царевич тебе повестует: «Пришел хан Ахмат из Большой Орды с силой великой к Дону, идя на Москву. Тут же вот напал на Ахмата с войском своим могучий воин Хаджи-Гирей, хан крымский. Второй день у них сеча идет великая. Мною же вестник Хаджи-Гирею послан, что-де в тылу Ахмата стою, что, ежели Ахмат одолевать почнет, в тыл ему ударю. Извести, мя, государь, борзо, право ли мною для пользы твоей содеяно.»

Просиял Иван Васильевич и, радостно перекрестясь, молвил весело:

— Услышал господь мольбу мою, отвел от Руси грозу татарскую.

Обратясь к вестнику, добавил:

— Скажи царевичу Касиму слово мое: «Спаси тебя бог за верную службу, разумение твое право и содеяно все так, как бы и яз сам содеял. Шлю селям свой тебе».

— Внимание и повиновение, великий государь, — сказал, кланясь земно, татарин и, поняв, что разговор кончен, стал пятиться к выходу.

— Данила Костянтиныч, — молвил дворецкому великий князь, — накорми вестника и напои его, пусть отдохнет и борзо гонит к царевичу.

Пройдясь несколько раз вдоль покоя своего, Иван Васильевич с улыбкой остановился против Силована и спросил:

— А кто твой отец и мать?

— Холопы были боярина Собакина. Отца, как я сказывал, татары в полон угнали и меня.

— За побег твой из полона и за раденье твое государю жалую ты и родителей твоих вольной волей. Сымаю с вас холопство.

Несмотря на добрые вести с Дикого Поля от царевича Касима, великий князь не отменил совета своего с Юрием и воеводами.

По зову князя Юрия Васильевича собрались в покоях великого князя воеводы: из князей Ряполовских — Семен, прозвищем Хрипун; из князей Патрикеевых — тезка государя, Иван Юрьевич, брат ему двоюродный; князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский; боярин Беззубцев, Константин Александрович; Федор Васильевич Басенок, Иван Димитриевич Руно и другие из детей боярских, что в Москве в то время случились.

Первым говорил брат государя, князь Юрий Васильевич.

Поведал он подробно, какие перемены в полках учинены. У каждого полка ныне свой воевода, из самых верных и хитрых в ратном деле людей государева двора. Если же при войске сам государь, то он при сторожевом полку, где только отборные воины. На поле же: передовому полку — разведка и первый удар; прочим трем полкам — обходы врага и самый бой; последний удар по врагу от сторожевого полка. Гнать же бегущих всей коннице.

Говорил князь Юрий и о том, какие и как грады усилить, согласно воле государевой, и огненной стрельбой и заставами, и как по Оке весь путь оградить на Москву с Дикого Поля, как все строить, дабы обходы вражских полков легче делать или держать их на месте, когда и где надобно.

— Государь, — говорил князь Юрий, — яз с воеводами по твоему указанию все исчислил и все нарядил. Токмо надобно пищали, зелье и ядры на места доставить в довольном числе. Да тебе самому глазами своими все узреть, дабы огрешки где не вышло.

Когда начались подробные разговоры о числе воинов, о времени передвижений больших и малых полков, пеших и конных,

дворецкий прервал совещание, введя двух вестников от Касима-царевича.

— Живи сто лет, великий государь! — воскликнули татары, простираясь ниц.

— Встаньте и сказывайте, — молвил Иван Васильевич.

— Царевич Касим повестует, — начал вестник постарше. — «Челом бью тебе, государь, и целую руку твою, живи, мой повелитель, множество лет.

Аллах помог Хаджи-Гирею крымскому. Гонит он Ахмата к Сараю. Мыслью, войны сей на год хватит. Селям государю от слуги его.»

Вести эти вызвали общее ликование, и радостный гул молитвенных восклицаний и громких разговоров наполнил покои великого князя.

Иван Васильевич, подозвав дворецкого, приказал угостить вестников, которым сказал:

— Повестуйте царевичу: «Мой селям тебе и всем твоим храбрым воинам, верной страже моей».

Когда вестники вышли, раздались голоса:

— Ныне нам спешить некуда. Отвел господь татар от нас.

Иван Васильевич поморщился.

— Неразумны речи сии, — сказал он, — ибо береженого и бог бережет.

Ныне же, пока татары грызутся, наипаче спешить надобно.

Странное молчание, наставшее после этих слов, удивило государя, и, обведя всех глазами, он спросил глухо:

— Что смущает вас?

— Государь, — начал неуверенно Хрипун-Ряполовский, — в народе да и в полках паки смущение. Да и попы некие о сем бают.

— О чем? — сурово спросил Иван Васильевич. — Опять басни старцев и стариц о конце мира?..

— Истекает седьмая тысяча от сотворения мира, государь. О сем из книг грецких читано попами, — продолжал смелее Семен Хрипун, — а от греков мы ведь и веру Христову приняли.

Все замолчали, подавленные неоспоримостью ссылки на вероучителей, но Иван Васильевич только досадливо усмехнулся.

— Не подобает нам чужеземным разумом жить, — молвил он строго. — Ежели грекам во всем безоглядно верить, то и ересь их папистскую принять мы должны, как еретик Исидор. Церковь же наша, со владыкой Ионой во главе, не токмо ересь сию осудила, но и от патриархов грецких отошла, а господь сокрушил грецкую державу.

— Истинно так, государь, — радостно воскликнул Курицын. — Разумно ты, государь, суеверие сие рассудил и отверг.

— Ты, Федор Василич, как мы кончим совет наш, — продолжал Иван, — поедешь к владыке. Утре пусть после часов ударят в церквах

во все колоколы и везде пусть попы поют молебны об избавлении от агарян¹. Владыка же пусть слово скажет во храме о конце мира, как яз о сем сказывал и как святитель наш Иона нас наставлял. Будем мы у него в соборе со всем двором нашим. После же молебной скажи, зову его с причтом² на обед к себе: избавление от злой рати праздновать.

Государь помолчал и, обратясь к присутствующим, добавил:

— И вам всем челом бью, прошу хлеба и соли у нас утре откушать.

Все встали и низко поклонились великому князю, благодаря за честь и ласку, а воевода Семен Хрипун заявил:

— Прав ты, государь, и разум твой укрепил мне сердце. Ведь и меня духовник мой попутал.

Иван Васильевич весело рассмеялся и воскликнул:

— Так лучше! Господь не забывает нас своей милостью, а мы, носы повеся, грецки сказки сказываем, как старые бабы.

Государь встал, давая знать, что совещание окончено, и все встали пред ним, ожидая, что он еще прикажет.

— Утре мы все пировать будем, — продолжал государь, — а дни через три ты, Юрий, со всем советом своим отъезжай на Оку-реку: в Коломну, Каширу, Серпухов и прочие крепости, дабы все проверить там и нарядить. О сем же подумайте и на Угре-реке и на Москве-реке. Когда же все нарядите, яз приеду к вам.

Иван Васильевич поклонился всем, отпуская своих советников.

Как только избавилась Русь от грозы татарской, стал великий князь добиваться дружбы крымского хана Хаджи-Гирея. Более года посылает он в Крым подарки через Касима-царевича и ведет переговоры с ханом Гиреем о союзе против хана Ахмата.

— Ежели сие нам господь поможет содеять, — говорит он дьяку Курицыну, — то мы, Федор Василич, и от Польши его оторвем. Сядет тогда Гирей и Казимиру и Ахмату на спину, будут они назад оглядываться. Нам же сие руки развяжет.

— Верно, государь, — согласился Курицын. — Мыслью яз, Гирею-то Ахмат еще грозен, хошь и побил он его. Мы же ему подмога поболее, чем Казимир. У Казимира-то у самого немцы на шее висят.

— Люблю тя слушать, Федор Василич, — ласково усмехнулся государь, — добре разумеешь ты думы мои. Токмо то печалит, что, бают, стар и немощен стал Гирей-то.

Великий князь задумался, прикрыв глаза, но через малое время заговорил снова:

¹ Агаряне — употреблено в смысле: татары.

² Причт — церковные служители и певчие в христианской церкви.

— Сыновей его надобно к себе приручить загодя. А кто из них престол займет, не угадаешь. У них ведь при многоженстве-то сыновей много, и у всех вражда друг с другом.

— Истинно, государь, — молвил Курицын, — надобно нам пока более через Касима-царевича с Крымом ссылаться. Свой своего лучше познает. Касиму Гирей более, чем нам, поверит, а Касим-то больше визнает у них, чем мы, государь.

— Разумно баишь, — задумчиво произнес Иван Васильевич, — разумно. Бог даст, Москва и Бахчэ-Сарай заедин будут.

Но неспокоен великий князь: беды одна за другой идут на русскую землю. В это тысяча четыреста шестьдесят шестое лето был мор во Пскове и в Новгороде весьма велик и длился с самой пасхи, а униматься начал только с Филиппова заговенья. Да и весна была худая — много вреда принесли поздние морозы: четырнадцатого мая снег выпал глубокий и лежал два дня, а двадцать шестого мая — опять мороз, и снег лежал сутки.

Осенью же весьма рано настали морозы, в августе еще, и всю ярь побили.

— Голод будет, Федор Василич, — сказал вслух государь. — Обессилит народ-то, и скотине гибель.

— Да, государь, — вздохнув, тихо отозвался дьяк Курицын, — тяжкие времена ныне.

— Нам бы токмо полки нарядить да грады ко время укрепить, — раздумчиво продолжал великий князь. — Для сего нам и союз с Крымом вборзе надобен.

Постучав в дверь, вошел дворецкий Данила Константинович.

— Государь, — сказал он, — царевич Касим пригнал со слугами своими.

— Где он?

— Провел его в переднюю твою с почетом, как гостя и друга твоего, государь.

— Добре. Приготовь ему лучший покой в моих хоромах, а в трапезной моей собери почетный стол.

Обратясь к дьяку, Иван Васильевич добавил:

— А ты, Федор Василич, гостя ко мне сюды приведи. Что-то с ним нам господь посылает.

Когда в сопровождении Курицына вошел царевич Касим, Иван Васильевич быстро встал ему навстречу и дружески протянул руки.

— Будь здрав, государь, многие годы, — сказал Касим, целуя руку великого князя.

— Будь здрав и ты, царевич, — ответил Иван Васильевич и посадил рядом с собой Касима, плечо к плечу, как верного друга.

— Сказывай, — молвил он, но уже по лицу Касима видел, что вести дурные.

— Умер Хаджи-Гирей, — сказал тот печально, — да простит аллах его прегрешения.

Иван Васильевич переглянулся со своим дьяком.

— Что в Бахчэ-Сарае? — спросил глухо великий князь.

— В Бахчэ-Сарай? — продолжал Касим. — На тот свет шайтан с ангел дерется за душа Гирей. В Бахчэ-Сарай сыны Гирей за престол дерется. Все.

Пропал наш дело.

Касим опустил голову. Иван Васильевич встал и начал молча ходить вдоль своего покоя. Потом снова сел рядом с Касимом.

— Скажи, Касим, — спросил он, — а кто и кому из сыновей Гирея помогает?

— Много сынов, — ответил Касим, — восемь сынов. Дерутся два: Нур-Даулет и Менглы-Гирей. Хан Ахмат — за Нур-Даулет. Турки, султан Мухамед — за Менглы-Гирей. Долго драться будет.

Великий князь вдруг усмехнулся и молвил весело:

— Мы поможем Менглы-Гирею. Турки ближе к Бахчэ-Сараю, турки победят.

В лето тысяча четыреста шестьдесят седьмое зима тоже была лютая и с такими морозами, что множество людей померзло насмерть по дорогам в Москву и к иным градам и на всех путях по волостям меж селами и деревнями.

Весна же наступила очень поздно. Ненастье затянулось до начала июня: то распутица с дождями и снегом, то среди непогоды летние дни со зноем солнечным. Даже конникам и то проезду почти не было.

В непогодь и на грязи пасху в Москве праздновали двадцать девятого марта. Не празднично было в эти ненастные дни, и даже пасхальный трезвон гудел невесело.

Иван Васильевич в тревоге постоянной был, боясь нового неурожая и беспокоясь смутой крымской, которая продолжала расти.

— Как там все содеется, — говорил он Курицыну, — богу единому ведомо.

Мы же знаем токмо одно, что силы свои копить надобно, какие сможем.

Поэтому государь уж на третьей неделе после пасхи, невзирая на бездорожье, поехал с Юрием на Оку и Угру грады проверять и заставы.

Прощальный обед был у старой государыни, у Марьи Ярославны. За столом были, кроме княжой семьи, брат государя, князь Юрий, и дьяк Курицын.

Речь зашла о новом митрополите Филиппе, и Марья Ярославна одобрила его, сказав:

— Новый-то владыка по мне хорош. Не ведаю токмо, как ты его, сыночек, считаешь?

— И яз так разумею, государыня-матушка, — ответил Иван Васильевич, — помощник он мне в Новомгороде. Против папистов там борется. Они новгородцев к Литве и Польше всякой лестию манят. Разумеет он дела государствования. Яз же вот поеду с Юрьем против татар грады крепить, а тебя, государыня, собя вместо оставляю. Будь ты на Москве государыней, а владыка Филипп да вот Федор Василич тебе в помощь. Да с Ряполовскими и Патрикеевыми советы доржи, дабы обид у них не было. Про Федор Василича лучше пред ними умолчи, да и владыке не сказывай о нем. Он у меня тут после тебя, — вторые глаза. Юрий же, матушка, — десница моя во всех ратных делах. Вот и весь мой тесный совет, да еще душа моя, княгинюшка Марьюшка.

— Токмо вот внучек мой не в тебя, Иванушка, — молвила Марья Ярославна, — помню на десятом-то годике ты вельми скорометлив был, даже и на советах бывал боярских, да полки ты.

Старая княгиня, увидев, как потемнело веселое лицо сына, спохватилась и перевела разговор на другое.

— Зато Марьюшке, моей доченьке, — продолжала она, — покойней ныне, чем мне тогда было. Не забыть век мне, Иванушка, твоего первого походу. Сколь тогда я слез пролила.

Иван ласково улыбнулся матери и молвил:

— Успеет еще Ванюшенька. Время ныне иное, да и верно, не хочу яз сердце тревожить Марьюшке моей.

— А ты ведаешь, Иване, — заговорила опять Марья Ярославна, — Дарьюшка-то, Костянтина Ивановичева, овдовела. Бездетной осталась. Продала, бают, все именье свое. В Москву хочет, постригаться в монастырь.

Иван, не показывая виду, вдруг взволновался, сам не понимая отчего, и ясно ему привиделось прощанье последнее с Дарьюшкой. Будто вчера это было.

— Что ж, — сказал он вслух спокойно, — ее дело. Видать, зело мужа любила, свет ей после него не мил.

— Что ты, сыночек, — живо откликнулась старая княгиня, — бают, глаз от горя до самой его смерти не осушала.

Иван Васильевич дрогнул весь, но усмехнулся и сказал:

— Трапеза кончена, государыня-матушка. Нам с Юрьем спешить надобно, дабы к ночлегу засветло доехать. Дорога-то ведь совсем, бают, непроезжая.

Он встал из-за стола, и все встали за ним, крестясь на иконы.

— Матушка, благослови нас с Юрьем родительским благословением.

Потом сам он благословил Ванюшеньку и долго прощался с Марьюшкой, обнимая и целуя ее с нежностью. Из детства вспомнилось ему многое, и было грустно, неведомо почему.

В Коломну Иван Васильевич приехал с братом своим, когда начала погода устанавливаться.

В обед они по улицам коломенским со стражей ехали к Соборной площади, где наместник и воевода живет. Молчали оба брата. День хоть совсем уж весенний был, теплый и солнечный, но грусть почему-то томила Ивана. Может быть, потому, что опять ему юность его вспомнилась, и от грусти этой с болью слушал он похоронный церковный звон.

— Покойника несут, — сказал князь Юрий и снял шапку.

Остановился Иван Васильевич, тоже снимая шапку и крестясь, а за ним остановилась и вся стража, снимав шапки и давая дорогу похоронному шествию.

Впереди несли крышку от гроба, потом шли священник в ризе, дьякон в стихаре¹ и с дымящимся кадилом. В богатом гробу, обитом парчой, несли на шитых полотенцах молодую женщину.

— Купецкие похороны, — сказал Юрий брату, но тот не ответил, только молча кивнул головой.

За гробом теснилась родня со слезами и плачем, а плакальщицы, покрывая всех голосами своими, громко причитали, но из общего гула время от времени выделялся звонкий и чистый голос, и тогда Иван Васильевич разбирал слова.

*Приходила скоро смертушка,
Крадучись шла, душегубица,*

— прозвенел рыдающий голос и потонул в общих причитаниях, но потом опять вырвался, и снова услышал Иван Васильевич:

*Провожат он женку милую,
Молоду свою княгинюшку,
Свет Матрену Радивоновну...*

Вдруг голос этот серебряный окреп страшной силой горестной, словами тоски нестерпимой в сердце впивается:

*Не забудь мои ты слезы неумичивы,
Хоть с подкустышка явись да серой заюшкой,
Хоть с погоста прилети да черной галочкой.*

Шествие завернуло за угол, и голос сразу на словах этих оборвался.

Все надели шапки, и снова зачокали копытами кони княжой стражи, но Иван Васильевич ехал молча с широко открытыми глазами, а в душе его и в ушах все еще плакал рыдающий голос:

¹ Стихарь — длинная, с широкими рукавами одежда для богослужения у дьяконов и дьячков.

*Хоть с подкустышка явись да серой заюшкой,
Хоть с погоста прилети да черной галочкой.*

В субботу, апреля двадцать пятого, на четвертой неделе после пасхи, вернулся с братом Иван Васильевич в Коломну с Угры-реки, осмотрев там все места для ратных дел, объехав наиглавные крепости, и вдруг словно изо дня в ночь сошел.

С тишиной его страшной все встретили, смотреть на него все боятся, глаза долу у всех опущены.

Встревожился великий князь.

— Что такое тут? — спросил он тихо.

Князь Юрий, которому все уже известно было, обнял брата и молвил:

— Вестник из Москвы прибыл. Потом на Угру к нам поскакал, да разминулись мы с ним в пути.

— Какой вестник? — хрипло спросил Иван Васильевич.

— Тут я, государь, — кланяясь до земли, молвил печально Герасим из дворских слуг, — вторым мя старая государыня шлет. Повестует она: «Сыне мой, в пятый час ночи противу четверга преставися радость наша Марьюшка. В четыре дни от горячки сгорела.»

Потемнело в глазах Ивана Васильевича, побелело лицо как снег. Захотел он кричать от боли душевной, грохнуться на пол, биться о землю, но сдержал себя. Вечностью всем показались эти мгновенья, когда омертвел государь на руках брата.

Вот широко открылись его страшные глаза и медленно обвели покой.

Вздыхнул государь судорожно, будто дышать ему нечем, перекрестился на образа и молвил хрипло:

— Царство тебе небес...

Оборвался, закрыл лицо руками. Снова осилил горе свое государь.

— Юрий, — молвил он тихо, — будь тут меня вместо, все огляди до конца.

Помолчав, Иван Васильевич добавил:

— Яз в Москву еду. Дай мне полсотни стражи да пришли ко мне Савушку.

Государь, не оглядываясь и не прощаясь ни с кем, пошел к своему покою.

Распутица все еще не кончалась. В лесах лежал снег и медленно таял, разводя болота и грязь. Вперемежку с ясными днями шли дожди или снег. Туго распускались почки на деревьях, но птицы уже прилетели, и звонкие голоса их звенели повсюду.

Иван Васильевич ехал медленно. Перед самой Коломной он встретил еще одного вестника и узнал, что старая государыня и митрополит уже погребли Марьюшку в монастыре, в церкви свя-

того Вознесения. Спешить было некуда, а в Москве будто не стало ничего, будто вся Москва вымерла. Да и сам Иван Васильевич, будто пустой внутри, и ничего нет у него на этом свете.

Дышит он влажным весенним воздухом, а в ушах чуть звенит знакомый плачущий голос, что опять ему вспомнился, звенит он одно и то же:

Хоть с погоста прилети да черной галочкой...

И кажется Ивану, что сон какой-то он видит, а жизни уж нет никакой.

Не может он Марьюшку мертвой представить — живой только помнит, как прощался недавно с ней. И щеки нежные, теплые помнит, и глаза, что глядели так ласково из густых ресниц. Как во сне, он и в Москву приехал, и в Москве все, как во сне, было.

Марья Ярославна со слезами его встретила, панихиду служил митрополит Филипп у могилы Марьюшки, но все это казалось Ивану Васильевичу странным и ненужным ему. Застыл он весь, был ровен и равнодушен ко всему, и страшны были для всех этот холод и бесстрастие государя. Даже Ванюшеньку не замечал он, казалось.

На сороковой день панихида была по Марьюшке в княжих хорах и поминальный обед с митрополитом, который сам служил панихиду; родня вся княжая съехалась, а также князья служилые, бояре и воеводы.

Иван Васильевич говорил о государствовании и с митрополитом, и с боярами, и с воеводами, как всегда, деловито и обстоятельно, но самого его будто за беседой и не было. После трапезы ушел он в свою опочивальню, но один, без советников, как это обычно бывало при тайных совещаниях о делах военных и прочих. Не мог он с малым числом людей быть: или на многолюдстве, или совсем один.

В опочивальне сел он на постель свою пред отворенным окном. Майское небо синее, облака плывут белые, и вдруг, мелькнув легкой тенью, села на подоконник галка.

Вздрогнул Иван, а в мыслях простодушно, по-детски мелькнуло, что, может, это душенька Марьюшки. Замер он, а галка, повернув к нему голову, пристально поглядела на него неприятным серебристо-белым глазом.

— Злая птица, — прошептал Иван Васильевич и быстро перекрестился.

Галка, испугавшись движенья руки, взмахнула крыльями и исчезла за окном. Почему-то все это потрясло Ивана, и ясно стало ему, до острой боли, что нет уже Марьюшки, нет и никогда, никогда уж не будет.

— Сказками сердце тешу, — прошептал он и, уткнувшись в подушки, впервые зарыдал, как ребенок.

Целый месяц прошел с этого дня, и стал Иван Васильевич ласковой, хоть и весь переполнен был тихой печали. Подолгу сидел он с Ванюшенькой, но говорил мало. Слышал он случайно, что Дарьюшка в Москву уж приехала и здесь вот в княжих хоромы у брата своего Данилы живет, в монастырь собирается. Ныне же увидел ее в окно из своих покоев и даже вздрогнул с испуга. Шла она по двору княжому, будто Марьюшка его, только ростом повыше и станом пышней.

— Марьюшка моя! — сорвалось невольно с уст его, а она, словно услышав, взглянула на окна его покоев.

И вот все спуталось в нем сразу — и то, что было в его детстве и юности, и то, что теперь есть, будто сон какой продолжается. Давно, давно вот была Дарьюшка — первая сердца его невинная любовь. И росла эта любовь, и, когда расцветать стала нежно и сладостно, отняли у него Дарьюшку, а она к нему возвратилась Марьюшкой, и не токмо телом с ней схожей, но и душой своей ласковой и чистой, и полюбил он ее больше, чем в детстве, как жену свою ненаглядную.

— Вот бог взял ее опять, — шепчет словно в забытьи Иван Васильевич, — помрачил господь мне свет свой божий, но вот она живой предо мной, Марьюшка-то, прошла.

Голова его кружится, и не может понять он, две ли их было, или одна в двух лицах, только сердце чует их за одну.

Постучав в дверь, вошел дворецкий Данила Константинович и нерешительно остановился. Иван Васильевич, взглянув на него, заволновался.

Вспомнилось ему далекое: так вот вдруг, как сейчас, робко вошел к нему еще совсем молодой тогда парень Данилка с поклоном от сестры своей. Увозили тогда Дарьюшку в Коломну к жениху.

— Что, Данилушка? — спросил Иван Васильевич хриплым от волнения голосом и, поколебавшись, добавил: — Как Дарьюшка? Подь поближе, сядь тут.

— В монастырь уходит, государь, — вполголоса ответил Данила Константинович, садясь возле государя. — Проститься навек с тобой хочет.

Увидать хоть раз молит.

Голос Данилушки задрожал и оборвался.

— Все одно, Иванушка, как в могилу живой идет.

— Куда спешить ей, — тихо молвил Иван Васильевич, — не уйдет от нее черная ряса. Отымал ее от меня господь, чую, и снова отымет.

Государь положил руку на плечо друга детства и сказал:

— Пусть придет ко мне Дарьюшка-то. Токмо, oprичь нас с тобой да ее, не ведать о сем никому.

— Верь, Иванушка, сам тебе стражей буду накрепкой.

— Нету, Данилушка, мне счастья долговечного, — с горечью произнес великий князь, — испытует мя господь.

Закрыв он глаза руками, а Данила Константинович тихо вышел из покоев.

Опять все смешалось в мыслях и чувствах Ивана Васильевича, и не услышал он, как кто-то вошел к нему, только волнение охватило его вдруг.

Вскочил он на ноги и видит, стоит пред ним будто Марьюшка.

Глаза опустила, и видно даже из-под белил, как стыдом и волнением пылает лицо ее. Дрожащими пальцами перебирает она платочек свой с жемчужной обнизью.

Смотрит Иван Васильевич в лицо ей, и вдруг видит в ушах знакомые с детства сережки из трех серебряных шариков, и вспомнился ему Переяславль-Залесский, златокузня у Кузнецких ворот, и девочка в саду при княжих хоромах, чижи и щелгы в большой клетке.

В этот миг глянула Дарьюшка в лицо государя и, уловив взгляд его, сказала, улыбнувшись и засияв глазами:

— Серьги сии ты подарил.

В сердечном порыве обнял Иван ее и, прижимая к груди своей, молвил радостно и грустно:

— Отрочество и юность свою обымаю с тобой. Все то с годами минуло, но в душе моей век жить будет.

Дарьюшка смутно понимала значение слов государя, но сердцем чуяла, что дорога ему, и виделся ей осенний сад с опавшими листьями, рдеющий гроздьями багровой рябины, и целующий ее княжич Иван.

— Иванушка, — прошептала она, и от этого шепота забыл Иван сразу, что государь он, а видел только себя мальчиком и милую, милую девочку.

Он отодвинул ее от себя, чтобы снова встретить дорогой лучистый взгляд, но глаза ее, вдруг потемневшие, словно ослепли, а губы, все еще будто детские, доверчиво полуоткрылись для поцелуя.

— Марьюшка, счастье мое, — прошептал он бессознательно и приник устами к ее устам.

На походе

<. > На другой день по прибытии во Владимир приказал великий князь собраться всем князьям своим, боярам и воеводам у себя в передней, чтобы думу думать о всех делах ратных и государственных. Но, прежде чем пойти на думу, задержался Иван Васильевич у себя в покое с братом Юрием один на один.

Одевали его тут и Ванюшеньку в шубы дорожные стремянный его Саввушка да престарелый Илейка, который при княжиче дядькой был, пока еще сил хватало.

— Трудные времена, Юрьюшка, — молвил государь брату. — Посольство Казимирово на многое мне глаза открыло. Кончать нам с Казанью скорей надобно, Польша хочет нас с Крымом и с турками поссорить, а тут еще Новгород Великий мутит и с Ганзой заодно. Ах-мат же нож на нас непрестанно точит, а удельные не разумеют дел моих, токмо об уделах своих пекутся, о государстве же и не мыслят. Бают еще у нас фрязины, и посол о сем баил, будто папа рымский царевну цареградскую за меня сватать хочет. О сем ты молчи, тебе токмо пока сказываю. Посольство может в Москву быть. <...>

Рука Рима

— Кто это?

— Глава церкви русской, — ответил Иван Фрязин.

— Сам Филипп, митрополит московский и всяя Руси.

Царевна быстро пошла навстречу владыке и, подойдя к нему и став на колени, молвила по-русски:

— Бляслови, отче.

Митрополит благословил ее:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Ныне и присно и во веки веков.

— Амэн, — тихо и благоговейно проговорила царевна полатыни.

Введя всех во храм, владыка Филипп прочитал перед алтарем краткую молитву и, обратясь к присутствующим и поклонясь царевне, сказал:

— Поздравляю ты, государыня, со счастливым прибытием и молю Господа Бога, дабы помог тебе счастливой быть навек с государем нашим. Сей же часец отведу ты, государыня, к великой княгине Марье Ярославне, к матери государя моего Ивана Василича.

Речь эту Иван Фрязин перевел царевне на итальянский язык и так передал владыке ответ царевны по-русски:

— Благодарю ваше высокопреосвященство за милость и ласку, которую оказали вы бедной сироте из царской семьи Палеолог. Буду яз счастлива видеть государыню, мать государя, которая и мне матерью отныне будет.

Хоромы государыни, как и государевы, были деревянные и внутри их было тепло и уютно. Это сразу оценила царевна, вспомнив римские каменные дома без печей, в которых зимой было всегда холодно и сыро. От тепла в хоромы и самой ей теплее стало на душе, но слезный комок все еще подкатывал к горлу.

Войдя прямо в трапезную княгини Марьи Ярославны, царевна увидела высокую стройную женщину, лет за пятьдесят, несколько обрюзгшую и с сединой в волосах, но все еще красивую. Приняв благословение от митрополита, княгиня стала внимательно слушать, что говорил ей владыка. Царевна же, крестясь на иконы по-

православному, искоса взглядывала на старую государыню. Царевна заметила, что на государыне одежда простая, весьма красивая и богатая, и невольно у нее мелькнула мысль: «Они тут лучше римлянок одеваются».

Отмолясь, повернулась она лицом к государыне и встретила теплый взгляд больших темных глаз, опущенных густыми ресницами.

— Поди ко мне, милая сиротинка бедненькая, — ласково проговорила Марья Ярославна.

Царевна хотя и не поняла слов, но взгляд и голос обволокли ее душу такой материнской нежностью, что слезный комок снова подкатился к горлу. Заплавав, она бросилась в Марье Ярославне и, обнимая ее, целовала ей лицо и руки.

Когда у старой государыни окончили завтрак, приглашенный толмачом Иван Фрязин тотчас же встал из-за стола и почтительно спросил:

— Есть ли тебе, государыня, надобности в моих услугах?

— Спроси-ка у царевны-то, сыта ли она и довольна ли, — молвила ласково Марья Ярославна, — не хочет ли сладкого меда она с сухим вареньем малиновым?

Царевна благодарила, говоря, что все было вкусно, что и сыта она, что и мед пила и более ничего не может ни пить, ни есть.

— А главное, — перевел Фрязин заключительные слова царевны, — была мне материнская ласка на чужой стороне.

Марья Ярославна обняла и горячо поцеловала свою будущую сноху, спросив:

— Как звать-то тебя, доченька?

— Зоя-София, — отвечала царевна, радостно улыбаясь.

— При венчанье же тебе лучше Софью избрать в память бабки великого князя, Софьи Витовтовны.

— Яз, государыня, согласна: Софья, — не без труда, но по-русски ответила царевна.

— Добре, добре, — обрадовалась Марья Ярославна, — вижу, ты уж и по-русски разумеешь.

— Маля разумей, маля.

Дверь в трапезную отворил дворецкий Данила Константинович и, поклонясь, громко возвестил:

— Святой владыка и великий князь.

Царевна Зоя заволновалась, не зная, вставать или не вставать перед государем, но ее выручила старая княгиня.

— Сыночек мой, — сказала она, вставая и идя навстречу великому князю, — Зоюшка-то уж по-русски разумеет.

— Маля, маля разумей, — прошептала царевна в смущении, встретив острый взгляд больших, таких же темных глаз, как у государыни.

Избегая этого взгляда, царевна робко оглядела великого князя. Он был высок, строен. Густая волнистая борода и кудрявые волосы красиво обрамляли его продолговатое лицо. Высокий лоб, прямой нос, а над глазами темные сросшиеся брови казались взмахом птичьих крыльев.

Иван Васильевич ласково усмехнулся и сказал:

— Будь здрава, царевна, невеста моя!

— Будь здоров, государь, — неуверенно ответила по-русски Зоя.

Великий князь опять улыбнулся, взглянул на царевну. Она ему понравилась теперь более, чем на рисунке, и при улыбке глаза ее казались добрыми, а лицо нежным. Телом она была хотя полна и пышна, все же очень приятна. Только вот ростом не велика — ниже плеча его будет.

Вновь улыбнувшись царевне, Иван Васильевич обернулся к митрополиту и к матери:

— Отче святой и государыня-матушка, готово ли все для обручения?

Марья Ярославна вопросительно взглянула на дворецкого, и Данила Константинович быстро ответил:

— В крестовой, государь, все уже готово. Там отец Александр, отец диакон и дьячок. Свадебный поезд тоже готов и во дворе ждет, как прикажет государыня.

— Мы сей же часец в крестовую, Иване, — сказала Марья Ярославна, — а как владыка обручит тя, по обычаям государевым, отъедет он к Успенью обедню служить, а следом за ним, после моего благословения, и ты поедешь с тысяцким, дружкой и поезжанами.

— А после обедни в соборе, сыне мой и государь, аз сам тя обвенчаю там с царевной, — молвил митрополит и первым пошел в крестовую.

Временный деревянный собор Успения Пресвятой Богородицы был переполнен. Служил сам митрополит со своим хором певчих, пополненным лучшими певчими из других кремлевских церквей. Иконостас сиял дорогими окладами икон в золотых ризах с дорогими самоцветами и жемчугом; на клиросах блистали золоченые хоругви, разноцветное узорочье, тканное шелками и золотом, с золотыми кистями и жемчужной обнизью висело у клиросов и на стенах под иконами. Горели все паникадила, сверкая синими, красными и зелеными огоньками лампад, а пред иконами у алтаря и у стен стояли серебряные подсвечники, пылая множеством свечей. В храме было тесно, жарко и душно.

Владыка и все священнослужители были в праздничных облачениях. Окутанные голубоватыми дымками ладана из звякающих кольцами кадил, они возглашали моления и пели, а певчие сладкогласно отвечали им песнопениями, наполняя храм низкими гу-

дьящими голосами, из которых иногда вырывались звонкие напевы высоких голосов и звенели, казалось, под самым куполом.

Царевна Зоя, приехавшая в церковь после жениха, к самому концу обедни, с удивлением слушала впервые русское богослужение. Оно было красивее латинского, проще, торжественнее и строже, а голоса певчих были лучше итальянских, особенно низкие, густые и мощные, каких она никогда не слыхала.

Впрочем, она так волновалась, что пропускала многое и не могла во всем разобраться, все же среди торжественно передвигавшихся священнослужителей она сразу узнала митрополита.

Служба закончилась, и посередине церкви перед алтарем вдруг образовалось свободное место, куда церковные служки в стихарях принесли аналой с крестом и Евангелием. У царевны от духоты слегка кружилась голова, все же она ясно разглядела в толпе приглашенных и своих спутников из Рима.

На почетном месте стоял легат Бонумбре со своей римской свитой. Тут же она увидела дядей своих Димитрия и Константина Раль, из рода Палеологов, из которых первый был послан представителем от родных братьев ее Андрея и Мануила, оставшихся в Риме. Поодаль от них поместились братья Траханиоты, сопровождавшие царевну Зою, ее воспитатель, врач и прочие из слуг, а кроме того, многие греки и итальянцы, приставшие к ее каравану.

Около самой царевны стояли молодые русские боярышни — подружки невесты, ее провожатые под венец. Из-за боярышень же выглядывали взволнованные лица ее няни и горничной.

Впереди себя, немного влево, она увидела великую княгиню Марию Ярославну с сыном великого князя Иваном, который сегодня после бракосочетания станет по мужу ее пасынком. Тут же стояли братья государевы, прочие именитые родственники, ближние бояре и дьяки.

Оглядев церковь, царевна увидела у правого клироса государя, окруженного разодетыми в парчу и шелка свадебными чинами. Великий князь на голову был выше всех, и его острый взгляд снова испугал и смутил царевну, но она сделала усилие и заставила себя улыбнуться счастливой улыбкой. Иван Васильевич ласково усмехнулся ей в ответ. Ему было приятно видеть свою невесту одетой в пурпурную царскую мантию по обряду венчания греческих цариц.

Взглянув на алтарь, царевна заметила, как седобородый лысый дьячок установил на подставке у северных врат алтаря икону Божьей Матери, и узнала, что это ее благословенная икона от посаженной матери. Увидев потом, что дьячок ставит икону Христа-спасителя у южных врат, догадалась, что это благословенная икона государя.

Но все это походило на странный сон: появлялось, исчезало, путалось и было, как в тумане. Волнуясь и трепеща, она стояла рядом

с государем, говорила и делала то, что подсказывал ей по-гречески один из русских священников, живший долго на Афоне.

Более другого царевне запомнилось само венчание, когда подали митрополиту золотые венцы. Взяв один из них, владыка повернулся к великому князю и громко заговорил, осеняя его крест-накрест венцом:

— Венчается раб Божий Иоанн, благоверный великий князь и государь всея Руси, рабе Божией Софии, царевне православной.

Затем, дав государю поцеловать край венца, надел его ему на голову.

Тот же обряд владыка совершил над царевной и произнес:

— Раба Божия православная София, дочь Фомина, деспота¹ Аморийского, сына царя Мануила цареградского, венчается рабу Божию благоверному князю Иоанну, государю всея Руси.

Лобызаясь согласно обряду с мужем и желая более ему понравиться, София прибавила к поцелую ненужной и неискренней нежности, что несколько удивило великого князя, и томно улыбнулась ему, когда он с недоумением взглянул на нее.

Обратно оба поезда жениха и невесты, ныне уже «молодых», хотя и ехали рядом, но супруги все еще сидели в отдельных колымагах. Впереди всех ехали оба дружки с благословенными иконами Христа-спасителя и Богородицы. За молодыми следовала великая княгиня со внуком. Далее ехали все чины свадебные. За ними тянулся длинный поезд поезжан — повозки всех родных и гостей, приглашенных на свадьбу.

Вся площадь перед собором Успения и пути по направлению к государевым хоромам были наполнены народом, пришедшим не только из кремлевских концов, но и из посадских. Люди, оттесняемые пешей и конной стражей, жадно тянулись, вставали на цыпочки, взбирались на груды строительного камня и на бревна, дабы так или иначе, хотя бы в слюдяном оконце колымажных занавесок, увидеть цареградскую царевну.

Особенно любопытствовали женки, старые и молодые, и девки, толпясь у груды камней, подсаживая друг друга и влезая как можно выше на кирпичи.

— Гляди, гляди, — зашумели они, когда мимо них поехали княжьи колымаги, — вон, вон, в оконце лик ее!..

— Да пошто зря языком-то трепать! — низким голосом с досадой воскликнула старая Емельяновна, крепче запахиваясь кожухом. — Аль не видите? То государыня Марья Ярославна глядит. У ней коней-то четверня.

¹ Деспот — в рабовладельческих монархиях древнего Востока: верховный правитель, пользующийся неограниченной властью.

— Истинно, истинно, — шумно согласились другие женщины, говоря все разом. — У молодых-то по шесть коней.

— Вот, вот она!..

— Гляди, гляди — она!

Но ни в другой, ни в третьей колыхаге никого не было видно — занавески были задернуты, и никто в оконца не глядел.

— Бестолковые, — горячилась Емельяновна. — Да пошто царевна-то напоказ поедет? Вас не видала? И в оконце-то ей глядеть без надобности.

— Да какая же она? — слышались со всех сторон нетерпеливые возгласы любопытных. — Бают, мала вельми, хошь и дебела телом-то.

— А ты, Емельяновна, сказывай! — воскликнула звонко молодая разбитная женка. — Не гордись. Твой сын на княжом дворе в поварне государевой, в хлебниках.

— Сказывай, Емельяновна, сказывай, — присоединились прочие женки.

Емельяновна приосанилась и важно промолвила:

— Днесь до обедни была я на княжом дворе у сына, Алешки мово. Сказывал он мне, что, когда обручали их у старой государыни, царевна-то ниже плеча ему. Бают, рядом с нашим-то соколом она словно гнида какая.

Звон во все колокола, шум и говор расходящихся толп народа заглушили все разговоры.

Когда свадебный поезд въехал на княжий двор и колыхаги молодых и старой государыни остановились против хором у столовой избы для пиров, все чада, домочадцы и слуги роем высыпали оттуда навстречу новобрачным, говоря с припевкой:

— Здравствуйте, здравствуйте, государь наш Иван Васильевич с государыней Софьей Фоминичной и со всеми честными поезжанами!..

На крыльцо поднялся Иван Васильевич рядом с царевной. Он был задумчив, не разумея, что томит его, и хотелось ему сегодня пить много, забыть все, угореть от хмеля. Вспомнились вдруг слова Илейки: «Пьяная женка — не своя, а опчая». Вот и он сам ныне спяна будет не свой, а царевнин, дабы в душе ничего человеческого не было, одно бы вино в крови плавало.

В дверях с песнями и добрыми пожеланиями обсыпали молодых овсом и хмелем, но это не трогало Ивана Васильевича, он только жадно поглядывал на стол, уставленный сулеями, жбанами и другими сосудами с водкой, винами и медами.

Когда пир был в полпира и весь гудел пьяным гулом, голова у Ивана Васильевича кружилась и, хмелея, он слышал, как кругом все чаще и чаще кричали:

— Горько, горько!

Иван Васильевич всякий раз в ответ на это по-пьяному размашисто обнимал царевну и целовал в уста, чуя, как она упирается в него излишне пышной, но по-девичьи упругой грудью и целует его все горячее и горячее, а от души иль без души, того он уже не разбирал.

Новые победы

<...> Яростный бой, казалось, начал стихать. Вдруг из гущи нашего большого полка загрели набаты, неистово затрубили трубы, и большой отряд конников густыми рядами врезался в лоб большого полка литовцев. Сие было так неожиданно, что литовское войско дрогнуло и начало медленно отходить к устью Ведроши. В сей же часец с неистовым визгом и криком, сверкая саблями, наши русские и татарские полки один за другим вырвались из своей засады и врезались в тыл большого полка князя Острожского. Литовцы заметались по всему полю. За ними гнались со всех сторон наши вои правого и левого полков, и татары рубили бегущих саблями, крушили бердышами. Уже смерклось, когда на бешеном скаку вдруг вылетел из своей засады весь сторожевой полк, с Юрьем Захарычем во главе, и с налету захватил все обозы, пушки и палатки воевод, пленив даже самого князя Острожского, графа Хрептовича, пана Николая Радзивилла и князей Друцких. Всех их теперь везут в Москву. Оставшиеся в живых литовцы неудержимо бежали к Смоленску, преследуемые нашими татарскими полками. Митьково поле было устлано трупами.

Когда боярин Плещеев окончил свой рассказ, государь поднялся со скамьи, перекрестился на образа и тихо сказал:

— Пропала Литва под Ведрошью, яко Золотая Орда на Угре! По твоей речи, Михайла Андреич, сторожевой полк вельми грозно сражался на Митьковом-то поле?

— Куда еще грозней! — ответил Плещеев. — Юрий Захарыч, можно сказать, добил литовцев.

— Вишь каков! А когда яз приказал ему быть в сторожевом полку, он писал мне, что в сторожевом полку ему быть негоже, неместно ему стеречь князя Данилу. Заершился! Есть у нас еще некои воеводы, которые высокоумно мыслят, кто кому служит, а в разуме того не держат, что все они мне служат и заедино со мной всей Руси служат.

Перекрестившись еще раз, Иван Васильевич оглянулся и, увидев позади себя крестившегося Саввушку, воскликнул:

— Ишь какая победа у нас, Саввушка!

Обратившись же к боярину Плещееву, молвил:

— Поезжай борзо, Михаил Андреич, в моей колымаге — Саввушка тебя проводит — к митрополиту Симону и передай ему: велю, мол, яз ему сей часец служить по всем церквам благодарственные молебны и звонить, как на Пасху, а по убиенным за веру православ-

ную и за отечество утре петь панихиды. О прочем сам ты лучше знаешь, что о Ведроши митрополиту сказывать.

К вечеру вся Москва, Кремль и все посады были радостно встречены. В шесть часов, как обычно, редко и уныло зазвонили во все колокола пасхальные звоны. Начались молебны. В Успенском соборе митрополит Симон перед молебном с амвона произнес краткое слово. Выйдя из царских врат, он истово перекрестился на алтарь и, обернувшись, воскликнул:

— Братие и сестры во Христе, радуйтесь! Помог Господь Бог государю нашему великую одержать победу над латыньской Литвой. Захотел папа римский православную веру и все православные церкви на Литве порушить. Государь же наш Иван Васильевич за православную веру вступился, войну с Литвой зачал и ни зятя своего Александра Казимировича, ни княгини его, родной своей дочери, не пожалел. Днесь весть пришла, что вои наши православные и воевода сокрушили всю литовскую силу у Ведроши, как ранее Русь сокрушила Золотую Орду на Угре. С такой мощью ныне государь Литву сокрушил, что и ляхи все, и король угорский, и сам папа, и все латинцы топерь в страхе. И все они молят, бьют челом государю нашему о мире. Отблагодарим же Господа Бога за дарование победы и помолим Его о здравии государя нашего и всего православного воинства, а утре отпоем панихиды по убиенным за веру, государя и отечество.

В тысяча пятисотом году июля двадцать пятого началась уже ранняя осень. По старой примете, в день Анны-зимоуказательницы, точно по заказу, наступил первый холодный утренник и зеленая еще трава кое-где в низких местах густо забелела на рассвете от инея.

В этот день рано утром государь вместе с сыном Василием провожал своего третьего сына, воеводу Димитрия Ивановича, с московскими полками в первый поход на Смоленск.

В воздухе было сыро и мозгло от густого тумана, белевшего особенно плотно над Москвой-рекой, над ее притоками и разными болотцами.

Приближаясь к Дорогомилову, Иван Васильевич, усмехнувшись, шутиливо спросил Димитрия Ивановича:

— Что тебе, сыне мой и юный воевода, сие утро подсказывает?

— Подсказывает оно мне, государь-батюшка, что коням больше овса брать надобно: подножного корму нехватка будет, — ответил молодой воевода.

— Добре, — сказал государь, — разумеешь ты ратное хозяйство! — И добавил: — Тут, в Дорогомилове, еще раз смотри из-делаи полкам своим и с Богом веди их к Смоленску. Поздравь воев от моего имени с походом, пожелай вернуться с похода здоровыми и невредимыми. Да потребуи от моего имени у тиунов и приказчиков наших дорогомилловских нужных запасов овса для коней, пшена,

соли, сала и водки для людей, дабы войску ни в чем недостачи не было. Да и в пути, где можно — у можайского нашего наместника, и в Вязьме, у наместника моего, князя Турени-Оболенского — бери моим именем всякие нужные тебе припасы по мере надобности.

Спешившись у моста, государь продолжал:

— Подойди ко мне, Митрий, яз благословлю тя и прощусь, а сам поеду на Москву в колымаге. Что-то зябко и недужно мне.

Князь Димитрий Иванович соскочил с коня и приблизился к отцу, Иван Васильевич благословил сына, обнял и поцеловал в лоб, говоря:

— Ну, держись, сынок! Дай Бог тебе удачи.

Димитрий, простившись с отцом, а потом со старшим братом Василием, вскочил на коня, крикнув:

— Все, что приказал мне государь-батюшка, добре исполнить потщусь с воеводами своими. — И поехал через мост к Дорогомилову.

Саввушка тем временем подъехал к государю и, набросив ему на плечи шубу, усадил в колымагу.

— А топерь, Саввушка, поди прими коня у Василь Иваныча, а самому ему помощи сесть рядом со мной, — молвил государь и, обратившись дружелюбно к подошедшему Василию Ивановичу, продолжал:

— Ну, садись, Василий, хочу кой о чем побаять с тобой.

— Слушаю, государь-батюшка, — почтительно произнес князь Василий, садясь с помощью Саввушки возле отца.

— Днесь же, сынок, начни наряжать доставку борзых грамот от брата Митрия и устанавливай борзый вестовой гон меж Смоленском и Тверью и меж Тверью и Москвой. Вижу, дружно ты живешь с Митрием-то.

— Из всех братьев — любимый, — ответил князь Василий, — а Митрий баит, что и яз его любимый брат. Дружба у нас с ним такая, как была у тебя с покойным братом твоим, князем Юрьем Василlichem.

— Ну и добре, Василий, — улыбнулся государь. — Сие тебе и ему на пользу. Он лучше ратные дела разбирает, а ты — государевы. Вот и будете друг другу помогать. Насчет же вестовой службы думай с князем Васильем Холмским. Вельми разумеет он сие дело. Думаю яз после Пасхи послать в помочь Митрию к Смоленску тебя с тверскими полками, а тебе для совета в ратных делах приставить князя Данилу Щеню. До того же дни на моих утренних приемах дяков и воевод всякий день бывай, а на посольских приемах бывай по моему зову или по зову боярина Ховрина.<...>

[7, кн. 3, 538—543, 574—589, 614; кн. 4, 200—205; кн. 5, 674—677]

Комментарии

Новые символы государства. Со времен Ивана III наряду со старыми названиями государства — Русь, Московское княжество, стало использоваться и новое — Россия, Российское государство. Иностранцы нередко называли как столицу России, так и все государство Московией.

При Иване III появился и новый герб. Им стал символ Византии — двуглавый орел. Женитьба московского князя на Софье Палеолог считалась союзом московской и византийской династий, что «подкрепляло» принятие нового герба. Теперь на великокняжеской печати, которой скреплялись все важнейшие государственные документы, было два изображения. С одной стороны помещался прежний символ — сидящий на коне святой Георгий Победоносец, поражающий копьём змея. С другой стороны изображался двуглавый орел.

Вырос авторитет правителя Московского государства. Как иностранные правители, так и приближенные стали именовать его не только великим князем, но и государем всея Руси. Порой князя сравнивали с могущественным византийским императором, называли его «великим христианским царем».

[3, 201]

Литература

1. *Балашов Д. М.* Собрание сочинений. В 6 томах. Т. 3. Бремя власти: Роман. — Москва : Худож. лит., 1991.
2. *Волошин М. А.* Избранные стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Лаврова. — Москва : Сов. Россия, 1988.
3. *Данилов А. А., Данилов Д. Д., Клоков В. А., Тырин С. В.* Российская история с древнейших времен до начала XVI века: Учебник для 6 класса основной школы. — Москва : Изд. дом «С-инфо»; Изд-во «Баласс», 1999.
4. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений. В 6 томах. Т. 1. — Москва : Наука, 1979.
5. *Русская история в картинах (из изданий С. В. Рождественского и И. Д. Сытина) / Сост. и авт. текста В. И. Шевченко.* — РИО. Мос. тип. № 2, 1996.
6. *Черникова Т. В.* История России. IX—XVII вв.: Учеб. для 6—7 кл. общеобразоват. учеб. заведений / Под ред. А. Н. Сахарова. — 2-е изд. — Москва : «Дрофа», 1998.
7. *Язвицкий В.* Иван III — государь всея Руси: Исторический роман. В 5 книгах. Кн. 1—5. — Алма-Ата : Жазушы, 1988.

Художественное слово на уроках истории

Многие учителя знают это нервное состояние перед началом подготовки к уроку.

Тайна будущего общения с классом превращается в лейтмотив дня. Любые, самые прекрасные моменты жизни омрачаются ощущением неготовности. Можно, конечно, на мгновение забыть, но подсознание не отпускает и мучает неясной тревогой, тянет к столу, раздражает и радует, вдохновляет и останавливает еще на возникшем состоянии творчества...

Ну вот ты уже у стола...

Медленно, напряженно отрываешь от себя суету, душа с каждым движением глаз, с каждой репродукцией, транспарантом, понятием успокаивается, увлекается и обретает гармонию. Еще мгновение — и обычный мир вещей исчезнет, и твое детище — урок — становится событием жизни, где ты уже физически ощущаешь детские реакции, чувствуешь атмосферу урока и владеешь его пространством.

Казалось бы — вот оно, известное только учителю-творцу, счастье и покой готовности. Сознание открылось навстречу маленькому человеку, и ты исполнен благодарности, ведь именно с его помощью память отдает тебе забытое жизнью детство.

Да, ты вспомнил, но эта волна памяти схематична, рациональна и оттого в гармонию состояния заново «вползает» тревога и неуверенность.

Сделай еще шаг, там за традиционностью и логикой, в чувственном мире образов ты обретаешь истинную близость к ребенку, добьешься действительной искренности диалога, чтобы вы уже вместе, озаренные светом художественного слова, взойшли к духовному единству взрослого и маленького человека.

Тожество духовных идеалов учителя и ученика — это цель и результат образования. Путь к нему тернист, но возможен, особенно если вы вместе увидели восходящее солнце нового дня, слышали звуки фортепьяно или скрипки, и вдохновленные строчкой А. С. Пушкина открыли для себя поле Полтавы:

Полки увидели Петра.

Киевская Русь — мистика зелено-голубого цвета, красивая, молодая, сильная и ты, учитель — светлый, полный жизненных сил — отдаешь эту Русь детям, и, всматриваясь в маленькие зеркальца их глаз, зришь там огонь древнего слова «О светло, светлая и прекрасная украшенная земля Русская»...

И ты, учитель, обязан плакать вместе с детьми от слов окаянных:

И сказал брат брату: «Это мое, то мое же».

О господи, сколько печали и силы в Куликовской драме, в совсем не историческом, а свято-духовном, всечеловеческом порыве, исполненного русским смыслом:

*Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи стоят стога.
О Русь моя! Жена моя!..¹*

Эмоциональные состояния судьбоносны. Чувство вечного, «впопыманное» в детской прогулке по лесу, с той же силой вдруг возникает в зрелом возрасте.

Все музыкальные и поэтические привязанности человек обретает в детстве, и они пребывают в глубинах его души неотрывно, а вспыхивая в порыве откровения, удивляют первоначальным постоянством.

Как обобщить их в ребенке, как возвести их на уровень идеалов жизни, как взойти вместе с классом к празднику человеческого существования, где нет лицемерия, другой точки зрения, а есть эмоциональное единство людей, переживающих глубины человеческой жизни. Ответ здесь очевиден: уроку истории, литературы необходимы средства искусства и в первую очередь художественное слово — поэзия, проза, драма. Потому что, с нашей точки зрения, сознание ребенка виртуально...

Вы утверждаете, что он рационалист и прагматик — и это так же правильно, как и неправильно. Вы доказываете, что ребенок весь состоит из переживаний — и опять это неверная позиция. Потому что его переживания сменяются потребностью мыслить, и мышление тут же взывает к чувству.

Поэтому, если Вы построили логический алгоритм урока, столь же серьезно отнеситесь к введению в урок поэзии, прозы, драмы, где так же, как и в логических построениях, необходимы структурно-четкие методические алгоритмы.

¹ Из цикла стихотворений А. А. Блока «На поле Куликовом»: Река раскинулась.

Далее мы представляем общую характеристику словесных художественных средств, а также систему правил и приемов введения их в уроки истории отечества в основной и средней школе.

В отличие от словесных исторических средств, в содержание которых вводится конфликт между государственным и общественным, художественно-исторические средства в своем содержании опираются на конфликт нравственный, суть которого заключена в борьбе участника исторического явления с самим собой. По существу, гуманитария всегда интересуется мотив поступка исторического деятеля, основанного на нравственном выборе. Смысл выбора постоянно заключен между государственными идеалами, либо общественными идеалами и личным самосохранением. Единичная жизнь человека и всеобщий характер поступков во имя идеалов человечества, народа, нации, государства — вот конфликт, который постоянно осмысливает и переживает гуманитарий.

К примеру, конфликт государственного и общественного в России в начале XIX в. выразился в движении дворян-революционеров. Для рационального понимания модели поведения декабристов достаточно вскрыть сущность того, что между государственной властью, в лице царя, и рождающейся независимостью дворянского сословия возник конфликт. Борьба за независимость дворянского сословия как символ свободы всех сословий России — вот суть конфликта данного исторического явления. С помощью исторических словесных средств можно показать движение данного конфликта в явлении, вплоть до его разрешения в восстании 14 декабря 1825 года.

Художественно-исторические словесные средства имеют отношение к другой стороне деятельности исторических субъектов данного явления. Их содержание построено на персонифицированном, т. е. взятом на человека, нравственном выборе. Конфликт государственного и общественного выступает здесь в ином содержании: как конфликт преданности идеалам свободы и революционного самопожертвования и предательством этих идеалов ради личного самоутверждения.

Таким образом, содержание художественно-исторических словесных средств основано:

1) на персонифицированном (т. е. поданном через судьбу исторической личности) конфликте между служением государству, обществу и личным самосохранением;

2) в содержании художественно-исторических словесных средств представлены не реальные участники событий, а художественно обобщенные персонажи;

3) художественно-исторические словесные средства представляются исторической поэзией, художественной исторической прозой, системой нравственно-исторических эстетических понятий.

Художественно-исторические словесные средства выполняют в процессе изучения истории три вспомогательные функции:

- 1) создание художественно-исторического образа нравственно-го конфликта, явления;
- 2) анализ созданного художественно-исторического образа;
- 3) введение учащих в ситуацию взаимодействия и сопереживания историческим персонажам в событии.

Выполняемые в процессе изучения истории функции стали основой разделения художественно-исторических словесных средств на *образные, аналитические и практические*.

Образные художественно-исторические словесные средства

К образным художественно-историческим словесным средствам относят поэзию и художественно-историческую прозу. В основе их содержания — образы нравственных конфликтов, передаваемые историческими персонажами на уровне «Я» и народ моей страны, «Я» и государство, «Я» и сословие, «Я» и окружающие меня в непосредственной жизни люди (микроколлектив).

Образные художественно-исторические словесные средства, в свою очередь, подразделяются:

- a) на художественно-историческое символическое описание;
- b) художественно-историческую бессюжетную характеристику;
- c) художественно-историческую сюжетную характеристику.

Художественно-историческое символическое описание

Это поэтические и прозаические фрагменты, либо целостное произведение, в котором символически выражена главная идея нравственно-исторического конфликта. Обычно символ не вскрывает и не объясняет его содержания, а лишь обозначает ведущие идеи нравственно-исторического конфликта, активизирующие предчувствие его развития и разрешение. И это предчувствие, или опережающее настроение, будущей нравственной драмы человека в истории. Обычно символические художественно-исторические описания используются в начале изучения того или иного сюжетного исторического явления.

К примеру, «Россия в начале XIX в.» (8 класс):

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить¹.

¹ Стихотворение Ф. И. Тютчева.

Здесь персонифицированным явлением предстала вся Россия; уже в начале посредством символического описания у учащихся начинается формирование ее образа, как образа человека, которому в одно мгновение дали нравственную характеристику. Поэтический символ несет в себе предчувствие драмы русского человека, которого в будущем разорвет конфликт западного ума и русской веры. Главное, чтобы символическое начало не осталось без продолжения, символ конфликта должен быть в дальнейшем проанализирован и введен в ситуацию действия.

Символическое художественно-историческое описание может выступать в процессе изучения истории и в форме исторической прозы.

К примеру, тему феодальной раздробленности на Руси можно было бы начать отрывком из «Слова о погибели земли русской» (написано «Слово» не позже 1246 г.):

«О, светло, светлая и прекрасно украшенная земля Русская. Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками несочтими, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими.

Всем ты приспела, земля Русская, о православная вера христианская!»

И в этом случае образ Руси персонифицирован, в момент восприятия текста с очевидностью ощущается взгляд человека, охватывающего им все пространство Родины. Однако конфликт в начале изучения темы уже намечен; он между телом и душой России, он в проникающем в словесное восхваление страдании мятущейся русской души, предчувствующей грядущие несчастья...

С символического описания может начаться и изучение жизнедеятельности исторической личности. К примеру Бориса Годунова. Здесь — конфликт между властолюбием и совестью человека можно выразить, придав строкам А. С. Пушкина символический характер. В уроке, посвященном образу Бориса Годунова, с помощью монолога, читаемого вне контекста произведения в целом, у учащихся создается предчувствие будущей трагедии этого человека. Состояние, возникающее при этом, характеризуется конфликтом его государственной деятельности и личной жизни.

«Ребята, — говорит учитель, — я прочту вам сейчас поэтические строки, которые вложил А. С. Пушкин в уста исторической личности, о которой пойдет речь на сегодняшнем уроке:

*Ах! Чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;*

*Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою. —
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда — беда! Как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.*

Как видим, для этого человека символ его жизни — постоянно мучающая совесть. А ведь он — один из русских царей. Царь, которого мучает совесть — тема нашего урока “Борис Годунов”».

Бессюжетная художественно-историческая характеристика

Это характеристика исторического явления, даваемая художественно-историческим персонажем (исторической личностью) в ракурсе вскрываемого нравственного конфликта.

Человек, наделенный способностью видеть явление в целом через один из его моментов, интерпретирует происходящее через нравственный конфликт в себе.

К примеру, при изучении темы «Начало Отечественной войны 1812 г.» учитель использовал прекрасный фрагмент бессюжетной художественно-исторической характеристики, данной Д. С. Мережковским в романе «Наполеон». Здесь глазами императора, в момент перехода его армии через Неман, создается образ всей будущей военной кампании в России, конфликт отлаженной военно-государственной машины и русского человека с его непобедимым духом, с его малопонятной на Западе всепобеждающей любовью к своей Родине.

«Армия переходила через Неман по трем понтонным мостам, тремя колоннами. Русские переходу не мешали, этому радовались все, кроме императора. Стоя на том берегу и следя за движением войск, он часто поглядывал вдаль, как будто ожидал кого-то. Вдруг вскочил на коня и один, без конвоя, помчался в лес. Скакал версту, две, три — ни души. Остановился, оглянулся, прислушался: тишина, пустота бесконечная, бесконечная тайга — Россия. «Кто меня зовет?» — воскликнул и поскакал к Неману. Он видел, как армия шла на Россию через Литву, Ковно, Вильно, Витебск — нигде не встречая врага и углубляясь все дальше и дальше: в тишину, пустоту, бесконечность. Точно падала в пропасть, тонула в воде. Ужас овладел людьми. Это была уже не война, а что-то неизвестное: люди воюют

с людьми, но как воевать с неизвестным, неосязаемым — с Пространством?..»

Глазами молодого Пушкина смотрим на историческую личность, начиная урок, посвященный Александру I:

*Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.*

По существу, в поэтическом отрывке дана достаточно подробная художественно-историческая характеристика Александра I, более того, намечен основной нравственный конфликт его жизни и, как следствие, создан опережающий образ исторической личности, жизнедеятельность которой будет уже изучаться в ракурсе намеченного конфликта.

Либо пример бессюжетной художественно-исторической характеристики, взятой из романа Д. С. Мережковского «Александр I».

Его использование эффективно при изучении курса отечественной истории в 8 классе в уроке, на котором создается образ Аракчеева.

«Голицыну случалось видеть Аракчеева, но теперь вглядывался он с особым любопытством, как будто видел его в первый раз.

Лет за пятьдесят. Высок ростом, сутул, костляв, жилист. Поношенный артиллерийский темно-зеленый мундир, между двух верхних пуговиц — маленький, как образок, портрет покойного императора Павла I. Лицо — не военное, а чиновничье. Впалые, бритые щеки, тонкие губы, толстый нос, слегка вздернутый и красноватый, как будто в вечном насморке. Ни ума, ни глупости, ни доброты, ни злобы — ничего в этом лице, кроме скуки. Полуоткрытые над мутными глазами веки делали его похожим на человека, который только что проснулся и сейчас опять заснет...

За окном шел мокрый снег. В комнату вползали серые, как паутина, сумерки. И в серой паутине сумерек — скука нездешняя, должно быть, в гробах скучают мертвые: страшно было от скуки».

И здесь, как видим, Аракчеев охарактеризован другим историческим персонажем, что усиливает правдоподобность, и, тем самым, рождает более определенное отношение к герою характеристики.

Сюжетная художественно-историческая словесная характеристика

В отличие от бессюжетной характеристики, с помощью которой на развитие исторического явления мы смотрим глазами исторического персонажа (иногда действительной исторической личности),

в сюжетной художественно-исторической характеристике создается условие, вбирающее в себя все признаки явления, события, при этом исторический персонаж принимает в его развитии непосредственное участие.

Более того, событие в целом подразделяется на микрособытия, представляющие также художественный замысел, но именно в них развивается нравственно-исторический конфликт, способствующий формированию художественно-исторического образа, активизирующего нравственные переживания учащих.

При рассмотрении бессюжетной характеристики как словесного средства был приведен ряд примеров, в том числе и бессюжетная характеристика, призванная создать образ Аракчеева. Однако хотелось бы еще раз обратиться к образу этого человека и показать для сравнения сюжетную художественно-историческую характеристику его личности.

Д. С. Мережковский мастерски, через воспоминания другого персонажа, характеризует страшную фигуру Аракчеева в серии разных событий, объединенных воспоминанием в один сюжет.

«Свидание с Аракчевым было необходимо князю Валерьяну Голицыну, хотя он и смеялся над этим свиданием. Знал, что у государева любимца — белые листы бумаги, бланки за царской подписью: он мог вписать в них все, что угодно — чины, ордена или заточение в крепость, ссылку, каторгу. Мог также оскорбить, ударить и чем ему ответить?

— Я друг царя, — говаривал, — и на меня жаловаться можно только Богу.

Несколько лет назад прошел слух, будто сочинителя Пушкина высекли розгами в тайной полиции: лучшие друзья поэта передавали об этом с добродушной веселостью. “Может ли быть?” — сомневались одни. “Очень просто, — объясняли другие, — половица опускная, как на сцене люк, куда черти проваливаются: станешь на нее и до половины тела опустишься, а внизу, в подонье с обеих сторон по телу розгами — чик, чик, чик. Поди-ка пожалуйста! Да что поэт или камер-юнкер, когда великие князья трепетали перед змием. Преображенским офицером, стоя на карауле в Зимнем дворце, князь Валерьян увидел однажды, как Николай Павлович и Михаил Павлович, тогда еще совсем юные, сидя на подоконнике, ребячились, шалили с молодыми адъютантами: вдруг кто-то принес шепотом “Аракчев!” — и великие князья, соскочив с подоконника, вытянулись, как солдаты, руки по швам...»

Классичность примера данной сюжетной художественно-исторической характеристики состоит в том, что, во-первых, в ней выдержаны все методические критерии использования данного словесного средства в уроке истории и, во-вторых, что особенно важно, выдержан критерий построения художественно вымышленных ми-

крособытий, в которых движется и рождается образ государственного деятеля и человека в движении к действию.

Аналитические художественно-исторические словесные средства

Аналитические художественно-исторические словесные средства — это такая организация словесного художественного материала, которая дает возможность анализировать образы нравственно-исторических конфликтов, возникающих в сознании школьников.

К ним относят художественно-исторические объяснения, художественно-историческую беседу, художественно-исторические познавательные задачи.

Художественно-исторические объяснения

Это монологическое объяснение учителем, содержанием которого являются нравственно-исторические умозаключения, суждения нравственных понятий и связанных с ними исторических фактов и художественно-исторических образов.

Главная задача объяснения состоит в подведении учащихся к пониманию сущности нравственного конфликта в действиях исторических персонажей, участников явлений и событий.

Объяснение выстраивается либо по дедуктивной, либо по индуктивной логике движения понятий, фактов, образов. При подготовке к художественно-историческому объяснению учитель должен определиться в формулировке понятий, глубоко вникнув в их смысл.

Многоаспектность современного гуманитарного цикла предметов в школе предполагает уроки различной направленности, в которых возможно использование художественно-исторического объяснения. Поэтические образы, к примеру, могут уточнять логическую последовательность сражения.

Урок «Победа под Полтавой и конец Северной войны» в 7 классе. Учитель, пользуясь стенной картой, ведет рассказ о вторжении шведов на Украину, объясняет, почему в 1709 году шведы решили овладеть Полтавой.

«Полтава расположена на реке Ворскле (голубым мелком учитель быстро наносит извилистую линию и белым — многоугольники — укрепления Полтавы). Вокруг широкие степи; небольшие леса вблизи Полтавы (зеленым мелком наносятся на доску соответствующие условные знаки). Шведы обложили Полтаву (фиолетовые прямоугольники вокруг городских укреплений), но небольшой русский гарнизон упорно защищался. Петр I решил дать захватчикам генеральное сражение. Сорокатысячная русская армия подошла к Полтаве (на доске — красная пунктирная линия, отмечающая движение русских). Убедившись в невозможности атаковать шведов в районе Полтавы, русские форсируют Ворсклу выше, у села

Семеновки, и строят здесь укрепленный лагерь (на доске — белый прямоугольник). Учитель объясняет учащимся, что в европейских армиях XVIII в. господствовала линейная тактика. Ее распространение было связано с усовершенствованием стрелкового оружия (фузея со штыком). Растянутые шеренги давали возможность одновременной стрельбы вдоль фронта.

Такое построение делало сражение в XVIII в. шаблонным: стрельба вдоль фронта, медленное движение растянутых линий, как на параде, слабая подвижность войск в бою. Сражение развертывалось только на открытой ровной местности. Линейная тактика требовала длительной муштровки войск и редко приводила к решительной победе. Но русские внесли много оригинального в замысел Полтавского боя. Прежде всего, Петр I перенес свой лагерь ближе к Полтаве на сравнительно небольшое пространство, где шведы не могли полностью реализовать все тактические преимущества своего «практикованного» войска, сосредоточил артиллерию на левом фланге лагеря, выстроил войска в две линии и выделил резерв. На просеке, на пути шведов создал впервые в истории систему полевых редутов, чтобы рассечь шведскую армию и ослабить ее. Таким образом, учтя слабые стороны линейной тактики, русское командование подготовило поле боя для разгрома шведов. Бой начался в третьем часу утра 27 июня.

Горит восток зарею новой

Шведские войска двинулись к просеке.

*Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею...*

(На доску наносятся условные знаки, обозначающие конницу и пехоту).

*Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы...*

Но в узкой просеке между редутами стройные ряды шведов оказались рассеченными; они попали под перекрестный огонь русских.

*Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах...*

Больше всего пострадало правое крыло шведской армии, особенно войска под командованием Росса и Шлиппенбаха. Росс вынужден был отступить к Полтаве, а солдаты Шлиппенбаха были оттеснены в лесные овраги, окружены русскими и сложили оружие

(фиолетовый пунктир назад к Полтаве, красный кружок — окружение Шлиппенбаха).

*Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлиппенбах...*

Наконец основные силы шведов, неся серьезные потери, расстроенными рядами прорвались сквозь редуты на открытое поле. В это время русская кавалерия, вступившая в бой со шведами, наносит им страшный сабельный удар и внезапно уходит к своему лагерю, подняв тучи пыли. Чуть пыль рассеялась, справа от шведов, от русского лагеря открывает огонь русская артиллерия. Шведы бросились в бегство. С трудом удалось остановить их у Будищенского леса и построить в ряды. Так закончилась первая фаза сражения — бой за редуты. Его итоги: сильно ослаблен шведский правый фланг, а главное, моральный урон — шведы испытали силу русского оружия; их вера в победу подорвана. Битва затихла.

*Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает...*

Обе армии стоят в боевой готовности. Шведы видят перед собою

*Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных
И ряд незыблемый штыков.*

Десять лет войны не прошли бесследно: русская армия окрепла и научилась бить шведов.

В 9 часов утра шведские полки пришли в движение. Навстречу шведам с распущенными знаменами и барабанным боем двинулась первая линия русских войск. Генеральное сражение началось. Загрохотали пушки, загремели ружейные залпы, закипел ожесточенный рукопашный бой. «Хотя и зело жестоко в огне оба войска бились, однако ж то все доле двух часов не продолжалось: ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали... так что шведское войско ни единожды потом не остановилось...» (из «Юрнала Петра Великого»).

*И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи¹.»*

¹ Из поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

Возможны художественно объяснительные приемы в занятиях факультатива, когда в качестве рационального каркаса используются символы, в частности, в уроке «Илья Ефимович Репин — творческая биография» поэтические фрагменты углубляли цветовые ассоциации учащихся.

Учитель обращается к детям со словами: «Россия — это многоцветье. Если бы я была птицей, я бы поднялась в бирюзовое небо и только бы успевала смотреть, как мелькают под моими крыльями теплая солнечная зелень полей, голубая (в цвет неба) река; красные деревенские домики, черная гусеница паровоза, серая степь, желтые с зеленым мхом и белыми шапками Уральские горы — в общем Россия. Певцом этого удивительного многоцветья был Илья Репин.

1. МИКРОМОДУЛЬ — ОБРАЗ

Поэтому я хочу построить наше занятие, опираясь на многообразие цвета его картин. Он воспел дух России в красках. Его творчество можно показать только через цвет.

И первый из них, видите... Красный.

Отношение человека к красному цвету неоднозначно. Разные образы, разные настроения возникают. Вот так увидели его поэты:

А. Белый

Красным полымем всходит Любовь
Цвет любви на земле одинаков —
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганных маков.

М. Цветаева

Красною кистью рябина зажглась.
Падали листья, я родилась,
Спорили сотни колоколов —
День был субботний — Иоанн Богослов.

Мне и доныне хочется грызть
Жаркой рябины горькую кисть.

А какие у Вас ассоциации с красным цветом? (Кровь, любовь, буйство жизни, война, страдание, страсть).

А теперь давайте посмотрим, как мастер цвета, мастер русского духа изображал это в своих полотнах.

КАРТИНА

Посмотрите, вся картина, как красное пятно. Это произведение написано в 1885 году «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 г.».

Сумеречный полумрак царских палат, мрачные стены в темно-малиновых и темно-зеленых шашках, пол, покрытый красными узорными коврами, опрокинутое кресло, брошенный жезл, и в цен-

тре две освещенные фигуры: отец и сын. Только что совершилось убийство. Красными змейками сбегает кровь по лицу смертельно раненого царевича. И сам его золотой в красном отсвете халат, как будто пожар отпыхал и тихо тлеет. А Иоанн уже не грозный царь, он отец: судорожно обнимает сына, зажимает рану, пытается остановить кровь. А в глазах нестерпимая мука, жалость, любовь...

Эта картина была написана под впечатлением музыкального образа. Однажды Репин был на концерте, где исполнялась «Месть» Римского-Корсакова. «Она произвела на меня неотразимое впечатление, — говорил Репин, — Эти звуки завладели мною, и я подумал: нельзя ли воплотить в живописи то настроение, которое создалось у меня под влиянием этой музыки?..»

Как-то на рынке встретился чернорабочий, с которого он тут же написал этюд для Грозного, потом ездил в Царское Село к Чистякову, который рекомендовал ему какого-то старика, похожего на царя Ивана, писал этюд с художника Мясоедова. А для царевича позировал писатель Всеволод Михайлович Гаршин. «В лице Гаршина меня поразила обреченность: у него было лицо обреченного погибнуть. Это было то, что мне нужно для моего царевича!» — писал Репин.

Над картиной Репин работал не в мастерской, а в отдельной, специально обставленной комнате. Он сам кроил костюмы для Грозного и сына — черный, в виде подрясника для Грозного и розоватый, с серебристым отливом для царевича. Завитками расписал высокие сапоги с загнутыми носками.

«Я работал замороженный, — говорил он. — Мне минутами становилось страшно. Я отворачивался от этой картины, прятал ее». Иной раз после целого дня работы ему начинало казаться, что картина слабая, неудачная. Разум подсказывал: надо передохнуть. «Но что-то гнало меня к этой картине, и я опять работал над ней».

Очень глубоко переживал художник страдание и смерть и не даром общий фон — красный как символ крови, страсти, мучений.

*Красною кистью рябина зажглась,
Падали листья...*

А теперь другой образ, и у доминирующего красного — уже другой смысл, другое содержание. (Учитель показывает репродукцию с картины.) Перед нами женский образ. Это картина И. Е. Репина «Портрет В. И. Иксуль фон Гильденбандт», написанная в 1889 году.

КАРТИНА

Вы знаете, нигде в книгах нет описания этого портрета, и Репин не оставил его. Советские искусствоведы считают, что это парадный портрет Репина, как бы написанный по всем законам классического жанра.

Но я смотрю на эту женщину и вижу здесь не просто образ.

Она как шпиль, как игла: стройная фигура, аристократическая осанка, узкая бледная рука свободно и равнодушно (я бы сказала) лежит на платье. Черная юбка, красная блуза. Тонкая шея под красным бантом. Чем веет от ее лица, ее взгляда? Холодом, печалью, надменностью из-под темной вуали под красной пикой шляпки.

*Вас описать одной
Ломаной линией —
Холод в веселье, зной —
В Вашем унынии¹.*

Мне кажется, женщина с такими печальными глазами кого-то очень сильно любила, а, потеряв любовь, стала надменной, холодной.

Я посмотрела на этот портрет и подумала: «Красный цвет — король всех цветов. Красный — цвет любви, но прибавьте к нему темного (черного)... зеленоватый фон... и он из цвета любви превратится в цвет надменности».

А вот еще одна грань, смысл, характер королевского красного.

КАРТИНА

Это созданный И. Е. Репиным в 1905 году «Портрет писателя Л. Н. Андреева (Летний отдых)».

Летний вечер. Катится к закату день. Может быть он принесет ночью грозу, а сейчас тихо. Также тих и печален взгляд мужчины, он не видит нас. О чем-то задумался замечательный русский писатель Леонид Андреев. Что может печалить этого красавца с особой мужской красотой, с ликом Христа? Посмотрите, как он раскинул руки: красное пятно рубахи на половину холста, а не крест ли это?

В своем произведении «Иуда Искариот» он пишет о главном, о сущности жизни, прорывается в тайны бытия, как бы из ужаса жизни, из красного смеха над этой жизнью. Он так и назвал свой рассказ «Красный смех».

Вот из этого ужаса жизни человек приходит (в произведениях Л. Андреева) к абсолютному покою, к вечному, в котором уже нет ни гнева, ни предательства, а есть одна любовь и счастье».

Художественно-историческая беседа

Это диалогическая (вопросно-ответная) форма художественно-исторического анализа образа нравственного конфликта.

Беседа как средство обращена всегда к вскрытию историко-этического смысла художественных произведений (отрывков) исторического жанра (поэзия, проза, былины, мифы).

¹ Из стихотворения И. Северянина.

Существует три типа художественно-исторической беседы:

- 1) вводная художественно-историческая беседа;
- 2) аналитическая художественно-историческая беседа;
- 3) заключительная, обобщающая художественно-историческая беседа, сочетающаяся с нравственной проповедью.

Вводная художественно-историческая беседа

Это беседа, в которой учитель с помощью вопросоответного диалога с учащимися подведет их к нравственно-исторической тематике урока. Основой вводной беседы является уже известное детям литературное произведение исторического жанра (возможно отрывок).

К примеру, урок, посвященный историко-этическому анализу образа К. Ф. Рылеева, учитель начал с отрывка из его поэмы «Наливайко»:

*Скажи, того гибель ждет,
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа.
Судьба меня уж обрекла,
Когда, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода.*

Учитель: «Ребята, попытаемся вдуматься в суть данного поэтического фрагмента. Обязательно ли жертвовать жизнью во имя свободы? Автор пишет: “Судьба меня уж обрекла”. А что, разве нельзя уйти от судьбы? Ведь человек волен сам изменять развитие своей жизни».

Вопросы такого рода обычно вызывают неоднозначную реакцию школьников. Они высказывают различные предположения, иногда в разной максимальной форме. Учитель предлагает учащимся разобраться с решением столь сложной проблемы и объявляет тему урока «Кондратий Федорович Рылеев — революционер и человек».

Аналитическая художественно-историческая беседа

Данное художественно-историческое аналитическое средство действует на протяжении всего урока, либо в его большей части. В результате вопросно-ответного диалога по тексту произведения учащиеся подводятся к обобщенному историко-этическому суждению. Обычно в основе аналитической беседы — поэтический или прозаический фрагмент исторического жанра. К примеру, для анализа этических идеалов человека Екатерининской эпохи учитель использовал отрывок известного исторического романа Г. П. Данилевского «Княжна Тараканова». Покажем фрагмент этого романа и приведем вопросы состоявшейся аналитической беседы.

«Слова рвались с языка пленницы и бессильно замирали.

Отшатнувшись на кровати к стене, она сверкающими глазами пожирала Орлова, с испугом глядевшего на нее.

— Мы обвенчаны, не правда ли? ха-ха! ведь мы жена и муж?

— заговорила она, страшным кашлем поборов презрительное негодование. — Где же вы были столько времени? Вы клялись, я вас ждала.

— Послушайте, — тихо сказал Орлов, — не будем вспоминать прошлого, продолжать комедию. Вы давно, без сомнения, поняли, что я верный раб моей государыни и что я только исполнял ее повеления.

— Злодейство, обман! — вскрикнула арестантка. — Никогда не поверю... Слышите ли, никогда могучая русская императрица не прибегнет к такому вероломству.

— Клянусь, это был ее приказ.

— Не верю, предатель! — бешено кричала пленница, потрясая кулаками. — Екатерина могла предписать все, требовать выдачи, сжечь город, где меня укрывали, арестовать силой, но не это, ты, наконец, мог меня поразить кинжалом, отравить, яды тебе известны, но что сделал ты? что?

— Минуту терпения, умоляю, — произнес, оглядываясь, Орлов, — ответьте мне одно слово, только одно, и вы будете, клянусь, немедленно освобождены.

— Что еще придумал, изверг, говори? — произнесла княжна, одолевая себя и с дрожью кутаясь в голубую, знакомую графу, бархатную мантилью.

— Вас спрашивали столько времени и с таким настоянием, — начал Орлов, подыскивая в своем голосе нежные, убедительные звуки, — скажите, мы теперь наедине нас видит и слышит один бог.

— Боже мой! — рванулась и опять села на кровати арестантка. — Он призывает имя божье! — прибавила она, подняв глаза на образ спаса, висевший на стене, у ее изголовья. — Он! да ты, наверное, устроил и все эти мучения, всю медленную казнь! А у вас еще хвалились, что отменена пытка. Царица этого, наверное, не знает, ты и тут ее провел.

— Успокойтесь... скажите, кто Вы? — продолжал Орлов. — Откройте мне. Я умолю государыню; она окажет мне и вам милость, вас освободит.

— Дьявол! Он спрашивает, кто я? — проговорила, задыхаясь от прилива нового бешенства, княжна. — Да разве ты не видишь, что я кончила со светом, умираю? Зачем это тебе?

Она неистово закашлялась, упала головой к стене и смолкла.

«Вот умрет, не выговорит», — думал, стоя близ нее, Орлов.

— В богатстве и счастье, — произнесла, придя в себя, пленница, — в унижении и в тюрьме, я твержу одно. и ты это знаешь.

Я — дочь твоей белой царицы! — гордо сказала она, поднимаясь. — Слышишь ли, ничтожный, подлый раб, я прирожденная ваша великая княжна.

Смелая мысль вдруг осенила Орлова. «Эх, беда ли? — подумал он. — Проживет недолго, разом ужою обеим».

Он опустился на одно колено, схватил исхудалую, бледную руку пленницы и горячо припал к ней губами.

— Ваше высочество! — проговорил он. — Элиз! простите, клянусь, я глубоко виноват. так было велено. я сам находился под арестом, теперь только освобожден.

Пленница молча глядела на него большими, удивленными глазами, прижимая ко рту окровавленный кашлем платок.

— Умоляю, нас, по истине, торжественно обвенчают, — продолжал Орлов, — станьте моею женой. Все тогда, ваше высочество, дорога моя. Элиз!.. знатность, мое богатство, преданность и вечные услуги.

— Вон, изверг, вон! — крикнула, вскакивая, арестантка. — Этой руки искали принцы, короли. не тебе ее касаться, — заклеянный предатель, палач!

«Не стесняется, однако! — подумал обер-комендант Чернышев, слышавший из-за двери крупную французскую брань и проклятия арестантки. — Уйти по-здорову; граф еще сообразит, что были свидетели, вломится в амбицию, отомстит!»

Комендант ушел.

Тюремщик, стоявший с ключами в коридоре и также слышавший непонятные ему гневные крики, топанье ногами и даже, как ему показалось, швырянье в гостя какими-то вещами, тоже отошел и прижался в угол, рассуждая:

«Мамзюлька, видно, просит лучших харчей, да, должно, не по артикулу, — сердчает на генерала. ох-хо! куда ей, сухопарой. все щи да щи, вчера только дали молока.»

Бешеные крики не прерывались. Зазвенело брошенное об пол что-то стеклянное.

Дверь каземата быстро распахнулась. Из нее вышел Орлов, робко пригибаясь под несоразмерной с его ростом перекладной. Лицо его было красно-багровое. Он на минуту замедлился в коридоре, оглядываясь и как бы собираясь с мыслями.

Нащупав под мышкой треугол, граф дрожащей рукой оправил прическу и фалды кафтана, бодро и лихо выпрямился, молча вышел, сел под проливным дождем в карету и крикнул кучеру:

— К генерал-прокурору!»

Вопросы. Почему Орлов с гордостью произносит слова: «Я верный раб своей государыни?» Княгиня называет Орлова предателем, права ли она? Орлов обращается к Богу, для высоконравственного человека это большая ответственность. Оцените его поведение.

В завершении разговора, Орлов предлагает княгине стать его женой. Находящаяся в застенке больная и измученная Тараканова выгоняет Орлова. Как бы вы оценили этот момент их диалога?

Таким образом, аналитическая художественно-историческая беседа призвана в течение урока вскрыть конфликт и с помощью вопросов подвести учащихся к суждению по каждой стороне конфликта и в завершении вопросно-ответного диалога сформулировать вместе с учащимися обобщающее суждение относительно нравственно-исторического конфликта художественного фрагмента в целом.

Заключительная художественно-историческая беседа и нравственная проповедь

Заключительная художественно-историческая беседа — это средство, выраженное в вопросно-ответном диалоге (учитель — учащиеся), завершающее и обобщающее художественно-исторический материал урока, либо тематического блока уроков.

Заключительная беседа завершает урок, переходя часто в нравственную проповедь. В результате такого завершающего комплекса приемов художественно-исторический материал преобразуется в средство рефлексии (самоанализа), обращающего их к нравственным ценностям реальной жизни.

К примеру, учитель в конце урока, посвященного личности Петра I, предлагает школьникам ответить на вопрос: «Почему, на Ваш взгляд, имя Петра I вошло в историю?»

Ученики отвечают, что Петр I много сделал для России: оставил после себя город, победил шведов, трудился не покладая рук...

Учитель: «Почему Петр I вошел в историю как Петр Великий, в то время как многие государственные деятели осуществляли то же самое?»

Ученики подчеркивают, что Петр совершил поступки, возвысившие его над жизнью обычного человека, его жизнь была отдана России, идее ее процветания...

Учитель: признает правильность ответов школьников и, обобщая сказанное детьми, подтверждает, что жизнь России стала жизнью Петра. Имя его стало символом новой России. Умер Петр и люди воспели его в слове и камне. Каждому человеку дана жизнь и для каждого когда-нибудь она закончится. Все мы смертны... Но смысл человеческого существования на земле заключен в том, чтобы оставить о себе добрую память в детях своих, делах своих, запечатленных думах... Что же каждый из вас оставит после себя?

*Когда умрешь, что станет с тобою?
Уйдешь ли дымом в небо голубое,
Золой ли станешь теплой на ветру,*

*Что своего оставишь ты в миру?
А вдруг из пепла нам блеснет алмаз...*¹

Художественно-исторические познавательные задачи

Решение специально сконструированных проблемных (познавательных) художественно-исторических задач, включающих условие в виде факта или группы фактов и вопросов к ним, содержит нравственную проблему. Такие задачи могут быть основаны на выполнении перечисленных выше логических действий (анализ, обобщение, сравнение).

Активная оценочная деятельность учащихся возможна лишь при условии, что они предварительно усвоили ряд нравственных понятий. Оценивая события, действия и поступки классов, общественных слоев, организации и личностей, учащиеся применяют усвоенные нормы и принципы, а это способствует более глубокому и точному пониманию. Оценка вырабатывается обычно коллективно, когда учащиеся под руководством учителя обмениваются мнениями, ставят проблемы и решают проблемные задачи. В ходе обсуждения различных ситуаций у школьников вырабатывается личностное отношение к событиям и деятелям, их идеалам и поступкам. Содержание задач основано на прозаических, поэтических фрагментах художественно-исторических произведений.

Художественно-историческая познавательная задача, в основе которой стихи А. Н. Радищева о будущем России:

*О народ, народ, православный!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным.
Удивленью всей вселенной —
Все преграды, все оплоты, Сокрушай рукою сильной.
Победят природу даже —
И пред их могущим взором,
Пред лицом их озаренным,
Ниц падут цари и царства.*

Можно ли назвать эти строки пророческими?

Таким образом, очевидно, что художественно-исторические познавательные задачи способствуют эффективному анализу образов-представлений учащихся о нравственно-историческом конфликте между государственным и личным в действиях персонифицированных субъектов истории. В поэтическом и прозаическом содержании

¹ Стихотворение Ф. Петрарка.

познавательных задач заложен данный конфликт. Однако он существует как объективный лишь до столкновения с логическим заданием. Противоречие логического задания и художественно-исторического текста рождает интеллектуальные затруднения, именно с этого момента начинается процесс анализа.

Практические художественно-исторические словесные средства

Практические художественно-исторические словесные средства — это учебные пособия, в которых построение материала отражает взаимодействие персонажей в исторических событиях. Основой содержания данных средств является не собственно историческое взаимодействие и разрешение исторического конфликта, а столкновение нравственных идеалов персонифицированных субъектов истории. Среди этих средств выделяют художественные произведения исторического жанра сюжетной основой которых являются исторические события рассказы фрагменты произведений с художественно-историческими оценками событий, художественно-исторические фонопособия (записи спектаклей на историческую тему, в основе которых — событие).

Художественно-историческое описание событий — рассказ

В практике преподавания истории в школе достаточно часто используют поэтические и прозаические фрагменты, а также целостные произведения для иллюстрации исторических событий. Среди них «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Песнь о Роланде», «Слово о полку Игореве», «Полтава» и «Медный всадник» А. С. Пушкина, поэма К. Ф. Рылеева «Иван Сусанин», отрывки из романа «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Бородино» М. Ю. Лермонтова, исторические поэмы А. Н. Майкова, стихи Волошина, А. А. Блока, Д. Байрона, В. Гюго и др. Здесь очень важно понять, что в описываемых с помощью художественно-исторических средств событиях-рассказах отражаются не государственные и общественные отношения, а происходит столкновение нравственных идеалов представителей государства, классов, сословий, партий.

К примеру, сюжет битвы шведов и русских под Нарвой из романа А. К. Толстого «Петр I»: «Кирасиры, прикрывавшие пехоту, некоторое время отступали, не теряя строя, огрызались короткими наездами. Но когда на них с тылу, из березовой рощи помчался с драгунским эскадроном полковник Рен, сидевший там в засаде, началась свалка. Стрельба прекратилась. Только слышались яростные визги русских, рубящих с плеча, хриплые вскрики гибнущих шведов, лязг шпал о кирасы и шлемы. Взывались грызущиеся кони. Упало королевское знамя. Выскочившие из свалки отдельные

всадники скакали, как отчаянные, на лугу сгибались, размахнув руки валились...»

Как видим, в отрывке историческое вскрыто нравственным накалом битвы, столкновением ярости и ужаса смерти.

В другом художественно-историческом отрывке Ю. М. Лощина «Дмитрий Донской» начало Куликовской битвы показано через исторические персонажи русского Пересвета и монгола Чулубея. Однако не воинский поединок здесь главное, а конфликт чести русского воина и возможного бесчестия. Конфликт, как известно, разрешается поступком самопожертвования Пересвета во имя чести и славы Руси.

Начало события — характеристика субъектов-участников

«Александр Пересвет и его брат Андрей Ослябя навидались на своем веку всякого. Но зрелище, которое довелось им увидеть сегодня, своей чрезмерностью поневоле смутило и их. Самое поразительное для бывалых бойцов заключалось, пожалуй, в следующем: темная, медленно вползающая ордынская лава буквально втискивалась в поле, хотя оно имело в ширину несколько верст. Ощущение необыкновенной стесненности, зажатости войск противника возникало оттого, что почти не было видно обычных промежутков — свободного пространства между людьми и между отдельными полками.

Это ощущение еще усилилось, когда сблизились настолько, что стали заметны особенности построения пехоты противника. Ордынские пешцы шли сплошной стеной, плечо в плечо, ряд в ряд, затылок в затылок, они шли так, как ордынцы никогда обычно не ходили. Если первый ряд придерживал шаг и останавливался, ошестиниваясь копьями, пехотинцы второго ряда налагали свои копья на плечи передних. Этот прием у них, видимо, был хорошо отработан и получался быстро, без запинки, к тому же копья у задних выглядели явно длинней, чем у передних.

Не зря русская поговорка гласит, что у страха глаза велики. Врог почему-то всегда кажется выше, дородней, свирепей, ловчей, чем ты сам. Опытный воин старается не поддаваться такому ощущению, догадываясь, что и враг в это время переживает примерно такое же самое чувство. Как ордынская рать ужасала русскую сторону своей несметностью, диким видом своей пехоты (а из-за холма, обтекая его макушку, все переваливались и переваливались новые ряды, и не было этому конца-края, как будто сама земля извергала их из себя, забыв о мере), так и русское воинство, светящееся доспехами и оружием, овеваемое узорочьем стягов и хоругвей, подпираемого с одного и с другого плеча бронзовой крепью дубрав, смело и повсеместно выступающее вперед, бесчисленное, торжественно-праздничное (и это нищая Русь, захудалый лесной улус Великой Орды?!), ошеломляло и приводило в ужас своих противников.

Судя по солнцу, наступил полдень, когда выдвинутые вперед сторожевые полки двух ратей окоротили шаг и застыли друг против друга на расстоянии полупоприща».

Доминирование действий одного из субъектов события

«Грудью коня, как тяжелая лодка воду, раздвигая пехоту, из гущи ордынцев выезжал наперед всадник, и по мере его продвижения в обеих ратях становилось все тише. Когда он выехал, увидели, что это не знатный мурза, жаждущий покрасоваться перед началом боя, и не посол, которому поручено передать русской стороне какое-нибудь последнее условие. Тучный, дебелый, способный, видать, целого баран проглотить за один присест, он что-то яростно выкрикивал и гарцевал на своем коне-великане, у которого только что пламя не пыхало из ноздрей. Он был, похоже, пьян — то ли от гнева, то ли от мяса и кумыса. Он рычал, как пардус, выпущенный из клетки, и насмешливо выкликал жертву, обещая разодрать ее в клочья и разметать по полю».

Доминирование противоположного субъекта события

«И русская сторона оскорбленно молчала. К появлению этого страшилища не были готовы. Русского единоборца — великана, ругателя и насмешника — в запасе не имели. Наступило замешательство, тягостное, стыдное, какое бывает всегда, когда среди своих не находится того, кто бы посмел принять вызов, ответить по достоинству за всех. Каждый думал про себя: «Да уж мне-то куда? Осрамлю и себя, и все воинство...» Озирались пристыженно: но кто же, кто? Или не найдется ни единого? И знали заранее, что подобного этому, точно, не найти, не уродились такие, среди многих десятков тысяч нет ни одного.

А единоборец все разъезжал перед своими и пуще багровел, и рычал, отрывивая обрывки то ли молитв, то ли ругательств, и за его спиной уже похохатывали».

Разрешение конфликта между субъектами события

«Но вот облегчающий выдох прошелестел по русским рядам. Качнулись ряды, и вперед медленно, как бы в раздумье, выехал всадник в черной одежде схимника.

— Пересвет... свет... — прошелестело дальше, к тем, кто не мог видеть и еще не знал, почему остановились.

Пересвет оглянулся, как бы кого разыскивая глазами и не найдя, и поклонился. И все напоследок рассмотрели его бледное взволнованное лицо в тени схимнического куколя. Он был велик ростом, плечист, красив и статен, но все же ордынец выглядел крупней его, куда крупней. Затем Пересвет отвернулся, выровнял на весу копьё, прижал его локтем к боку и пустил коня вскачь.

Ордынец сорвался ему навстречу. Они сшиблись глухо, кони под ними сразу стали заваливаться, рухнули замертво вместе со всад-

никами. Единоборцы лежали недвижно, окованные дремучим сном. Это случилось в один миг, и все, кто видел, опешили от неожиданности происшедшего.

Позднее художники на миниатюрах в летописных сводах изображали Пересвета, лежащим поверх поверженного им врага, с рукой, застывшей в благословляющем движении. Он будто показывал рукой то направление, в котором, минуя его тело, русские пойдут вперед, дальше.

...Это случилось в один миг, но в следующий миг неведомая птица высоко над застывшими толпами подхватила душу Пересвета, еще рыдающую от боли, и в светящихся струях ветра бережно понесла ее все далее и далее от пределов порученного ей средоцарствования, понесла к тем ослепительным чертогам, где не знают ни плача, ни страдания, ни печали, но вечно любят бессмертным источником жизни».

Показанные художественно-исторические фрагменты отражают уровень всеобщих событий, касающихся Руси и России в целом.

В то же время на общем уровне существуют события, имеющие отношение к деятельности государств и государственных лидеров. Среди них, к примеру, казнь «Верховников», описанная В. С. Пикулем, казнь сына Петра I, царевича Алексея в романе Д. С. Мережковского «Антихрист».

События общего уровня отражены также в романе Ю. Н. Тынянова «Кюхля». К ним можно отнести собрание декабристов на квартире К. Ф. Рылеева на Мойке. Сюжет этого собрания явно событийен, в нем существует начало, зарождение конфликта между собравшимися, его развитие и его разрешение. Суть конфликта заключена, с одной стороны, в нравственной готовности выступить против тирана во имя идеалов свободы, дворянства, и, с другой стороны, — традиционное дворянское раболепие перед царем. Конфликт между общественным и личным находит свое разрешение в словах К. Ф. Рылеева: «Мы умрем, а пример останется».

«В 12 часов ночи в доме Американской компании на Мойке тоже не спят.

Густой дым стоит в комнате. Лица в свете ламп неверны, голоса охрипли, мундиры и сюртуки расстегнуты. Все говорят сразу, одни приходят, другие уходят.

Рылеев страшен, взгляда его черных глаз не выносит даже Якубович. Он сдвигает брови, когда Рылеев к нему обращается. От одной кучки к другой переходит быстро легкой, чужой походкой Рылеев. Он дает поручения, расспрашивает или просто жмет руку, говорит несколько слов. Лицо его мелькает, как луна среди черных волн, то тут, то там. С только что вошедшими Вильгельмом и Сашей никто не здоровается. Здесь приходят и уходят, не замечая друг друга, не обращая друг на друга внимания.

Вильгельм слышит, как Евгений Оболенский говорит, глядя на Александра Бестужева откровенными голубыми глазами:

— В случае неудачи не все потеряно, мы отведем войска на поселения. Все военные поселенцы к нам примкнут. А потом опять на Петербург.

Рылеев проходит мимо Вильгельма, который, ничего не видя вокруг себя, держит за руку Сашу Одоевского и, мимоходом, тихо касается его руки. Вильгельм мгновенно содрогается от этой ласки. Рылеев жмет руки Мише Бестужеву, который молча стоит в стороне с молоденьким гвардейским поручиком Сутгофом:

— Мир вам, люди дела, а не слова.

Миша Бестужев, штабс-капитан, серьезный и хмурый, говорит Рылееву:

— Мне Якубович не нравится. Он должен прийти с артиллерией и измайловцами ко мне, а потом уже вместе пойдем на площадь. Приведет ли?

Рылеев отвечает вопросом:

— На сколько рот ты считаешь?

Миша важно пожимает плечами, он чувствует себя перед первым делом.

— Солдаты рвутся в бой, а ротные командиры дали мне честное слово солдат не останавливать.

— А что у вас? — спрашивает Рылеев у Сутгофа, быстро наклоняясь корпусом вперед.

— За свою роту ручаюсь, — отвечает почтительно поручик, — возможно, что и другие пойдут.

Трубецкой чрезмерно возбужден, потирает руки, хрустит пальцами, слушает, что говорит ему Якубович, смотрящий куда-то поверх его и поверх всех, и говорит, собирая свои мысли:

— Значит, вы беретесь с Арбузовым занять дворец?

Якубович прерывает его жестом. Он кричит хрипло Трубецкому:

— Жребий, мечите жребий, кому убивать тирана.

— На плаху их! — кричит, багровея, Щепин.

Тогда Рылеев бросается к Каховскому и порывисто его обнимает.

— Любезный друг, — говорит он и смотрит с непонятной тоской в спокойное желтое лицо Каховского. — Ты сир на земле, ты должен пожертвовать собою для общества.

Все понимают, что это значит, и бросаются к Каховскому. Вильгельм пожимает руку, которая завтра должна убить Николая. Он окидывает взглядом всех. Сквозь табачный дым, при мерцающем свете, на него смотрят глаза, только глаза. Лиц он не видит. И он поднимает руку:

— Я! Я тоже. Вот моя рука!

Кто-то кладет ему руку на плечо. Он оборачивается: Пуцин, раскрасневшийся, смотрит на него строгими глазами.

Он только 8-го числа приехал из Москвы. Рылеев принял Вильгельма без него.

— Да, Жанно, — говорит Вильгельм тихо, — я тоже.

Саша смотрит на них обоих. В его глазах слезы. Он улыбается, и ямки обозначаются на его щеках.

Пушин сердито пожал плечами. Он прислушивается к разговору за столом.

— На кого же мы можем рассчитывать? — спрашивает второй раз с усилием Трубецкой, неизвестно от кого добиваясь ответа.

Корнилович, который только что приехал с юга, машет на него руками:

— В первой армии готово сто тысяч человек.

Пушин оборачивается к Трубецкому:

— Москва тотчас же присоединится.

Александр Бестужев громко хохочет в другом углу. В дверь входят Арбузов и еще три незнакомых Вильгельму офицера.

— План Зимнего дворца? — смеется Бестужев. — Царская фамилия не иголка, не спрячется, когда дело дойдет до ареста.

Рылеев ищет глазами Штейнгеля и видит, что Штейнгель сидит, обняв голову руками, и молчит.

Рылеев притрагивается рукой к его плечу. Штейнгель поднимает немолодое, измученное лицо и говорит глухо Рылееву:

— Боже, у нас ведь совсем нет сил. Неужели вы думаете действовать?

Все слушают и затихают.

— Действовать, непременно действовать, — отвечает Рылеев, и ноздри его раздуваются.

К Рылееву тянутся блуждающие зеленоватые глаза, глаза Трубецкого, у него дрожат губы.

— Может быть, подождать? Ведь у них артиллерия, ведь палить будут.

Рылеев становится белым и говорит медленно, смотря в упор в бегающие глаза:

— Мы на смерть обречены. Непременно действовать.

Он берет со стола бумагу — это копия с доноса Ростовцева — и говорит Трубецкому, раздув ноздри:

— Вы забыли, что нам изменили? Двор уже многое знает, но не все, а мы еще довольно сильны.

Он останавливается взглядом на спокойном Мише Бестужеве и говорит с внезапным спокойствием, твердо, почти тихо:

— Ножны изломаны. Сабли спрятать нельзя, умирать все равно. Завтра — к Сенату: он в 7 часов для присяги собирается. Мы заставим его подчиниться.

Все сказано».

Редким пока в опыте учителя истории является использование художественно-исторических средств для изображения событий не-

посредственной жизни людей в городе, деревне, дворянской усадьбе. Среди такого рода обыденной жизни учитель истории может показать праздник, свадьбу и др.

К примеру, художественно-исторический показ праздника масленицы как события можно осуществить с помощью отрывка из исторического романа Станислава Десяткова «Верховники».

«Цветистый карнавал масленицы под высоким, по-весеннему голубым небом... Впереди масленицы выступали рослые мужики-скородочки, молодцы с ухватами, старухи с помелами, поднятыми на длинные шести.

Шли полки оладейные, яичные, шел пряничный корпус, шел полк хворостовский, полк блиновский и твороговский, горчичный, соляночный, пьяный трехбатальный полк. Холмогорские безрогие коровы влекли за собой широкие бедра, на пивной бочке сидел толстый мужик, смешно надувался, представляя бога Бахуса.

Глиняные свистульки мальчишек сливались в пронзительный, по-весеннему нестройный хор.

Сама масленица была дородной бабищей на белом коне, в дорогом кафтане, в камзоле рыжего батиста с подмалеванными пробкой усами...»

Несмотря на кажущуюся простоту изложения, в рассказе есть своя структура, которая развивается вокруг конфликта между радостью хлебосоля и ожидания весны, все это восходит к образу масленицы как главному действенному персонажу праздника. Учителю очень важно хорошо изучить специфику такого рода событий, знать и понимать их символику и происхождение.

Художественно-исторические словесные оценки исторических явлений и событий

Поэты и писатели, в той или иной мере прикасавшиеся в своем творчестве к проблеме истории, обязательно высказывали отношение к нравственной сущности различных эпох. Свои высказывания они формулировали в форме поэтических или художественно-прозаических оценок.

В процессе изучения художественно-исторические оценки писателей и поэтов — эффективное средство для подведения итогов усвоения исторических событий и явлений всех уровней. Художественно-исторические оценки подразделяются на символические, характеро-логические, сюжетные.

Художественно-символические оценки исторических явлений

Это крайне абстрактная словесно-образная формула, вскрывающая сущность исторического события или явления. К примеру, З. Н. Гиппиус оценивает эпоху Николая I:

*И как звенящий зверь железный всех
Истребил, не истребив.
Исчезло все, но не зверь из бездны
Грозит нам снова смрадом крыл...*

Либо А. А. Блок с помощью поэтического символа так оценивает Россию первой половины XIX в.:

*В те годы дальние
В сердцах царили сон и мгла
Победоносцев над Россией
Простер свиные крыла...*

Символические оценки исторических событий или явлений наиболее уместны в момент завершения урока или целостной многозначимой темы. Часто достаточно всего лишь несколько строк, чтобы ученические переживания, накопившиеся в течение урока или темы, обобщались и обрели определенность.

Характерологические художественно-исторические оценки

Это художественно-историческая оценка явления или события посредством характеристики исторического персонажа. Обычно такого рода характеристики, выполненные с помощью поэзии или прозы не создают образа, а наоборот, очень рациональны и, скорее, работают не на человека, а на явление в целом.

Вот характеристика, данная А. С. Пушкиным Александру I, однако именно она может выступить на уроке в качестве обобщения всей эпохи его царствования:

*Владыка слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
Вскочив на трон отца капрала,
Он долго корчил генерала,
И будто выполнить решил
Все, что Лепарп ему внушил.
Явил он действия отвагу
В кругу интимнейших друзей,
Свободомыслящих князей,
Чертил прожеками бумагу.
Но почему-то из царя
Не получилось бунтаря...*

В силу достаточной рациональности художественно-исторических характеристик очень важно, чтобы они были четко соотносены с предшествующим содержанием урока. Необходимо, чтобы до их введения, учитель упомянул о том, что при завершении темы

мы обратимся к словам писателя, которые окончательно нам все пояснят. Характеристику необходимо снабдить поясняющим введением для более тесной связи с уроком, а также заключением, дающими возможность плавного перехода к домашнему заданию.

Художественно-историческая сюжетная оценка явлений и событий

Это оценка исторических явлений и событий художественно-историческим персонажем, являющимся их непосредственным участником. При этом очень важно именно то, что оценка рождается из непосредственного участия героя в развивающемся конфликте и обязательно переживающего из-за того или иного этапа события, объединенного сюжетно-исторической линией.

В качестве художественно-исторической оценки при изучении темы «Отечественная война 1812 г.» можно использовать фрагмент романа Д. С. Мережковского «Наполеон». В сюжете — пребывание Наполеона со своей армией в Москве, император дает ряд оценок России и русскому народу.

«Только к ночи вглядываюсь в Москву и опять засыпаю тяжелым сном: пустота многолюдного и вдруг опустевшего города, вымерших улиц, безмолвных домов, страшнее самой страшной пустыни. Вдруг в сознании: Россия — бесконечная тайга. Россия — рок...»

В ту же ночь он узнает, что Москва горит. Пять дней будет гореть. Тушат французы, но не потушат. Сразу со всех концов загорается: поджигают русские воры и разбойники, выпущенные для этого нарочно из тюрем.

Люди с дьявольскими лицами в бушующем пламени — настоящий образ ада.

«Какие люди, какие люди! Это скифы, — шепчет Наполеон в ужасе, — но это самое величественное и ужасное зрелище, какое я когда-либо видел».

Таким образом, художественно-исторические оценки событий и явлений — это особые средства, без которых невозможно подведение учащихся к пониманию сущности развивающихся нравственно-исторических конфликтов. Возникающий в сознании учащихся первоначальный образ конфликта переходит затем в аналитическую стадию и, наконец, завершает свое становление в окончательной формуле художественно-исторической оценки.

Художественно-исторические фонопособия

К художественно-историческим фонопособиям относят записанные на пластинки и магнитофонные ленты исторические спектакли и инсценировки. Введение в урок фонопособий — дело достаточно трудоемкое, требующее от учителя истории специальной подготовки, а также специально оборудованного для фоновоспроизведения

кабинета истории. Задача усложняется еще и тем, что фоноспектакли лучше воспринимаются учащимися при наличии зрительно-го ряда в виде слайдов и сюжетных диафильмов. В этом сочетании важна четкая соотнесенность звука и кадра, а также в целом продуманность урока, превращающая фоноспектакль и систему слайдов в единое художественно-историческое произведение. Между тем, фонд фоноспектаклей, выпущенных для средней школы, очень мал. Дидактически оснащенные фонопособия вообще представляют редкость. Большая их часть подготовлена по истории древнего мира «Восстание Спартака», «Путешествие по Риму» и др. По отечественной истории художественно-исторических фоноспектаклей почти не существует.

Встречаются, правда, записи с выступлением мастеров художественного слова, однако они так устарели и по качеству и по историческим акцентам, что применять их вряд ли имеет смысл в современной школе.

В старших классах можно использовать фоноспектакли, созданные не для школы, а для массового слушателя: «Синие кони на Красной траве», «Диктатура совести» М. Ф. Шатрова и др. Однако из-за их продолжительности по времени, от учителя требуется очень серьезная работа над материалом спектакля для определения тех фрагментов, которые адекватны содержанию изучаемой темы. Сказанное ни в коем случае не умаляет достоинств художественно-исторических фонопособий, речь лишь идет о необходимости создания их в качестве системы средств по каждому школьному курсу и для предмета в целом.

Несколько методических советов по использованию фонопособий на уроках истории:

1. При подготовке к введению фрагмента в урок истории необходимо обязательно его прослушать и определить главных участников фоноспектакля или его части. Это дает возможность объяснить то, что, возможно, не будет понято в процессе прослушивания фонофрагмента учащимися.

2. Отобранный фрагмент фоноспектакля должен обязательно представить возникновение, развитие и разрешение нравственного конфликта исторического явления или события.

3. При необходимости учитель должен выстроить зрительный ряд фоноспектакля — подобрать слайды, продумать эффекты.

4. Когда фрагмент таким образом осмыслен, учитель формирует историческое введение, связывающее фонофрагмент с предыдущим содержанием урока, и историческое заключение для связи с его последующим содержанием.

5. В содержательной структуре урока фонофрагмент может выступать в качестве:

- а) эмоционального введения в урок истории;

- b) предмета художественно-исторического анализа (аналитическим лейтмотивом урока);
- c) основы изучаемого исторического события;
- d) способа общения, в котором есть ответ на поставленные в уроке проблемные вопросы;
- e) нравственной проповеди, связывающей исторический материал с актуальными проблемами сегодняшнего дня.

6. Подготовка к введению фонопособия в урок связана с обязательным его прослушиванием в условиях кабинета истории до начала урока с включением всех компонентов фрагмента (слайды, свет и т. д.). Обработав до автоматизма момент введения фоносредств в урок, представив его таким образом во времени и пространстве, учитель имеет право на использование его в процессе обучения истории.

Таким образом, перед нами классификация целой системы художественно-исторических средств изучения истории.

Для удобства использования художественно-исторических словесных средств в процессе обучения истории представим их в виде таблицы:

Словесные художественно-исторические средства

Образные	Аналитические	Практические
Символическая поэзия и художественная проза-описание	Художественно-историческое описание	Художественно-исторический рассказ
Бессюжетная художественно-историческая характеристика	Художественно-историческая этическая беседа	Художественно-исторические оценки
Сюжетная художественно-историческая характеристика	Художественно-исторические познавательные задачи	Художественно-исторические фонопособия (фоноспектакли)

Литература

1. *Абакумова, И. В.* Смыслодидактика: учебник для магистров педагогики и психологии / И. В. Абакумова. — Москва : КРЕДО, 2008.
2. *Абульханова-Славская, К. А.* Диалектика человеческой жизни / К. А. Абульханова-Славская. — Москва : Мысль, 1977.
3. *Аврелий, Августин.* Исповедь / Августин Аврелий / История моих бедствий / Петр Абеляр. — Москва, 1992.
4. *Аристотель.* Сочинения. В 4 томах. Т. 1 / Аристотель. — Москва, 1985.
5. *Батищев, Г. С.* Особенности культуры глубинного общения / Г. С. Батищев // Вопросы философии. — 1995. — № 3.

6. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. — Москва, 1986.
7. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. — Москва, 1990.
8. Бергсон, А. Собрание сочинений. В 2 томах. Т. 1 / А. Бергсон. — Москва, 1992.
9. Бердяев, Н. А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев. — Москва : АСТ, 2003.
10. Библер, В. С. От наукознания — к логике культуры / В. С. Библер. — Москва, 1991.
11. Бондаревская, Е. В. Воспитание как встреча с личностью : в 2 т. / Е. В. Бондаревская. — Ростов-на-Дону, 2006.
12. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. — Москва : Республика, 1995.
13. Вентцель, К. Н. Этика и педагогика творческой личности. В 2 томах. Т. 2 / К. Н. Вентцель. — Москва, 1911—1912.
14. Вульф, К. Антропология воспитания / К. Вульф. — Москва : Практис, 2012.
15. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва, 1987.
16. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. — Берлин, 1926.
17. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель. — Москва, 1959.
18. Герbart, И. Ф. Избранные педагогические сочинения / И. Ф. Герbart. — Москва, 1980.
19. Гете, И. В. Очерк учения о цвете / И. В. Гете // Избранные сочинения по естествознанию. — Москва : Наука, 1954.
20. Гуманистическая, трансперсональная и экзистенциальная психология: К. Роджерс, А. Маслоу и Р. Мэй. — Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2007.
21. Гуревич, А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии / А. Я. Гуревич // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. — Москва, 2001.
22. Гуссерль, Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. — Москва, 1990.
23. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. — Москва : Академия, 1995.
24. Джеймс, У. Беседы с учителем о психологии / У. Джеймс. — Москва : Современник, 2004.
25. Дистервег, А. О природосообразности и культуурообразности в обучении / А. Дистервег // Избранные педагогические сочинения. — Москва, 1956.
26. Дьюи, Д. Введение в философию воспитания / Д. Дьюи. — Москва, 1921.
27. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. — Харьков. : Фолио; Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001.
28. Зинченко, В. П. Живое знание / В. П. Зинченко. — Самара, 1998.
29. Зинченко, В. П. Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии / В. П. Зинченко. — Москва, 2002.
30. История образования педагогической мысли за рубежом и в России / под ред. З. И. Васильевой. Москва : Академия, 2001.
31. Калгрэн, Ф. Воспитание к свободе / Ф. Калгрэн. — Москва : Моск. Центр вальдорфской педагогики, 1992.

32. *Кандинский, В.* О духовном в искусстве / В. Кандинский // Точка и линия на плоскости. — Санкт-Петербург : Азбука, 2001.
33. *Карсавин, Л. П.* Религиозно-философские сочинения. В 2 томах. Т. 1. / Л. П. Карсавин. — Москва, 2003.
34. *Кибардин, Н. П.* Система педагогики по творениям Блаженного Августина / Н. П. Кибардин. — Казань, 1910.
35. *Коменский, Я. А.* Великая дидактика / Я. А. Коменский // Избранные педагогические сочинения. — Москва, 1982. — Т. 1.
36. Коменский Я. А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И. Г.: Педагогическое наследие / сост. В. М. Кларин, А. Н. Джурицкий. — Москва, 1988.
37. *Кузанский, Н.* Игра в шар. О видении Бога / Н. Кузанский. — Москва : Академический проект, 2012.
38. *Кьеркегор, С.* Страх и трепет / С. Кьеркегор. — Москва, 1993.
39. *Лейбниц, Г. В.* Сочинения. В 4 томах. Т. 2 / Г. В. Лейбниц — Москва, 1980.
40. *Локк, Д.* Сочинения : в 3 т. / Д. Локк. — Москва, 1983—1988.
41. *Лосский, Н. О.* Бог и мировое зло / Н. О. Лосский; сост. А. П. Поляков, П. В. Алексеев, А. А. Яковлев. — Москва : Республика, 1994.
42. *Лотман, Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культур / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского университета. — 1973. — Вып. 308. — С. 227—243.
43. *Лузина, Л. М.* Понимание как духовный опыт (о понимании человека) / Л. М. Лузина. — Псков, 1997.
44. *Мамардашвили, М. К.* Стрела познания / М. К. Мамардашвили. — Москва : Языки русской культуры, 1997.
45. *Марсель, Г.* Опыт конкретной философии / Г. Марсель. — Москва : Республика, 2004.
46. Модульная организация учебного процесса в вузе: методологическое осмысление основных форм обучения — лекций, семинаров, практических занятий / [В. В. Шоган и др.; науч. ред. В. В. Шоган]; Южный федеральный ун-т, Педагогический ин-т — Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2012.
47. *Мунье, Э.* Что такое персонализм / Э. Мунье. — Москва, 1992.
48. *Пиаже, Ж.* Избранные педагогические труды / Ж. Пиаже. — Москва, 1984.
49. *Пирс, Ч.* Начала прагматизма / Ч. Пирс; предисл. В. В. Кирюшенко, М. В. Колопотина. — Санкт-Петербург : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ : Алетейя, 2000.
50. *Пригожин, И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтович, Ю. В. Сачкова. — Москва, 1986.
51. *Розанов, В. В.* Религия. Философия. Культура / В. В. Розанов. — Москва, 1992.
52. *Руссо, Ж.-Ж.* Педагогические сочинения. В 2 томах. Т. 1 / Ж.-Ж. Руссо. — Москва, 1981.
53. *Сартр, Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. — Москва : Республика, 2000.
54. *Соловьев, В. С.* Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьев. — Москва, 2001.

55. *Сорока-Росинский, В. Н.* Педагогические сочинения / В. Н. Сорока-Росинский. — Москва, 1991.
56. *Сторожакова, Е. В.* Глубинный диалог в высшем педагогическом образовании: монография / Е. В. Сторожакова. — Москва : Вузовская книга, 2014.
57. *Сторожакова, Е. В.* Уроки истории древнего мира в 5 классе / Е. В. Сторожакова, В. В. Шоган, Н. В. Оболенко. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2013.
58. *Тиллих, П.* Диалог / П. Тиллих, К. Роджерс // Московский психотерапевтический журнал. — 1994. — № 2. — С. 133—150.
59. *Толстой, Л. Н.* Педагогические сочинения / Л. Н. Толстой. — Москва, 1989.
60. *Трубецкой, Е.* Смысл жизни / Е. Трубецкой. — Москва, 2005.
61. *Флоренский, П. А.* Иконостас / П. А. Флоренский. — Москва, 2003.
62. *Фоменко, В. Т.* Исходные логические структуры процесса обучения / В. Т. Фоменко. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1985.
63. *Франкл, С. Л.* Духовные основы общества / С. Л. Франк. — Москва, 1992.
64. *Хайдеггер, М.* Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. — Москва : Республика, 1993.
65. *Цветков, Э.* Мастер самопознания, или Погружение в «Я» / Э. Цветков. — Москва, 2003.
66. *Шацкий, С. Т.* Педагогические сочинения. В 4 томах. Т. 2. / С. Т. Шацкий. — Москва, 1964.
67. *Шеллинг, Ф. В. Й.* Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. — Москва, 2005.
68. *Шоган В. В.* Воспоминание о будущем. Перспективы образования третьего тысячелетия / В. В. Шоган — Москва : Вузовская книга, 2013.
69. *Шоган, В. В.* История искусства в школе / В. В. Шоган. — Ростов-на-Дону, 1999.
70. *Шоган, В. В.* Методика преподавания истории в школе. Уроки истории нового поколения / В. В. Шоган. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2005.
71. *Шоган В. В. Шоган Е. В.* Методика преподавания социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: учебное пособие / В. В. Шоган, Е. В. Шоган: Южный федеральный ун-т, Педагогический ин-т — Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2009.
72. *Шоган, В. В.* Модульная организация учебного процесса в вузе: методологическое осмысление основных форм обучения — лекций, семинаров, практических занятий / В. В. Шоган. — Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2012.
73. *Шоган, В. В.* Новые технологии в историческом образовании / В. В. Шоган. — Ростов-на-Дону, 2005.
74. *Шоган, В. В.* Теоретические основы модульной технологии личностно ориентированного образования / В. В. Шоган. — Ростов-на-Дону, 1999.
75. *Шоган, В. В.* Технология личностно ориентированного урока / В. В. Шоган. — Ростов-на-Дону : Учитель, 2003.
76. *Шоган В. В., Сторожакова Е. В.* Этюды о глубинной дидактике / В. В. Шоган, Е. В. Сторожакова — Ростов-на-Дону : Ростовкнига, 2016.
77. *Шоган, Е. В.* Старшеклассник в диалоге с вечностью. Экзистенциальные диалоги как фактор ценностно-смыслового развития личности старшекласс-

ника в образовательном пространстве: учеб. пособие / Е. В. Шоган. — Москва : МарТ, 2006.

78. *Шоган, Е. В.* Экзистенциальные диалоги в воспитательном пространстве школы / В. В. Шоган // Воспитание гражданина, человека культуры и нравственности как условие конструктивного развития современной России. — Ростов-на-Дону, 2004.

79. *Шпенглер, О.* Закат Европы / О. Шпенглер. — Новосибирск, 2003.

80. *Штайнер, Р.* Антропософия. Фрагмент 1910 / Р. Штайнер // Общая антропология как основа педагогики. — Москва : Титурель, 2005.

81. *Юнг, К. Г.* Архетип и символ / К. Г. Юнг. — Москва : Ренессанс, 1991.

82. *Ясперс, К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — Москва, 1994.

83. *Heidegger, M.* Existence and being / M. Heidegger. — Chicago : Regnery, 1949.

84. *Heidegger, M.* The way back into the ground of metaphysics / M. Heidegger. — New York : Meridian, 1956.

85. *Miller, A.* Cognitive differentiation and integration: A conceptual analysis / A. Miller, P. Wilson // Genetic Psychology Monographs. — 1979. — Vol. 99. — P. 3—40.

86. *Ricwur, P.,* 1969. The Conflict of Interpretatons: Essays in Herm.

87. *Rogers, K.* A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centered framework / K. Rogers // Psychology: A study of a Science. Vol. 3. Formulations of the Person and the Social Context / Ed. by S. Koch. — New York, 1959. — P. 184—256.

88. *Rogers, K.* Toward a More Humanistic Science of the Person / K. Rogers // Journal of Humanistic Psychology. — 1978. — № 9. — P. 145—152.

Новые издания по дисциплине «Методика обучения истории» и смежным дисциплинам

1. Методика обучения истории: трудные вопросы истории России : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / С. В. Любичанковский [и др.] ; ответственный редактор С. В. Любичанковский. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

2. *Набатова, О. Г.* История России XVIII века. Конспект уроков : практическое пособие / О. Г. Набатова. — 2-е изд., стер. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

3. *Набатова, О. Г.* История России XVI—XVII веков. Конспект уроков : практическое пособие / О. Г. Набатова. — 2-е изд., стер. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

4. *Набатова, О. Г.* История России с древнейших времен до начала XVI века. Конспект уроков : практическое пособие / О. Г. Набатова. — 2-е изд., стер. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

5. *Несмелова, М. Л.* История Древнего мира. Конспект уроков. В 3 частях. Ч. 1 : практическое пособие / М. Л. Несмелова, А. Ю. Несмелов. — 2-е изд., стер. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

6. *Несмелова, М. Л.* История Древнего мира. Конспект уроков. В 3 частях. Ч. 2 : практическое пособие / М. Л. Несмелова, А. Ю. Несмелов. — 2-е изд., стер. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

7. *Несмелова, М. Л.* История Древнего мира. Конспекты уроков. В 3 частях. Ч. 3 : практическое пособие / М. Л. Несмелова, А. Ю. Несмелов. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

8. *Несмелова, М. Л.* История Средних веков. Конспект уроков. В 2 частях. Ч. 1 : практическое пособие / М. Л. Несмелова. — 2-е изд., стер. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

9. *Несмелова, М. Л.* История Средних веков. Конспект уроков. В 2 частях. Ч. 2 : практическое пособие / М. Л. Несмелова. — 2-е изд., стер. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

10. *Соколова, М. В.* Устная история. Теоретические и педагогические основания : учебное пособие для академического бакалавриата / М. В. Соколова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

Наши книги можно приобрести:

Учебным заведениям и библиотекам:

в отделе по работе с вузами
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: vuz@urait.ru

Частным лицам:

список магазинов смотрите на сайте urait.ru
в разделе «Частным лицам»

Магазинам и корпоративным клиентам:

в отделе продаж
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru

Отзывы об издании присылайте в редакцию

e-mail: gred@urait.ru

**Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Учебное издание

Сторожакова Екатерина Владимировна

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учебное пособие для вузов

Формат 70×100¹/₁₆.

Гарнитура «Charter». Печать цифровая.

Усл. печ. л. 23,66.

ООО «Издательство Юрайт»

111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.

Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru